

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

ДИКАЯ
МАГИЯ

ПРОКЛЯТЬЕ
«ЧЕРНОГО ТЮЛЬПАНА»

Елена Княжина
Дикая магия. Проклятье
«Черного тюльпана»
Серия «Дикая магия», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67285148
SelfPub; 2023*

Аннотация

Я Анна Дэлориан, дестинка, магический самородок с «черной» кровью. Я перестала быть своей в мире людей, но и в сообщество первокровных выскочек-магов меня приглашать не торопятся. Знала ли я, что пара глупых фраз, брошенных в адрес надменного профессора, так сильно испортит мне жизнь? Первый день учебы, а у меня уже есть собственный враг, поклявшийся сопровождать мучениями каждый мой шаг. И еще эта странная Санкт-Петербургская академия, в которой у любого встречного по скелету в шкафу. Не успею разобраться с чужими тайнами к Рождеству – скорее всего, сама стану... этим самым... скелетом, в общем.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Игра с огнем	8
Глава 2. Подвал номер два	28
Глава 3. Подарки Судьбы	49
Глава 4. Столкновение	75
Глава 5. Соединение	100
Глава 6. Первая кровь	123
Глава 7. Поощрение и наказание	153
Глава 8. Демоны тоже плачут	172
Глава 9. Дело в шляпе	188
Глава 10. Тигр, тигр, жгучий страх	216
Глава 11. Пункт связи	229
Глава 12. Вспышка	251
Глава 13. Черный тюльпан	269
Глава 14. Ночь для чудовищ	287
Глава 15. Необходимая жертва	315
Глава 16. Против правил	337
Глава 17. Вечер понедельника	360
Глава 18. Глициния Бурестрастная	375

Елена Княжина

Дикая магия. Проклятье «Черного тюльпана»

Пролог

Чертова брусчатка!

Каблуки скользили и застревали в швах между округлыми камнями. Вот кто додумался мостить улицы булыжником? Будь на мне джинсы и кроссовки, оставался бы призрачный шанс выбраться из передраги. А так я, скорее, ногу сломаю или шею сверну, запутавшись в прилипчивой ткани летней юбки.

И зачем вышла на порог? Почему не осталась в «Эншантели»? Поздно задавать вопросы... Все равно через пару минут ответы выслушивать будет некому.

Подпрыгивающее в груди сердце и стук разъезжающихся каблучков не мешали корить себя за глупость. Наоборот, бодрым военным маршем сопровождали спонтанные приступы самобичевания. В памяти непрошенными, но яркими брызгами мелькали события, ставшие причиной нынешнего бедственного положения.

...Странности начались пару часов назад. Обычный пят-

ничный вечер, последний для этого лета. Мы с однокурсницами столпились в распорядительном зале «Эншантели», умирая от августовской духоты и обмахиваясь ладонями, словно веерами. Директриса – чопорная мадам Буше с немислимой пирамидой из седых кудрей на голове – называла наши имена и раздавала каждой листки с расписанием.

– Анна Дэлориан, – скучно продекламировала она, и я подошла, чтобы взять список предметов.

Вот тут-то и почувствовала странный, недобрый взгляд, ледяным кинжалом проковырявший кожу на лопатках. Кто-то наблюдал за мной. Пристально так, злокозненно... Будто намеревался проклясть весь мой род от праотцов до потомков. Я растерянно поглядела в зал, утопавший в торжественном свечении хрустальных люстр. Его заполняла пара сотен девиц с мирными, отдохнувшими лицами.

В голове заходилась звоном «тревожный будильник», спонсируя приближающуюся мигрень. Вполуха я слушала мадам Буше, напоминавшую о правилах поведения в «институте благородных девиц» и требованиях к внешнему виду. А сама озиралась по сторонам, чтобы обнаружить того, чей взгляд больно обжигал кожу лютой злобой.

Едва скучная лекция закончилась, я выскочила на улицу и направилась в общежитие. Ноги сами несли подальше от «Эншантели», подгоняемые дурным предчувствием. Начало темнеть, но мне оставалось пройти всего пару кварталов.

Этот район Парижа был довольно тихим и безлюдным. Туристы здесь прохаживались редко. Уверена, не обошлось без отводящих заклятий. По спине снова скользнули злые глаза. Нервно обернулась и принялась всматриваться в темноту. Вот он. Значит, с ума я пока не схожу, но от этого не легче.

От угла здания отлепилась высокая тень и хищной походкой направилась в мою сторону. Ничего хорошего в мрачном переулке этот тип замышлять не мог, поэтому я что есть сил припустила в противоположном направлении.

Как есть, дура. Надо было остаться в школе. Но неведомое чутье гнало меня оттуда волшебной метлой. И вот я неслась по окраине сумрачного Парижа, путаясь в длинной форменной юбке и истекая потом под застегнутым на все пуговицы синим блейзером. Каблуки скользили по булыжнику старой улочки, и их стук гулом разлетался между домов.

Боковым зрением я осматривала двери зданий, мимо которых проносилась. Как на зло, по пути не оказалось ни одного магического порога. Что за невезение... А еще дестинка, ну что вы говорите! Как помощь нужна, так Судьба завалилась на боковую и храпит на три голоса в разных октавах.

Чья-то сильная морщинистая лапа схватила за плечо и рванула к серой стене. Я вскрикнула и забилась в истерике, мысленно проклиная дрыхнущую Судьбу за трагический недосмотр. А потом в ухо полился знакомый голос:

– Тихо, девочка. Спорим, сейчас ты рада меня видеть?

– Ты? Но... как?

Седые вихры, нос с горбинкой, острые, пронизательные глаза... Паутинка тонких морщин, – я помнила каждую. Но сохранилось в памяти и кое-что еще... Шесть лет. Шесть чертовых лет!

– Я. Слава богу, успел. Не думал, что они так быстро найдут...

Обмякнув всем телом, я бросилась в объятия крестного. Ужас шариками пота катался по спине, но теперь... Все будет хорошо. Он пришел за мной.

Артур ласково погладил по волосам, клюнул в макушку и мягко потянул за собой в темный проулок – сама бы я и не заметила этой щели между зданиями.

Минут через пять мы подбежали к синей дубовой двери, на ней еле заметно мерцал золотой круг, заполненный магическими символами. Быстро вскочив на порог, я прижалась к крестному, и он перенес нас телепортирующим вихрем обратно ко входу в «Эншантель»...

Глава 1. Игра с огнем

Все происходит по давно прописанному сценарию.

Сначала слышится стук металлической трубы, мерно ударяющейся о кафельные плиты. Потом – угрожающий девичий свист и приближающийся топот нескольких пар каблучков. В нос бьет тяжелый и влажный запах ванной комнаты.

Поскальзываясь на мокрой плитке, я проишмыгиваю мимо стройного ряда душевых и забиваюсь в угол под старой раковиной, изъеденной рыжим налетом. Сердце гулко бьется в груди, намереваясь выскочить наружу при первой возможности.

«Я не виновата! Не надо!» – нелепая мысль колотится в висок отбойным молотком. Как будто им нужен повод? Разве пожалели Бэку? А Эльзу? Вопрос лишь в том, какого размера мне положено наказание... И останусь ли я после него жива.

Хрусткий удар отворившейся двери. Последняя надежда – может, директор? Но появляется Тильда – первой, предваряя процессию возбужденных дракой прихлебательниц. Демонстрирует издалека блестящий прут. Красивый, начищенный, не то, что у остальных – ржавые железяки...

Я могу предвосхитить каждый жест, каждый звук, но спокойнее от этого не становится. Вот Тильда, как обыч-

но, вальяжной походкой устремляется к раковине. Делает плавный взмах и едва оцарапывает лицо, прошивая висок острой болью. Разминается, она сама так сказала, прежде чем объяснить мои «радужные» перспективы. Кровь греет щеку, теплыми каплями скатывается на пол и причудливыми разводами растекается по белоснежному кафелю...

Картинка меняется. Крепко зажмурившись, я не могу понять, почему в душевой поднялась суета, наполненная визгом, паром и горячими брызгами. Приподняв веки, сквозь ресницы вижу пролетающий вентиль, слетевший с резьбы и бьющий Тильде под глаз. Раскуроченные невидимым гигантом трубы и краны плюются кипящей жижей, одаривая девиц красными пятнами и ожогами. Тильда хищно озирается в поисках преступника, но здесь только мы: перепуганная двенадцатилетняя девчонка в мокрой юбке и стайка ее мучительниц.

Редко удается досмотреть до финала. Обычно все обрывается с первым ударом прута, но не сегодня... То, что раньше казалось концом проблем, теперь воспринимается как их начало.

***

«Просто кошмар! Дурной сон! Дыши. Вот так, вдох...» – уговаривала я себя, обнимая и поглаживая плечи. Хорошо, что соседки уже убежали на завтрак, и никто не видел моей позорной дрожи. Ей богу, как маленькая. Даром, что ноги с кровати свешиваются.

Склизкое чувство еще держало в плену сердечную мышцу, но дыхание восстанавливалось. Машинально запустив руку под подушку, я пальцами наткнулась на спасительный кусочек дерева, отполированный до идеальной гладкости. Палочка была на месте, от нее шло успокоительное тепло. Дурацкая привычка – хранить именной жезл у головы. И к тому же, опасная. Можно коснуться случайно, пробормотать в бреду заклинание – и оторвать себе полбашки. Сколько раз Артур меня за это ругал, но ведь большей упрямцы еще поискать.

По белому одеялу скакали разноцветные солнечные зайцы – тусклое питерское утро пробивалось в круглое витражное окно за моей спиной. На нем была изображена привлекательная волшебница – в развевающемся голубом платье, с длинной черной косой и серебряной короной на голове. Девушка стояла, оптимистично улыбаясь и гордо подняв палочку в небо. Мне бы ее самоуверенность.

Соседки рассказали, что это Аврора Мудрая – основательница Санкт-Петербургской Академии волшебных искусств. Именно здесь мне предстоит «отбывать срок» следующие три года. Если, конечно, Артур не придумает более изощренного наказания за глупую пробежку по парижскому проулку.

Кто-то подумает, что кошмар, приснившийся накануне первого учебного дня – дурное предзнаменование. Но за шесть лет я к нему так привыкла, что он стал знаком обы-

денности. Ошибочным. Обманчивым. Ведь ничего знакомого и родного за дверью спальни меня не ждало. А дурных предзнаменований и без того хватало.

Начать хотя бы с того, что три дня назад я была уверена, что сентябрьским утром пройду по любимой потаенной улочке Парижа, вдохну чудесный французский воздух и привычным движением открою потертую дубовую дверь «Эншантели» – Школы благородных манер и изящных колдовских искусств. Но, волею Судьбы, жестокой иронии и неожиданной инициативы крестного, я оказалась здесь.

Наверняка у Санкт-Петербурга бывали и хорошие дни. Но в мой приезд город был серым, унылым и плаксиво-пасмурным. Два чемодана стояли у кровати, до сих пор не разобранные: подсознание отказывалось верить в произошедшее.

Страшный сон, отголоски которого до сих пор ползали по мне липкой паутинкой, напомнил о других грядущих неприятностях. Сегодня меня ждет кое-что похуже кошмара шестилетней давности. Призрачно-бледная высокомерная физиономия с точеными скулами, будто вырезанная из мрамора ценной породы... И холодные черные глаза, глянцевым обсидианом сверкающие на белом лице.

Главное чудовище Академии.

Два дня назад, в ночь приезда, я его крепко оскорбила. Не знаю, что на меня нашло, – вспышка ярости, помутнение рассудка, проблеск идиотизма... Обычно я гораздо вежливее. Но этот гад с его кривой ухмылкой... В общем, бык на

красную тряпку бросается с меньшим энтузиазмом, чем я на того типа. Я не питала иллюзий: мрачный профессор на первом же уроке возьмет реванш. Развлечется по-крупному. За мой, естественно, счет.

От воспоминаний о сумасшедшем пятничном вечере и последующей ночи меня до сих пор потряхивало.

***

...Едва мы прислонились к синей двери в парижском за-коулке, как тут же оказались перед другой – знакомой, по-тертой, выдавшей виды и десятки поколений волшебников. Спрятаться от преследователя в школе? Дурацкий план. Я бы предпочла перенестись за тысячи километров от «Эншантели», лишь бы больше не ощущать на себе этот злоб-ный, проклинающий взгляд...

Крестный будто мысли мои прочитал (а может, и прочи-тал, не удивлюсь). Следующий час Артур препирался с ма-дам Буше, пытаясь забрать мои документы и договориться о переправке вещей в Санкт-Петербургскую Академию. Ни-чего не понимая, я молча сидела на стульчике для посетите-лей и нервно грызла стакан с водой. Я знала, что директрисе крестного не переспорить, но все равно с волнением прислу-шивалась к ее жалким попыткам.

– Артюр, мон ами! Ей остался год учебы! Все наши ста-рания... Коту, пардон, под хвост! – жеманно стонала мадам Буше.

Мой опекун включил властную натуру на максимум:

пронзал острыми глазами, задирали орлиный нос с горбинкой, возмущенно тряс короткими седыми вихрами с вкраплениями «черного перца». Больше всего мне в Артуре нравился волевой подбородок с импозантной ямочкой – уверена, в молодости он был неприлично красив. В итоге директриса обмякла под гнетом его обаяния и добровольно сдалась.

Спустя час мы оказались уже в другом ректорском кабинете – вполне уютном, пусть и небольшом. Артур привычно плюхнулся в свое кожаное кресло, стоявшее за красивым дубовым столом. Я заняла стул напротив, предназначенный посетителям. Ошалевшим от внезапных приключений взором я начала разглядывать новую обстановку и неожиданно наткнулась глазами... на него.

В темном углу с уставшим и недовольным видом стоял молодой мужчина, больше похожий на графа Дракулу, чем на человека. Бледность кожи оттенялась чернотой волос, глаз и всего одеяния. Воротник пиджака был поднят вверх, что идеально завершало демонический образ. Во взгляде чувствовалось нечто вроде тошноты. Глаза были холодными и острыми, губы плотно сжаты.

Молчание затянулось. Мы ждали кого-то еще, и я позволила себе внаглую рассматривать мрачного незнакомца. Он занимался тем же самым, с очевидной неприязнью высверливая в моем теле сквозные отверстия.

Среди воспитанниц «Эншантели» мужчина считался бы

привлекательным. Тонкие, изящные черты лица, ярко выраженные аристократические скулы... Но все портили лед и высокомерие, сквозившие в каждом жесте и фразе. Нет, как по мне, затаенная злоба красивой быть не может.

Ему было лет тридцать или чуть больше. Я подивилась, когда крестный в приветствии обратился к нему «профессор». Казалось, чтобы дослужиться до такого звания, нужно занять седину в волосах. Хотя, в этой Петербургской Академии, куда намеревался определить меня Артур, все было шиворот-навыворот.

Минуту спустя к нам присоединился еще один мужчина. Второй преподаватель являлся полной противоположностью первого. Войдя в кабинет, он миролюбиво пожал мне руку и уселся в кресло возле лампы. Освещенное лицо профессора Осворта источало мудрость и доброту.

Всем своим видом он напоминал спокойного и дружелюбного пса – какого-нибудь ретривера, – готового довериться любому, кто потреплет за ухом. Седина успела тронуть короткие русые волосы, хотя мужчине было значительно меньше сорока. Оба профессора были кураторами двух отделений, я могла выбрать любое.

– Что, милая, непривычно видеть столько мужчин в одной комнате? – заулыбался крестный. – В «Эншантели» преподают только женщины...

– «Эншантель»? – возмущенно зашипел Демон. – После стольких лет в Институте благородных девиц... Едва ли она

вообще способна воспринимать информацию.

– Профессор Карпов, это не обсуждается. Девушка будет продолжать обучение в Санкт-Петербургской Академии, – крестный говорил мирно, но начинал заводиться. – Мы собрались здесь, чтобы определить для нее специализацию и отделение...

От нескончаемой болтовни, приправленной паникой и беготней, начала болеть голова. Мучительно хотелось опустить ее на подушку и прикрыть глаза хоть на мгновение. Глядишь, все это окажется сном. И преследователь из переуллка, и перепуганное лицо крестного, и растерянная физиономия мадам Буше, провожавшей нас с документами на крыльцо... Если хорошенько подумать, я и от шести лет в Париже готова была проснуться, лишь бы снова стать обычной двенадцатилетней девчонкой с ленточкой в волосах.

– Тогда будь добр, Артур... Объясни нам, ради всего святого, причину этого сумасбродства, – фамильярно заявил тот самый Карпов. – Чем этой «милрой» леди не жилось в «Эншантели»? Надоело крутить реверансы, варить косметические кремы и завязывать бантики?

Злобная мигрень атаковала мозг, я не разобрала и половины едких слов, брошенных в мой адрес мерзким типом.

– Мисс Дэлориан угрожает опасность. И здесь, под нашим наблюдением, она будет достойно защищена, – крестный говорил серьезно, и в очередной раз за вечер по спине пробежал холодок. – Я намеренно определил ее в «Эншантель»,

надеясь, что там она будет в безопасности. Какое-то время план работал, но в нынешних обстоятельствах... Не думал, что они найдут ее так быстро.

– Что значит «я намеренно определил»?

– Анна – моя крестница, Андрей. С некоторых пор я являюсь ее магическим опекуном, наравне с ее безумной тетушкой, – вздохнул Артур. – И это еще одна причина, по которой она останется здесь без обсуждений. Существует слишком много людей, желающих ей навредить. И теперь они знают, где искать.

– Крестница ректора... Как мило. Полагаю, мисс Дэлориан рассчитывает на «особое отношение» со стороны преподавателей. Но едва ли я смогу его гарантировать на своем отделении, – резким, царапающим слух голосом заявил Карпов. Еще и бровь поднял, гад, для пущей выразительности. Он выглядел раздраженным и измотанным. На историю про опасность для моей жизни и ухом не повел. – Боюсь, вам придется стараться столько же, сколько остальным. И даже больше, если учесть, что предыдущие шесть лет страдали ерундой.

– Я не рассчитываю ни на какое «особое отношение», и от вас – тем более, – до обидного тихо и устало возмутилась я, на бурную акцию негодования не было сил. – А на ваше отделение не пойду по совсем другой причине.

– Горю от нетерпения услышать, по какой именно, – с издевкой пробормотал профессор, облокотившись на шкаф и

вынырнув, наконец, из мрака.

На шее мужчины виднелся свежий порез, брюки испачкались грязью. Уверена, пах мрачный профессор ничуть не лучше, чем выглядел. И где он шатался перед тем, как прийти на полуночное совещание?

– Потому что вы – высокомерная сволочь. И я вас уже ненавижу, хотя знаю всего две минуты, – гневно фыркнула, глядя в ледяные черные глаза.

Крестный осуждающе покачал головой, и я тут же поняла, как нелепо и по-детски прозвучала моя тирада. Кажется, Карпова она тоже позабавила: демонические губы скривились в едкой ухмылке. Но сказанного не вернешь, и теперь в его глазах я выглядела инфантильной идиоткой. Приехали.

– Я сразу понял, что мы поладим, – недобро усмехнулся профессор, подтвердив мои опасения, и без предупреждения вышел из кабинета.

***

Мои соседки – их было шесть – уже давно встали и спустились к завтраку в трапезный зал. Мы делили комнату на третьем этаже Академии. Здесь базировалось второе отделение – его курировал профессор Осворт. Понятное дело, на первое, к мерзкому Карпову, я не пошла бы под угрозой расстрела.

Без особого энтузиазма я сползла с кровати и натянула с вечера подготовленную форменную белую блузку и серую юбку длиной до пола. В «Эншантели» одевались так же ста-

ромодно и консервативно, и проблем с гардеробом не возникло. Сунув палочку в замаскированный карман, я попле-лась в уборную.

Плеснув в лицо ледяной водой, уставилась в зеркало. Оттуда на меня сердито и недоверчиво глядели черные, как ночь, глаза. И они были чертовски не рады, что снова придется смотреть на самое неприятное лицо на свете. К счастью, у них было время собраться с духом: перед гипотетической смертью на первом же занятии полагалось подкрепиться.

Настало время предпринять еще одну попытку пристру-нить длинные волосы. Смолисто-черные, густые, но невероятно упрямые – как я сама. Они были и отрадой, и ежеднев-ным наказанием. Часть прядей лежала прямо, часть – выги-балась волнами, в итоге волосы путались и раскидывались по спине неоформленной копной. Каждое утро я пыталась привести их к единому знаменателю и терпела крах.

Думаю, Судьба таким образом показывала, как окружа-ющим трудно со мной сладить. Даже крестный – терпели-вейший и мудрейший мужчина из всех, кто мне знаком, – постоянно сетовал, что стоило быть покладистой. Я вздох-нула и собрала копну в низкий пучок, оставив несколько недлинных прядей обрамлять лицо. Это придало мне ангель-ски-кроткий вид, не имеющий ничего общего с действитель-ностью.

Стресс последних дней дал о себе знать – кожа сегодня выглядела неоправданно бледной. Загар ко мне не клеился,

но здоровый румянец выплывал постоянно. Я вообще мастер краснеть по любому поводу. И если вдруг освою искусство скрывать стеснение, то вся остальная магия будет по плечу.

До сих пор, глядя в зеркало, думала, не приемное ли я дитя? У матери были светло-карие глаза, почти медовые, у отца – серые. Но своевольный отцовский нор и чувственные мамины губы, доставшиеся в наследство, мягко намекали, что не стоит искать себя в списке царских отпрысков, похищенных во младенчестве.

***

Не слишком бодрой походкой я побрела на завтрак. В парадном коридоре путь преградила чья-то наглая спина, обтянутая отнюдь не дешевой материей.

– Осторожнее, пигалица, – сквозь зубы прошипел мешающий мне парень.

– Ай! Ты что творишь?!

Тонкокостная белая рука стальным наручником сжала запястье. Ее владелец стоял, задумчиво оборотившись к окну, и, казалось, даже не заметил, что схватил проходившую мимо девицу. Бормотал он явно не извинения.

– Здесь у каждого имеется секрет. По большей части, ерунда, – тихо затараторил юноша с вихрем соломенных волос на голове. – Но кто-то хранит опасную тайну. Столь тяжелую и страшную, что почти неподъемную для одного. Она способна тебя убить. Ее вес тяготит хозяина, сводит с ума, заставляет расплескивать силу, тянет к тебе...

Оцепенев от сказанного, я даже позабыла о запястье, угодившем в капкан из жестких пальцев.

– Шуточки у тебя!

Парень меня не слышал – или старательно делал вид, – только все бормотал и бормотал.

– Разберись со всеми тайнами вокруг, поняла? Найди правильную. Ту, что касается тебя. Только тогда сможешь выбраться из западни. Судьба на твоей стороне, но порой и этого мало.

– Выбраться?

– Выжить.

Белые пальцы разжались, и рука юноши безвольно упала, стукнув того по бедру. Но он, казалось, и этого не заметил. Поток нахлынувших второкурсников меня отнесло в противоположный конец коридора, а юношу у окна смыла встречная волна.

***

Не успела я подумать, что «первый день не задался, давайте сразу второй», как среди сотни учеников безошибочно определила хозяйку рыжей шевелюры в десятке метров от меня. Дженни Абрамс, светлое пятно в удручающем мраке сегодняшнего утра.

Джен было семнадцать, она училась на пятом курсе. Хрупкая мальчишеская фигурка играла с девушкой злую шутку: издали юная мисс Абрамс казалась угловатой третьекурсницей. Ее длинные медные волосы в солнечных лучах

отливали позолотой, чем вызывали зависть потомственных ювелиров. Темные изумрудные глаза довершали драгоценный облик. Бледное личико без веснушек, острый носик и дерзкая, непокорная улыбка, – такой я ее и запомнила.

Летом мы обе проводили каникулы у общей знакомой – Элизабет Мэй – и там умудрились сдружиться. И уж точно не ожидали встретиться в Академии: из дома Лиз и ее жениха я прямиком отправилась в Париж – постигать изящные, но, по мнению злобного профессора, бесполезные колдовские искусства.

– Ну что, ты определилась со специализациями и факультативами? – без приветствия, с фирменной прямолинейностью спросила Джен, едва меня заметив.

– Взяла «Лекарское дело» и «Правопорядок»... – виновато улыбнувшись, призналась я подруге.

Рыжая бестия закатила глаза. Весь вчерашний день она уговаривала меня пойти на «Волшебные исследования» и «Преподавание магии» – от греха подальше.

– Ты уже смертница, знаешь об этом? – мрачно рассмеялась девушка. – Видела свой Лист предметов?

С горестным вздохом помахала перед ней бледно-желтой картонкой, украшенной гербовой печатью.

– И сколько из них ведет Демон?

– Три... – уставив глаза в тарелку, прошептала я.

Дженни закашлялась, чуть не подавившись омлетом.

– Ладно... Буду навещать тебя в психбольнице, куда ты,

без сомнения, загремишь уже через неделю, – зловеще пошутила юная мисс Абрамс. – Кстати, начался учебный год, и теперь твое место там.

Подруга кивнула на стол у противоположной стены, за которым разместились старшекурсники. С одной его стороны обнаружилось шесть знакомых мордашек, еще недавно заспанных и помятых, а теперь фантастически ухоженных. Мои соседки давно научились приводить себя в порядок парой движений именного жезла. Я тоже умела, и получше многих – шесть лет в «Эншантели» не шутки! – но предпочитала умываться и прихорашиваться по старинке.

Другой конец стола с шумным гомоном облюбовали юноши. Завершив завтрак, они не торопились покидать компанию дам, отпуская едкие шуточки и вгоняющие в краску комментарии. Не избалованная мужским обществом (в «Эншантели» учились только девицы), я заинтересованно изучала щуплые спины молодых магов.

Одна, впрочем, была не такой уж и щуплой. Широкая, в натянутой до треска белой рубашке... К ней прилагались крепкая шея и густой ежик черных волос. Повадки у парня были странные: какие-то звериные, не человеческие. Вот он тянется за чайником... Но нет, скорее, вальяжно крадется. Обернувшись, опускает ресницы и кидает в зал вежливую улыбку... Или щурится, как дикий кот на солнце, окидывая взором свой прайд?

– Что за парень? Тот, в белой рубашке? – равнодушно

спросила я у Джен, стараясь не выдать волнения.

– Энди Макферсон. Ты на первый урок не опоздаешь?

– О господи!

Подскочив со стула ужаленным вепрем, я рванула к выходу из трапезного зала и взлетела по лестнице на третий этаж. Для первого занятия требовалась защитная экипировка... точнее, верхняя одежда. Ей полагалось спасти меня от холода. На большее рассчитывать не приходилось.

***

Я остановилась в паре метров от своей спальни: кто-то окликнул еле различимым шепотом. Обладателя тихого голоса не узнала. Вдалеке у лестницы, скрытая напускным туманом, неразборчиво маячила фигура невысокого юноши с головой, окутанной огнем.

Что-то вспыхнуло в его руках, но рассмотреть не успела. Колючий ледяной вихрь пихнул меня в спину и отнес к стене. Больно ударившись ухом о каменную преграду, я резко обернулась и собралась наброситься на обидчика... Но очередная ударная волна – на сей раз огненная – силовым полем отеснила обратно к стенке.

Источающая языки пламени сфера пронеслась по коридору и скрылась за углом, едва не опалив ресницы. Если бы я осталась стоять по центру, по степени прожарки уже напоминала бы курицу-гриль. Но кое-кто спокойно перенес визит шаровой молнии. Посреди коридора с довольной физиономией висело... привидение.

– Забыл, что люди не умеют просачиваться сквозь стены, – ухмылялась прозрачная рожа, растянув улыбку от одного голубоватого уха до другого. – Роджер Вортингтон, ваш сегодняшний рыцарь, мадемуазель.

С этими словами «прозрачная рожа» погасила ухмылку, и призрак отвесил мне глубокий поклон в духе высшего света. Это было полноценное привидение – с ногами, руками и даже намеком на брюки и рубаху, распахнутую на груди. С какого века вылез местный Каспер, непонятно, но знакомые мне мужчины давно отказались от кружевных манжет и жабо...

– Ничего себе шуточки! – крикнула я в конец коридора, из которого вылетел горящий шар. Сейчас площадка пустовала, фигура растворилась вместе с туманом.

– Крепкая сфера была, прожарила бы хорошо, ладно бы не до костей... Кто-то со старших курсов расстарался. Или случайный выброс, с огнетворцами такое бывает... Или ты кому-то здесь уже подпортила жизнь. Новенькая?

– Угу. Анна. Вы не видели, кто запустил огненную штуковину?

Прозрачный спаситель помотал мерцающей головой.

– Я был этажом выше, почувствовал выброс энергии и провалился поглядеть, кто со спичками балует. Но из-за пламени только фигуру рассмотрел...

– Спасибо за спасение, господин Вортингтон, – пробормотала я, потирая ушибленное ухо. – Надеюсь, случайность.

Я пока только одного человека успела оскорбить, но он избрал бы другой способ мщения. Долгий и мучительный.

В конце коридора почудилось движение. Вернулся извиниться? Рыжий всполох в темноте намекнул, что нет. И для пущей убедительности разросся метровой алой волной и полетел прицельно в меня. Зажмурившись – уж не для того ли, чтобы сберечь глаза? – я приготовилась к худшему. Живое пламя... Именно так поступали с ведьмами в давние времена. С дестинками, если точнее.

Но вместо огненного марева я погрузилась в ледяное желе. Жара не было, но поток чужой силы – яростной, мощной, скользкой по мышцам, – попытался сбить с ног. В конце концов, ему это удалось, и я полетела на пол в обнимку с призраком, живым щитом вставшим на пути пламенной струи. Хотя нет... Не живым.

Гулкий топот на лестнице схлестнулся с чужими голосами и прочими звуками. Злоумышленник растворился в толпе галдящих учеников где-то на нижних этажах.

Роджер приземлился сверху и, опираясь на вытянутые руки, сишло пробормотал:

– Тебе не кажется, Анна, что наши отношения развиваются слишком стремительно?

А затем исполнил мою давнюю мечту и провалился сквозь землю. Точнее, сквозь пол, с холодным щекотанием просочившись через меня и выйдя где-то на нижнем этаже. Но через секунду вернулся и с обеспокоенным видом завис над

лицом.

– Случайность, говоришь? – Роджер сосредоточенно запыхтел, и я с опозданием догадалась, что передо мной не взрослый джентльмен, а ровесник.

Скривив прозрачные губы в озорной ухмылке, он галантным жестом подал мне руку, за которую я при всем желании не смогла бы ухватиться.

– Почему щит не выставила? – проворчал спаситель, пока я поднималась, путаясь в юбке. От нее несло гарью, но подпалин я не нашла. Может, обойдется стиркой.

– Не умею, – выдохнула неловкое признание. – В «Эншантели» учили только одноразовым, от них мало толку при такой огневой мощи. Прорвутся сразу. Да и растерялась.

За годы обучения в Париже я утвердилась в мысли, что там намеренно воспитывали незащитных леди. Им предстояло стать чьими-то идеальными, вышколенными женами, а обеспечение безопасности входило в обязанности мужей.

– Роджер... Меня правда могли убить? Вот так нелепо, в первый день занятий?

– Выглядело страшно... и эффектно... Но вдруг на то и был расчет? Истинная мощь заклятия могла быть небольшой. Мне трудно определить силу выброса без тела. А у тебя только юбка подкопtilась. Скорее всего, пугнуть хотели. Даже третьекурсница выставила бы щит, – выдвинул версию Роджер и успокоительно потрепал холодной лапой мои волосы, из-за чего они встали дыбом, а шея пошла му-

рашками. – Кто ж знал, что ты такая растяпа.

Пихнуть бы его хорошенько, да что с ним делается, с бес-телесным. . .

– Тебе надо рассказать ректору о случившемся. Пойдем, провожу.

– Успеется. У меня через пятнадцать минут занятие в тре-тьей оранжерее. И если опоздаю, до вечера точно не доживу.

Вспомнив о первом уроке, я тут же забыла об чьей-то пла-менной любви. И понеслась в спальню за осенним плащом: на улице задувал ветер.

Крестному я решила пока не говорить о покушении – ес-ли не на жизнь, то на психику уж точно. Артур и без того параноик, каких мало: запрет в четырех стенах и замок ам-барный навесит.

Интересно, здесь всех дестинок так встречают? Кто-то в Академии явно помнит дикие времена, когда «чернокро-вых» сжигали на кострах. . . Не перепуганные люди, не ры-цари-крестоносцы, не священнослужители. . . А их же перво-кровные коллеги-маги.

Глава 2. Подвал номер два

Вид Петербургской Академии с первого взгляда создавал праздничное настроение. Внешняя нарядность места моего заточения издевательски контрастировала с мрачным предчувствием, поднимавшимся в глубине души.

Старательно переставляя ноги, я направлялась к оранжевое номер три. Там, по причине хорошей (для Петербурга) погоды, должен был состояться урок «Магических снадобий и волшебных трав». В очень узком кругу – куда входили только я и злобный профессор Карпов, – данный предмет назывался «Первая прилюдная казнь крестницы ректора».

Вздохнув, я притормозила, обернулась и окинула взглядом вотчину Артура. Главное здание напоминало не то дворянскую усадьбу, не то американский Белый дом во всей роскоши его архитектуры. Фасад был выкрашен в голубой цвет; спереди крышу подпирал ряд белых колонн, оканчивавшихся изящной лепниной.

Кое-где на стенах виднелись барельефы, изображавшие средневековые магические баталии. К парадной двери вел десяток мраморных ступеней. По бокам от крыльца стояли четыре белые статуи – две симпатичные волшебницы в платьях и два мужественных волшебника в длинных плащах.

Я пыталась выкинуть странные слова белокурого парня из головы и вернуться к проблемам насущным – тем самым, с

демонически черными глазами и надменной рожей. Но с юбки еще не выветрился запах гари... И он не давал мыслям пойти спокойной тропинкой.

На секунду из-за плотных туч показалось слепящее солнце. Прищурившись, я бросила мученический взгляд на изящную женскую статую. Пригласить бы ее «каменным гостем» в третью оранжерею и попросить наставить Демона на путь справедливости!

Мраморная голова ободряюще улыбнулась и приветственно кивнула. Ох, батюшки... Подскочив от неожиданности, я тряхнула волосами, зажмурилась, снова открыла глаза... Фигуры стояли неподвижно, без намека на бурную деятельность.

Перед входом расстился лабиринт из узких дорожек. Некоторые вели к английским оранжереям, в которых разводились диковинные магические растения. Другие тянулись к крупным постройкам – хозяйственному блоку, высокой астрономической башне и небольшой часовне. Позади главного здания расположился парк со скамейками, скульптурами и роскошным садом. Старшекурсники облюбовали его укромные уголки для тайных встреч, подразумевающих поцелуи и прочие вольности.

Слева Академия была прикрыта от внешнего мира хвойным лесом, который становился темным и дремучим уже через пять шагов. Ученики избегали в него заходить – волшебные компасы на территории школы не работали, так что за-

блудиться проще простого. Страшных магических тварей в этом лесу не водилось, зато можно было наткнуться на зайца, лисицу или кабана.

В день приезда я видела трех молодых самок оленя, на всем скаку вылетевших из чащи. Они стусевались при виде оранжерей, сделали несколько длинных грациозных прыжков вдоль опушки и снова скрылись в еловой гуще.

Справа Академию отрезала от мира широкая река, через которую был перекинут округлый каменный мост. Настолько узкий, что в выходные на нем начиналось столпотворение: схлестывались два потока и образовывались заторы. Ученики любили ходить на ту сторону, в магическую общину, именовавшуюся попросту Деревней.

В третьей оранжерее было жарко и душно: тут «проживали» волшебные растения тропиков и суккуленты. Я последовала примеру остальных и скинула плащик в общую кучу у входа. Нас пришло всего человек пятнадцать, но зимняя теплица была узкой, и потому протиснуться через чужие тела стало непростой задачей. Каким-то седьмым чувством, больно схватившим за лопатки, я ощутила присутствие Демона.

Карпов снял пиджак и без особого трепета бросил его на один из столов. Машинально расстегнув пуговицу на черной рубашке, он притулился к дальней стене и окинул холодным взглядом собравшихся. Когда его взгляд дошел до меня, равнодушие сменилось неприязнью. От льда черных глаз по

спине прокатилась волна мурашек, и я сразу позабыла о жаре.

Жестом показав, что можно занимать места у продолговатых столов, тянущихся вдоль стен теплицы, Демон по-змеиному медленно двинулся в мою сторону. Ну вот, началось...

– Не ожидал увидеть вас на своих занятиях... Особенно после нашего многообещающего знакомства, – прямолинейно заявил он, остановившись в полуметре от меня.

Рост позволял профессору смотреть сверху вниз. Мне даже пришлось слегка приподнять голову, чтобы гордо встретиться с его ледяными глазами.

– Почти на каждой специализации есть ваши чертовы занятия, сэр, – грубовато пробубнила я, и тут же прикусила язык.

– Покажите свой лист предметов... – потребовал Карпов и протянул ко мне крупную ладонь. Недовольно засопев, сунула ему желтую памятку. Видит Бог, я сама была не в восторге от обилия в ней «демонических дисциплин». Он недобро усмехнулся. – Ох, боюсь, вы сильно усложнили себе жизнь. Стоило выбрать что-нибудь... попроще.

Развернувшись, Карпов стремительно пересек оранжею, выудил из заднего кармана брюк именной жезл и резво им взмахнул. Тотчас в воздухе появилась пара десятков карточек. Они закружились в быстром причудливом танце и произвольно полетели в учеников, угождая кому в ухо, кому в нос.

В хвосте теплицы послышался визг: наглая бумажка нырнула под шифоновую блузку одной из девиц и начала биться в складках ткани, пытаясь вырваться на свободу. От своей картонки я успела увернуться, и она недовольно приземлилась в контейнер с голубыми кактусами.

– Никто не против начать сразу же с самостоятельной работы? – с притворной вежливостью спросил профессор и минуту наслаждался ожидаемой тишиной. – Вот и славно. Перед вами листы с персональными заданиями. Проверим, сохранилось ли в этих темных головах хоть что-то после каникул. Вам предстоит отыскать, собрать и подготовить ингредиенты для разных волшебных отваров. Приступайте.

Отцепив от иголок карточку, я прочла свое задание:

«Снадобье для усиленного кроветворения»

Применяется в качестве поддерживающего средства при серьезной кровопотере, а также в процессе магической хирургии.

Ингредиенты: Очиток Дурманящий, кусочек 2 см от края; Мелисса Равнодушная, 3 верхних листа; Опуncia Пурпурная Ядреная, сердцевина без кожи; корень Сарсапариллы Буйной, 3 см.

Радовало уже то, что растения в контейнерах были подписаны. Я понятия не имела, как выглядит Буйная Сарсапарилла и как отличить Ядреную Опунцию от какой-нибудь другой. Первым я увидела Дурманящий Очиток, он веером раскинул свои змееподобные мясистые листики в паре ша-

ГОВ ОТ МЕНЯ.

Вооружившись ножницами, подлезла к растению. Но, едва лезвия коснулись голубоватой кожицы, Очиток недовольно одернул листик в сторону. Я примостилась с другой стороны, протянула руку... но он снова непокорно отпрянул. Похоже, это танго мы будем танцевать долго.

– Вы и сами – тепличное растение, мисс Дэлориан, – фыркнул позади меня профессор. Он стоял совсем близко, чуть ли не утыкаясь подбородком в плечо, и насмешливо наблюдал за моими попытками приструнить вредный Очиток. – Этаким милый цветочек с нежными лепестками, выращенный в оранжерее вроде этой. В условиях, катастрофически далеких от реального климата волшебного мира. Когда у вас случился всплеск? В десять, одиннадцать?

– В двенадцать... сэр, – твердо ответила я, не собираясь так сразу прогибаться под издевательским напором.

– Стало быть, до этого вы планировали жить в обычном мире людей и обзавестись привычной для них профессией. И какие же розовые мечты жили в этой упрямой destino головке? – профессор встал сбоку и больно ткнул пальцем мне в лоб. – Хотели стать балериной? Актрисой? Наследной принцессой?

Я сжала губы, надеясь, что он отстанет, если буду молчать. Но он терпеливо ждал ответа.

– Художницей, – пробубнила я тихо-тихо, стараясь не привлекать к себе внимание. Без толку – все пялились имен-

но на нас.

– И что же вам нравилось рисовать? Пони? Единорогов? Котят? – с язвительной ухмылкой громко вопрошал Карпов. – Отвечайте... Вы же догадываетесь, как сильно я могу испортить вам жизнь за непослушание на уроках.

– Одежду, – едва слышно проговорила я, мечтая стать невидимкой на веки вечные.

– Какую-то конкретную?

– Платья.

– В мире людей много полезных профессий – врачи, юристы, фермеры... Но вы планировали зарабатывать на жизнь, рисуя красивые платья? – злорадно прошипел Демон, вызвав десяток улыбок у моих однокурсников.

– У меня хорошо получалось. Кто-то должен заниматься и этим, – тверже произнесла я. Нельзя высмеивать детские мечты!

– А потом сердобольный опекун подобрал для вас самое тепличное заведение магического мира – «Эншантель», школу благородных манер и изящных колдовских искусств. И чему же вас там учили целых шесть лет? Варить крем от прыщей? Штопать носки одним движением палочки? Готовить яблочный конфитюр?

Судя по довольной физиономии, от нашей беседы Демон получал несравненное удовольствие. Словно паук, причмокивающий над телом обездвиженной мухи и медленно вонзающий клычки в ее сочное брюшко.

– И этому в числе прочего...

– Покажите свою палочку, мисс Дэлориан, – устало выдохнул профессор, окрасив бледное лицо презрительной улыбкой.

Смирившись с неизбежным, протянула мужчине именной жезл. «Стандартная дамская умеренной мощности» – так гласила этикетка на палочке, которую шесть лет назад крестный купил в Парижской магической лавочке. Мне сразу приглянулся ее изысканный серебряный наконечник с цветочным узором: кажется, это были тюльпаны. Палочка была тонкой и длинной, идеально гладкой, отполированной до лоснящегося блеска. И с удобной рукоятью, оплетенной бежевой кожей.

– Помимо лекарского дела вы выбрали специализацию война... И вот этим вы собираетесь восстанавливать правопорядок? Дамская, слабая, чрезмерно послушная, танцующая... Она точно не игрушечная? Ей бы подошел наконечник в виде сверкающей розовой звездочки.

– Такие палочки – требование «Эншантели», сэр.

– Я в курсе, но спасибо, что напомнили, – грубо отрезал преподаватель. – Идеальное заведение, чтобы вынуть из головы разум и заполнить ее малиновым желе из бесполезных умений.

– Мой разум не покидал голову... сэр, – с возмущением прошипела я.

– И что же вы будете делать, если встретите в переулке Ма-

стера темной материи? – Карпов пренебрежительно швырнул палочку на стол рядом со мной. – Сразите наповал реверансом? Закидаете изысканной выпечкой? Окатите горячим луковым супом?

Ученики расхохотались. Будь я с другой стороны, поток едких острот и мне показался бы забавным. Но сейчас по телу расползлось непривычное, мерзкое чувство. В «Эншантели» меня никогда не поднимали на смех прилюдно. На секунду оранжерея номер три исчезла, и появились облупленные стены старого интерната...

...Я сижу на траве – двенадцатилетняя девчушка в зеленом платье, с бордовой ленточкой в волосах, – а надо мной возвышается фигура Тильды. Ее лицо багровеет от ярости, из-за чего невымытые патлы русых волос кажутся почти белыми. Вокруг стоят еще девочки, и все они лицемерно смеются над унижительными шутками в мой адрес...

Цепкий холод сковал сердце. Я глянула на Демона и неуверенно, будучи внутри все еще двенадцатилетней, пролепетала:

– Я здесь, чтобы научиться...

– Вам уже поздно чему-то учиться, – перебил меня высокомерный тип. Как он вообще додумался заняться преподаванием? – Найдите себе богатого мужа, запритесь в его родовом имении и идите печь свои круассаны.

Прекрасная мысль, если учесть, что я была дестинкой – уникальным волшебным самородком с «черной» кровью.

В обычных людях нет ни капли дикой, первобытной магии, и, по существующим законам, всплесков у них случаться не должно. Но то и дело на карте волшебного мира вспыхивают темные пятна, знаменующие появление очередного дестина – «подарка судьбы». Сотни лет ученые ломают головы, почему это происходит, да без толку.

Но моя эксклюзивность не являлась преимуществом. Наоборот, ни один маг-аристократ не рискнул бы связать со мной свою жизнь. Представители знаменитых фамилий, протирающие брюки в роскошных родовых поместьях, упали бы в обморок от идеи смешать свою голубую кровь с дестинской. Так что удачное замужество мне не светило. И я к нему не стремилась.

– Наш мир гораздо опаснее и отвратительнее, чем вам кажется. Жизнь в нем бывает очень быстротечной. Он мрачен, зол, несправедлив... и нетерпим к оранжерейным созданиям, – продолжил Демон издевательскую нотацию.

– Этот мир отвратителен уже потому, что в нем существуют люди вроде вас... сэр. Вы позволите мне дальше выполнять свою работу? – надменно спросила я, с ненавистью уставив на него глаза.

Опрометчивое пожелание: ножницы в дрожащих пальцах ходили ходуном, и профессор это прекрасно видел.

– Разумеется, мисс Дэлориан. В конце занятия я с удовольствием оценю ее. По достоинству.

Сглотнув слезы, я отвернулась к контейнеру с Дурманя-

щим Очитком. Почуяв неладное, его мясистые продолговатые листья сплелись в тугой змеиный клубок и ошетинились на меня острыми кончиками. Вот и попробуй тут отрезать два сантиметра...

– И дам вам «дружеский» совет, – гораздо тише, наклонившись к самому уху, добавил Карпов. – Поскольку я не могу настаивать на вашем исключении, попробуйте сами вправить мозги крестному. Вам здесь не место, юная леди. Оставаясь в Академии, вы обрекаете себя на нескончаемые мучения. Которым я, не сомневайтесь, буду способствовать... в качестве высокомерной сволочи.

В груди предательски захлюпало, но я не пускала рыдания наружу. Этот гад даже не представлял, как сильно я хотела вернуться в Париж – к своим скучным косметическим кремам и другим бесполезным наукам. Там остались друзья и солнце, а здесь меня встретил фирменный апломб русского магического двора.

– Мисс Пруэтт, подойдите на минутку, – позвал Демон симпатичную темноволосую девицу. Вид у нее был подстать профессору, надменный и мрачный. – Вы на каком курсе учились обращаться с Волшебными Очитками? Знаете, что нужно сделать, чтобы отрезать кусочек?

– На втором, сэр, – с издевкой заявила студентка, сверкнув глубокими зелеными глазами. – Они расслабляются от тепла и становятся податливыми. Можно поднести к огню или опрыскать горячей водой. И, милочка, тебе лучше на-

деть перчатки, а то испортишь нежную кожу. Дурманящий Очиток жжется, когда злится.

– Благодарю за совет... милочка, – сквозь зубы прошипела я, принудительно сглатывая вырывающиеся рыдания. – И вам, профессор, спасибо за деликатную помощь и адекватное наставление. Преподавание у вас в крови.

Гневно бросив ножницы на стол, я схватила свою палочку и дерганной походкой вышла из оранжереи номер три. Слезы бесстыдно полились из глаз, устраивая на щеках стихийное бедствие.

***

Самое мерзкое в этой истории, что насмешки профессора не были беспочвенны. Я действительно понятия не имела о способах магической самообороны, никогда не изучала сильные защитные заклятья, не тренировалась контролировать именной жезл в сражении... и не представляла, как укротить гадкий Дурманящий Очиток.

Следом за «Снадобьями» шел сдвоенный урок «Существ и сущностей волшебного мира». Профессор Валенвайд – слишком высокий, худощавый и белокожий старец в длинном бордовом сюртуке, – два часа монотонно рассказывал о своем предмете. Студенты ерзали и зевали, но болтать никто не решался: от преподавателя исходил осязаемый флер опасности.

Я устроилась на последней парте и спрятала порозовевший нос за страницами учебника. Не хотелось, чтобы одно-

курсники уличили меня в рыданиях.

После третьего урока в расписании значился обед. От длительного плача до сих пор подташнивало, есть не хотелось. Но я все равно отправилась в трапезный зал и сразу увидела рыжую голову юной подруги. Пять минут спустя я рассказывала Дженни о происшествии в оранжерее, вяло ковыряя запеченную в травах картофелину. Она участливо кивала и скорбно вздыхала, а в итоге испуганно пробормотала:

– Анна, это не тот человек, с которым стоит ссориться. Попробуй... поменьше ему перечить, а?

– Не могу, Джен, – вымученно улыбнулась я одними губами. – Сама не знаю, что на меня находит. Только вижу эти черные глаза, внутри все закипает, и просыпается разъяренный зверь. Такое чувство, что прямо на месте умру, если не отвечу на колкость.

За стол шестикурсников я снова не пошла. Должно же быть хоть какое-то преимущество у крестницы ректора, раз уж все равно приходится расплачиваться за сомнительный статус.

В выходные я развлекалась тем, что составляла психологические портреты своих соседок и давала им прозвища. Рыжую Рашель Рид окрестила «Мечтательницей» за любовь поваляться на кровати с дамским романом, томно вздыхая в конце каждой страницы. Статную Владу – «Аристократкой». Она не кичилась родословной, но девушку выдавали осанка и манеры. Куда бы ни входила мисс Дягилева, выглядело это

так, будто принцесса посещает рабочие бараки.

Вика Добрева – наивная, но благодушная и отзывчивая, стала «Простушкой». Она первой предложила мне полистать свои конспекты за прошлый год. Неопытную Розмари я сразу прозвала «Цветочком», наверное, из-за фамилии – Блум. Правда, по мнению Карпова, я и сама годилась на эту незавидную «оранжерейную» роль.

Меган и Кристина сновали по Академии сиамскими близняшками. Этакие две стороны одной крайне любопытной и непоседливой монетки... Но Меган была рассудительной половиной, а Крис отвечала за взбалмошность и хаос. Энди Макферсон сидел в окружении моих соседок и что-то оживленно им рассказывал. Я могла бы быть в их числе... Так ведь и по Уставу положено?

В затылок прилетел кусочек острого картона, прервав размышления фривольного толка. Бумажка требовательно стукнулась в ухо, затем в лоб... Какая настырная!

– Что за ерунда летучая?

– Местная система оповещения – теле-маго-грамма, – жалостливо глянула на меня Дженни. – Ей пользуется только персонал Академии, ну и... ничего приятного обычно не прилетает. Дотронься жезлом, и она успокоится.

Ткнув бумажку палочкой, я усмирила бешеную записку и смогла, наконец, прочитать содержимое. Оно-то и вернуло меня к суровой академической реальности.

*Мисс Анна Дэлориан, второе отделение, куратор проф.
Р. Осворт*

Трудовое наказание за нарушение дисциплины на уроке «Магические снадобья и волшебные травы»

Ответственный за исполнение: проф. А. Карпов

Прибыть: подвальное помещение номер два, 20.00, сегодняшнего дня

– Подвал? Так сразу? – Округлившимися глазами Джен глядела через мое плечо. – Крепко ты его достала, Ани... Во втором я никогда не была, но... честно скажу, пару раз мне доставался первый. И с тех пор я зареклась нарушать тишину на занятиях у Карамзиной.

Следом было еще два урока. Ксения Игоревна устроила вводную лекцию о пользе бытовой практической магии. Этот предмет выглядел самым безобидным и многообещающим. А Ромул Осворт собрал всех в фойе и, вместо беседы об именных жезлах, предложил ученикам насладиться последними «теплыми» деньками и отпустил с занятия на прогулку.

За ужином кусок в горло не лез: все думала, какое извращенное наказание придумал для меня добросердечный профессор. Кое-как покончив с рыбным филе и размазав по тарелке тушеные овощи, я вышла из зала.

Мои соседки по комнате – Вика и Кристина – стояли в коридоре и шумно щебетали. Я расслышала, что девочки об-

суждают каких-то парней на курс младше, подмигивавших им за ужином. Один из них – синеглазый аристократ наверняка ценных магических кровей – явно запал в душу Виктории. Во всяком случае, говорила она про него с томным придыханием.

До боли в зубах захотелось, чтобы все мои проблемы сводились к обсуждению мальчишек. Но нет, великодушная судьба подкинула целый пучок разноплановых невзгод. Незнакомые предметы, чужой город, новая школа, какая-то грозящая мне мифическая опасность... И вполне реальное наказание, ждущее в подвале номер два.

Побродив немножко по Академии, не в силах больше томиться в неизвестности, я спустилась в подземную зону. Здесь были каменные стены, будто выдолбленные в скале, и такой же сводчатый потолок. Легонько толкнув вторую по счету дверь, убедилась, что та заперта. Ну и отлично, не тороплюсь.

Опустившись на каменный пол, прислонилась к прохладной стене. Тяжелый, влажный воздух, полумрак и звенящий холод царили в этом странном месте. Кому-то подземелье Академии показалось бы достойным фильма ужасов. Но мне тут даже понравилось: тихо, пусто и не жарко.

– Потерялись, новенькая мисс?

Надо мной возникла сутулая фигура некогда красивого мужчины, а теперь глубокого старца. Прозрачные глаза-льдинки и бледная кожа в сочетании с длинными белыми

волосами, распушенными по плечам, добавляли ему сходства с призраком. Но тонкие неглубокие морщинки, из которых складывалась заинтересованная гримаса, выглядели живыми и настоящими. А синий форменный сюртук внушал уважение.

– Нет, я как раз по месту назначения... – вздохнула я, махнув подбородком в сторону второго подвального помещения. Старик многозначительно хмыкнул, но не ушел. – Как вы поняли, что я новенькая? Неужели на лбу написано?

– По заплаканным глазам, мисс. С новенькими такое то и дело случается, особенно если с первым предметом не повезет. Кхе-кхе... Айзек Эйвери, начальник местной охраны, – представился он, задумался на секунду, а потом громко крикнул и рассмеялся. – Начальник... Важное слово. Только я же и подчиненный. Получается, сам себе приказы отдаю, да. В прежние времена у меня было три младших стража, но Арти решил, что без них справимся. Так что я теперь и смотритель, и защитник, и детектив, и полицейский, а порой и уборщик, ежели понадобится что секретное припрятать...

– А по профессии? – я решила вежливо поддержать разговор, тем более, что сидеть одной расхотелось.

– Мастер защитных заклятий. Дык только чаще приходится выяснять, кто лягушек в унитазы запустил и магически-стойкими красками потолок в учительской испохабил. Порой так хочется... кого-нибудь... эх... кхм... проклясть хорошенько... Но защитной лицензией этого не предусмот-

рено.

– И слава богу, а то половину студентов пришлось бы отмывать от этих «хорошеньких проклятий», – язвительно усмехнулся Карпов, выплывший из темноты. – Вы рано, мисс Дэлориан. Уже соскучились? Не буду вас задерживать. Поднимайтесь.

Взмахнув именованным жезлом, профессор запустил к потолку пару ярких светящихся шаров, наполненных не то газом, не то пузырящейся жидкостью. Мрак спрятался по углам и забился в щели. Стукнув палочкой по заветной двери, Карпов властно толкнул ее и пропустил меня перед собой.

Лучше бы я вообще не ужинала... И не обедала. Тушеные овощи резко начали проситься на волю. Это было самое отвратительное место из всех, что я видела.

Квадратная комната была расчерчена стеллажами с банками, колбами и бутылками. Я знала, что в Санкт-Петербурге есть Кунсткамера – музей со всякого рода пугающими редкостями. Но она рядом не стояла с местными «шедеврами». Уверена, этот подвальчик оценил бы сам Петр Великий.

Содержимое стеклянных сосудов было гадким, шокирующим и тошнотворным. Какие-то органы, части тел, отрезанные головы, лапы, хвосты, обрывки тканей и шерсти... Только принадлежали они не людям, а неизвестным мне диковинным существам. Все это плавало в голубоватой жидкости, причем по-настоящему бултыхалось и крутилось, а не просто дрейфовало.

На ближайшем стеллаже в полуметровой банке в фантазийном танце вращалась косматая голова. На морде, покрытой слипшейся сизой шерстью, застыло выражение ужаса; остекленевшие глаза уставились прямо на меня. Я узнала существо – это был морф, вроде тех, что работают на почте. Обычно они производили впечатление милых пушистых созданий, но не сейчас.

– Если соберетесь упасть в обморок или избавиться от ужина, предупредите заранее, – грубо произнес за моей спиной Карпов.

Зажав рот ладонью, я боялась проронить хоть слово. Так, в молчании, мы простояли минуту.

– Так вот... Мисс Дэлориан... Еще раз покинете мое занятие без разрешения, приведу вас сюда, запру дверь на два часа и заставлю стереть пыль с каждой баночки. А теперь пойдете.

Схватив за локоть, он вытащил меня спиной прочь из жуткой квадратной комнаты. Я плохо соображала, ноги едва повиновались.

– Лучше вам все-таки начать дышать... Не хочу, чтобы на меня повесили убийство, – мрачно съязвил Карпов, и я сделала судорожный вдох. Легкие с благодарностью наполнились кислородом. – На сегодняшний вечер для вас есть другое наказание. Которое вы, я уверен, теперь воспримете с радостью и энтузиазмом. Следуйте за мной.

На заплетающихся ногах дошла за профессором до вто-

рого этажа. Глазам открылся просторный кабинет, уставленный двумя десятками однообразных столов. На каждом громоздилась вереница колбочек, сообщающихся сосудов и хитросплетенных стеклянных труб. Мечта юного химика! Видно, здесь проходили основные занятия по «Магическим снадобьям».

Запах в кабинете стоял удручающий. На некоторых зельеварительных столах ползала, вальяжно перекатываясь с края на край, какая-то смердящая зеленая слизь.

– Первокурсники... – со страдальческим видом проворчал Карпов. – Отмывайте как хотите и чем хотите... Хозяйственные принадлежности найдете в дальнем шкафу. Разрешаю пользоваться вашей игрушечной палочкой, если вдруг знаете какие-то полезные заклятия для уборки. – Он глянул на меня с ощутимой неприязнью, губы скривились в презрительной ухмылке. – В следующий раз могу и не разрешить. Но, вы же дестинка... Вам не привыкать пользоваться тряпкой?

Гордо дернув плечами и едва не послав в мерзкого преподавателя тонну отборной ругани, я направилась к хозяйственному шкафу. Когда обернулась, профессора уже и след простыл. А я боялась, что он весь вечер простоит над душой, любясь моими попытками избавиться от зеленой дряни.

Кое-какая польза от «Эншантели» имелась: я знала десяток заклятий для быстрой и эффективной уборки. Вооружившись коробкой с порошком, парой мочалок, тазиком во-

ды и своим «игрушечным» дамским жезлом, я бросилась на войну с отвратной слизью. Прекрасное завершение первого учебного дня в новой школе! Но Карпов не ошибся: после увиденного в подвале это наказание я восприняла едва ли не с благодарностью.

Глава 3. Подарки Судьбы

Самые первые выходные в стенах Академии я провела в мучительных раздумьях, разбавленных приступами депрессии и актами безумного самокопания. Необходимость в течение дня выбрать будущую профессию ввергла в ступор. Сюрприз был из неприятных, потому что в «Эншантели» все изучали одно и то же. Здесь же после четвертого курса ученики выбирали две основные специализации. Для каждого студента куратор составлял индивидуальное расписание, и на занятиях потоки учащихся причудливо смешивались.

Отделение, курируемое высокомерным монстром, на 80% состояло из представителей богатых семейств с дворянскими корнями. Неофициально их звали «казнайками». Ученики первого отделения в качестве специализаций предпочитали брать «Дипломатическую магию» и «Управление волшебными ресурсами».

Второе отделение – под началом Ромула Осворта – за глаза именовали «заучками» (а то и «занудами»). По большей части здесь обучались волшебники из обычных семей, не имеющих титулов и родовых поместий.

– Большинство «зануд» тоже первокровки, – разъяснила Джен, к которой я повадилась бегать за консультациями каждые полчаса. – Просто у их родителей чуть меньше столового серебра в погребах и связей в высшем свете.

Впрочем, на втором отделении встречались и аристократы: со мной в комнате проживала Влада Дягилева, представительница старинной магической династии. Она, как и большинство «заучек», специализировалась в «Волшебных исследованиях» и «Преподавании магии».

Существовало два пограничных направления, избираемых редкими учениками с обоих отделений, – «Лекарское дело» и «Магический порядок». Они не пользовались особой популярностью, и уж точно – как мне яростно доказывала Джен, – никто и никогда не брал обе сразу. Хотя бы потому, что медицина подразумевала добровольные дежурства в больничном крыле. А будущие воины, борцы за справедливость, обязаны были половину своего пота оставлять в тренажерном зале.

К дипломатии у меня не было склонности, да и «черная» дестинская кровь не позволила бы занять высокий пост в этом до тошноты консервативном мире. Научные изыскания сначала показались привлекательными – опасные опыты, жуткие эксперименты...

– Ага, мечтай! Сидят они безвылазно в библиотеке и зубрят вот такие тома! – раскинув руки в стороны, Джен убила мой энтузиазм на корню.

Сама мисс Абрамс планировала заняться преподаванием. Надо ли говорить, что ее будущим ученикам я совсем не завидовала?

Так и получилось, что я стала первой ученицей Акаде-

мии, решившей совместить лекарское дело и профессию воина, чем немало позабавила своего куратора. Он долго смеялся, почесывая отмеченные сединой волосы, всхлипывая и странно подвывая.

– Заминка будет... Со снадобьями... – хрипел в беззвучном хохоте куратор. – В «Эншантели», как я вижу, у вас был полугодовой курс. Что значит «теоретический»?

– То и значит... Мы не практиковались в зельях.

– Не передумаете, мисс Дэлориан? Местные ребята учились варить сложные снадобья и щипать целебные травы целых пять лет, – в неясном намеке поднял бровь Осворт.

– Я быстро нагоню однокурсников.

Видимо, какой-то клочок жизни все-таки придется посвятить библиотечным книгам.

– Нагоните... Конечно, нагоните! – усердно закивал профессор, и хитрые морщинки пролегли на его лбу.

Только получив памятку дисциплин, я поняла, чем было вызвано нервное веселье Осворта. Чертов Демон! Да Судьба надо мной издевается!

С практической стороной нового предмета я вчера знакомилась до полуночи, отдирая зеленую ползающую слизь от зельеварительных столов. Юбка пропахла смердящей гадостью настолько, что меня от самой себя тошнило. В том, что именно такими методами я буду практиковаться в «Снадобьях» и дальше, меня убедила удовлетворенная ухмылка, ниспосланная Демоном за завтраком во вторник.

Карпов намеренно поймал мой взгляд и с минуты не отводил глаза. Предвкушал. Обещал. Много всякого, в основном, мучительного. По спине побежала предательская дрожь, но я поклялась себе выдержать испытание. Хотя бы вот это, зрительное. И в отместку сверлила мужчину своими, не менее черными. Издевательски улыбнувшись, профессор поднялся из-за стола и медленно пошел в мою сторону. Ох, нет, к такому я не готовилась.

Спасение пришло из-за спины. Внезапно появившийся Осворт отвлек на себя внимание Карпова. Лицо демона помрачнело, и он подлетел к куратору.

– Вас-то я и дожидаюсь. Кролики, профессор Осворт! Уже три! А год только начался, – прошипел Карпов, нависая над коллегой и придерживая того за ворот, чтобы, видимо, не сбежал. – Миранда мне чуть голову не открутила в последний визит в деревню. Понимаете, что это значит?

– А что вы так смотрите, будто это я пробрался на ферму Старой Лисы и лично выпотрошил ее зверье?

– Сомневаюсь, что сырая крольчатина – предел ваших мечтаний, – ехидно фыркнул Карпов. – Хотя кто знает, чем там вас благоверная кормит. В «Эншантели» она не воспитывалась.

Демон сверкнул на меня глазами. Помнит, значит, о присутствующей близости «оранжерейной мисс». А жаль, амнезия была бы кстати.

– Вы случайно не забываетесь?

– Забываюсь. Но не случайно, – буркнул Демон и демонстративно развернулся, да так резво, что полы распахнутого пиджака расправились черным плащом. – Поговорите сами знаете с кем! И, при необходимости, засуньте кляп. Потому что если этот вопрос начну решать я...

Остаток гневной тирады потонул во мраке парадного коридора за захлопнувшейся дверью.

***

Завтрак так и застрял комом в горле. Подставив затекшую спину питерскому солнцу, я сидела на кровати и сверлила глазами бледно-желтую памятку. Будто от моего негодующего взора что-то могло поменяться! На картонке изящным шрифтом было выведено:

Лист предметов ученицы шестого курса Анны Дэлорриан

Выбранные специализации:

Магическая медицина

Магический правопорядок

Список занятий для обязательного посещения:

«История волшебного мира: от зарождения первобытной магии до наших дней» Профессор А. Валенвайд

«Магическая символика: дай мне знак» Профессор К. Карамзина

«Магическое противостояние. Атака и защита» Профес-

сор А. Карпов

«Полезная практическая магия» Профессор К. Карамзина

«Контроль над именованным жезлом» Профессор Р. Осворт

«Существа и сущности волшебного мира. Основы выживания» Профессор А. Валенвайд

«Магические снадобья и волшебные травы» Профессор А. Карпов

«Основы физической культуры для юных волшебников: фехтование, танцы, уклонение» Профессор Б. Боулз

Практика сражения на именованных жезлах под рук. пр. Р. Осворта, пр. А. Карпова и пр. Б. Боулз

Практика в медицинском отделении под руководством старшего лекаря академии М. Пламберри

Индивидуальные немагические тренировки под рук. Б. Боулз

Стоило ли убежать от преследователя в парижской подворотне, чтобы тут же вляпаться в эпичные неприятности? Порция отменных ругательств снова сорвалась с губ, хорошо, я была одна. Присутствие в расписании аж трех предметов с ужасающим пояснением «проф. А. Карпов» повергало в шок. Оставалось успокаивать себя тем, что, если бы я выбрала дипломатию, их было бы еще больше.

Соседки по комнате рассказывали, что Мрачный Демон (официальное прозвище жуткого профессора) ведет также «Теорию и практику волшебной дискуссии» и «Основы ма-

гической дипломатии». Это вызывало ухмылку: я имела счастье узнать, какими методами «дискутирует» высокомерный преподаватель. И если бы от него зависело разрешение серьезного военного конфликта... Черт, да я бы поскорее переселилась на другую планету!

***

Рыжая бестия ошиблась. Иногда теле-маго-граммы приносили хорошие вести. Например, вот эта, смятая от радости и тут же аккуратнo расправленная.

Она извещала о том, что профессор Карпов отправляется в командировку и намеревается отсутствовать в Академии целую неделю. Начиная с обеда рождественские колокольчики звучали в голове, не переставая. Не иначе Санта-Клаус расстарался!

Если так и дальше пойдет, и Мрачный Демон будет присылать номера глав для самостоятельного изучения, то жизнь начнет налаживаться. Не так страшен черт... Хотя нет, конкретно этот все-таки страшен.

За обедом Джен намекнула, что лучше не спрашивать, чем занимается Карпов в несвободное от работы время. Иначе отправят «протирать склянки». Она имела в виду трудовую повинность, которую студенты отбывали на кухне. Но мне мигом вспомнился подвал номер два и застывшие глаза перепуганного морфа.

Следующая теле-маго-грамма, клюнувшая меня в ухо, тоже неприятностей не предвещала. Некий профессор Б. Боулз

предлагал потратить свободное время на составление графика индивидуальных немагических тренировок.

Мне сразу придумался симпатичный крепкий парень лет двадцати пяти, с которым еженедельные занятия приобретут романтический подтекст. Должна же Судьба вспомнить о моем существовании и послать примирительный бонус?

Нет, не должна. Это выяснилось на входе в тренажерный зал, где меня нетерпеливо ожидал этой самый Б. Боулз. Точнее – эта самая. Оптимистичные грезы о мускулистом наставнике разбились о реальность.

Старушкой назвать эту леди у меня язык бы не повернулся, но в человеческом мире возраст точно отнесли бы к предпенсионному. Сухая и поджарая, невысокая, загорелая от гладкого лба до изящных щиколоток, сейчас дамочка выглядела даже лучше меня и явно не собиралась на покой. На ней была синяя безрукавка с капюшоном и серые спортивные брюки, закатанные до икр. И в этой молодежной одежде она чувствовала себя вольготно и уверенно.

– Белинда Боулз, – тренерша энергично потрясла мою ладонь, зажав крепкой пятерней, и вокруг бледно-зеленых глаз тут же образовалось два пучка тонких морщин. Медные с золотистой проседью волосы топорщились заросшим ежом. Тонкие губы улыбались деловито, официально, но весьма приветливо.

– Мисс Анна Дэлориан, специальность «Правопорядок»... И «Медицина» еще.

– Будешь военным врачом? – одобрительно уточнила Белинда. – У них часто случаются плохие дни, когда умение постоять за себя не повредит.

Я не стала оповещать «железную леди», что могу и до конца семестра не дожить, поэтому так далеко не загадываю. Или старательный Демон сведет в могилу, или тот, из парижского переулка, догонит и... Поскольку я не представляю, что ему от меня надо, то пока просто «догонит».

– Любишь спорт? – с воодушевлением продолжила допрос пожилая тренерша, буравя острыми глазками.

– Вообще-то, не очень, – с извиняющейся улыбкой призналась я. – Мама, впервые занявшись йогой, умудрилась сломать три пальца. У меня схожие таланты. Я стараюсь себя перебарывать. Но не всегда получается. Так что, если вы заставите меня бегать, велик шанс, что я упаду в обморок на третьем круге.

– Хорошо, что призналась... – Вид у госпожи Боулз был такой, будто она еле сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. – Но зачем же ты выбрала "Правопорядок"?

– Подруга говорит, у меня мазохистские наклонности. – Я криво улыбнулась, вспомнив, как Джен закатывала глаза и предлагала сжечь памятку предметов, пока не поздно. – И что я подсознательно надеюсь, что тренировки dokonают меня раньше, чем это сделает... кто-нибудь другой.

– Высокий такой, страшный, в черном пиджаке? – уже не сдерживаясь, искристо засмеялась тренерша. – Подумаем,

чем тебе помочь... Наши индивидуальные тренировки могут проходить в любом формате. Гимнастика, легкая атлетика, силовые... Выбирай, что нравится.

– Летом я на спор записалась на тайский бокс, – смущенно пробормотала я. – Ну, шутки ради. – Вообще-то, это Элизабет меня подзадорила, потому что тренер был уж очень привлекательным. – Но мне, на удивление, понравилось. К концу августа стало пристойно получаться.

– Значит, груша?

– Да, груша подойдет.

– Интересный выбор. Спорим, ты кого-то представляла, когда ее колотила? – подмигнула Белинда, и я смутилась.

Тренерша мне понравилась, скучать не придется. Не загорелый «пляжный парень» в боксерских шортах, но тоже ничего. Хотя ее показная простота и веселость никак не вязались с цепким, пронизывающим взглядом. Дамочка имела хитрый вид, и наверняка была умнее, чем хотела выглядеть.

– Самые лучшие воины, Анна, получают из дестинов, – вдруг заявила Белинда. – Когда силы равны, побеждает тот, на чьей стороне удача. Мне везло невероятное количество раз...

– Вы – дестинка! – с опозданием догадалась я.

– А будь первокровкой, не стояла бы сейчас перед тобой. В какой-то момент заглядывать в глаза смерти стало моим ежедневным хобби...

– Так это правда? Что Судьба помогает нам?

– А ты разве не замечала, как книги сами открываются на нужной странице? Парень, по которому сходишь с ума, внезапно спотыкается перед тобой и рассыпает учебники? Завистливая девица, решившая подставить подножку, неожиданно падает сама?

– Я обычно такое списываю на случайность... Просто очень своевременную.

– А твой всплеск?

– А что с ним?

– Он тоже был своевременной случайностью?

Белинда внимательно заглянула в мои глаза, будто пытаюсь уловить в них кадры из еженощного кошмара.

– Если бы магия не проснулась в тот вечер... Я бы тут тоже не стояла, госпожа Боулз, – нехотя признала я, и тренерша удовлетворенно кивнула.

***

Высоченный старец Артемиус Валенвайд бродил между рядами сидящих на полу учеников, вынуждая тех задирать головы. Предлагая необычный вариант размещения, он объяснил идею удобством и доверительной атмосферой. На деле же шея затекла уже через десять минут, и оставшееся время я страдала от желания улечься и потянуться.

Преподаватель мерил кабинет шаркающей походкой и чуть шепеляво, с томным присвистом рассказывал Сказку о двух материях. Удлиненный бордовый сюртук, идеально подогнанный по иссохшей фигуре, скрипел тканью при каждом

повороте.

– Капля дикой, первобытной магии, текущая в каждом из нас, – за некоторыми уникальными исключениями, – дарует способность использовать две главные материи мироздания. Господин Дорохов, не напомните, какие именно?

– Сияющую... и Темную, – пробубнил парень, притулившийся к стене в дальнем углу, и устало тряхнул соломенными волосами.

Я пригляделась: элегантный костюм выдавал в нем аристократа-«зазнайку». Учеба только началась, а он уже имел измученный, хоть и весьма привлекательный вид. И это был Он. Тот тип, перепугавший меня в первый день.

– Все верно. Сияющая материя... Ох, нет, моя драгоценная мисс Бэггинфорт, она не блесит, – со снисходительной улыбкой пояснил Валенвайд роскошной блондинке из первого ряда. – Так вот, она – основа для всей нашей повседневной магии. Мы обращаемся к ней, не задумываясь, откуда черпается энергия для волшебства.

Впалые щеки, бледная кожа, седые кудри, раскинувшиеся по плечам... А еще – красновато-карие глаза, хищный оскал вместо улыбки и животный взгляд, прокатывающийся по девичьим шеям. Сразу видно, вампир. Недаром от него опасностью веет... Надеюсь, старик в завязке. Но на следующее занятие все же повяжу шарфик.

– А Темная, сэр? – подала голос моя соседка по комнате, Розмари Блум.

Девушка сидела спереди, через пару человек от меня, и с самого начала занятия нервно поправляла длинные платиновые волосы, то запроваля их за уши, то перекидывая с плеча на плечо.

– Использование Темной материи в колдовских экспериментах запрещено Верховным Советом. Вопиющие случаи обращения к ней рассматриваются Магическим трибуналом, – сурово провозгласил Валенвайд.

– Почему, сэр? – продолжала донимать Розмари. Мы были ровесницами, но она обучалась в Академии всего второй год, и многое ей казалось новым и непонятным.

– Природа Темной материи зла и порочна, мисс Блум! Связывая с ней свою магию, волшебник ступает на путь мрака, жестокости и боли. – Профессор строго втянул белые щеки. А затем задумчиво протянул: – Однако, это не означает, что Темная материя не способна созидать, а Сияющая – разрушать... Иногда свет губителен и опасен, а во мраке ожидает спасение...

Закрученная философская мысль никак не хотела откладываться в мозгу, и я уставилась в окно. Но из-за напольного положения ничего, кроме серого неба, разглядеть не получилось.

– Вы сказали про исключения... Про тех, в ком не течет капля дикой магии... – снова перебила профессора Розмари, но на этот раз он глянул на нее снисходительно, едва не с жалостью.

– Вы верно поняли, речь о дестинах. Большая редкость в наши дни... В Санкт-Петербургской Академии волшебных искусств обучается около двухсот учеников. И среди них – всего двенадцать дестинов.

Позволив студентам насладиться эффектным фактом и издать коллективный вздох удивления, Валенвайд окинул взглядом аудиторию. Его глаза остановились на мне, и он хищно оскалился – будем считать, что в вампирском смысле это была улыбка.

– Ах, нет, теперь тринадцать, – поправился профессор, кивнув на меня. На минуту я стала центром притяжения: ученики принялись оборачиваться, шептаться и переглядываться. – В данный момент с нами в кабинете целых две дестинки, и обе совершенно очаровательные, – мисс Анна Дэлориан и мисс Розмари Блум.

– Расскажите про арканов, сэр! – требовательно выкрикнула темноволосая девушка, наделенная странной демонической притягательностью. – Мой отец говорит, что они считали кровь дестинов черной, а их магию – грязной и порочной, не имеющей ничего общего с чистой, первобытной.

Это она обозвала меня «милочкой» на уроке Карпова и объяснила, как усмирить Дурманящий Очиток. А сейчас надменно сверлила глазами, скривившись в неприятной улыбке.

– Нет нужды углубляться в такие дебри, мисс Пруэтт, – со смущенным видом пробормотал престарелый вампир. – Ар-

канство никогда не находило поддержки у Верховного Совета. Как думаете, почему? В истории волшебного мира бывали темные времена, когда считалось, что магия дестинов какая-то другая, извращенная, нечистая. Но наши ученые, сколько ни пытались, разницы не нашли.

Прошаркав в другой конец аудитории и встав надо мной бордовой скалой, Валенвайд с мелодичным присвистом добавил:

– Аристократы любят похвастаться голубой кровью, дестинам приписывают черную... Но поведаю вам тайну: в обоих случаях она красная. Я вам это как специалист говорю!

Проведя длинным желтоватым ногтем по моей затекшей шее, профессор оскалился в улыбке, демонстрируя пугающе острые клыки. По аудитории прокатились смешки и изумленные охи. Я же начала задыхаться. Почему в этой чертовой Академии все хотят меня сожрать, поджарить, запереть в подвале или свести с ума?

– Не бойтесь, мисс Дэлориан, я не собираюсь вас есть. Хоть и не сомневаюсь, что вы очень вкусная, – «подбодрил» преподаватель-маньяк. – Я вампир в третьем поколении. Рожденным легче контролировать себя, нежели новообращенным. В последние годы я отдаю предпочтение красному вину и слабо прожаренному мясу. Кровь пью редко, и исключительно свиную.

Валенвайд подошел к доске и задумчиво начертил

несколько схем. Я же воспользовалась передышкой, чтобы восстановить дыхание. Стыдно так пугаться престарелого вампира. Хотя он и может выпить меня до дна за пару минут.

– Рождение магии у первокровок – постепенный, неагрессивный процесс. Слабенькие чудеса дети творят уже в шесть-семь лет. Растопить снежок, заморозить лужу, подбросить яблоко... Волшебники успевают привыкнуть к своей силе, растущей день ото дня. Бывают, впрочем, несчастья... Пустое семя. Капля дикой магии не раскрывает свой потенциал, и получают...

– Эмпы? – хрипло подсказал усталый аристократ.

– Они самые, господин Дорохов. Пустышки. Волшебники, вытянувшие несчастливый билет. Ирония жизни. Они носят чистую, первобытную магию в своей крови, но не могут ей воспользоваться. Лучший вариант для эмпа – вступить в договорной брак и передать силу потомству. Ваша мать, если не ошибаюсь, из Честеров, и она...?

– Да, она – эмпа. У Честеров в роду много пустышек, – проворчал «зазнайка», ничуть не смущаясь своего происхождения.

– Но кто такие дестины? Обычные люди, оказавшиеся в беде. У каждого своя история, полная страха и боли. Появление магии у них – не плавное рождение, а бурный всплеск. В трудный, стрессовый момент Судьба дарует им силу – мощную, агрессивную... Таковую, чтобы сразу дать отпор врагу, побороть стихию, спастись. Так Судьба защищает своих из-

бранников... По легенде, она и дальше приглядывает за нами, но это лишь поверье.

Про «особые отношения» destinoв с Судьбой я слышала и от крестного, и от Белинды. Но «чем дальше в лес», тем сильнее я в них сомневалась.

– Почему именно этих людей она решила защищать? Что в них особенного? – грубо выкрикнул темноволосый мальчишка с гордым профилем.

– Кто знает? Может, им предначертано изменить мир? – философски заявил Валенвайд и снова скользнул голодными глазами по моей шее. – А может, это не бескорыстные подарки, и за них придется расплачиваться.

Вот этот вариант похож на правду. Мне, кажется, кредитную линию уже перекрыли, и намекают, что пора платить по счетам.

Если бы с магическим даром destinoам еще поставлялась крепкая психика! Тогда первый год я не шарахалась бы от каждой проскользнувшей вспышки. А завидев морфа или гоблина, не сползала бы по стеночке в тихом обмороке.

***

Второй учебный день прошел не в пример веселее первого. Вечером я пахла не вонючим продуктом деятельности первокурсников, а цветочным шампунем. На радостях облачилась в уютное домашнее платье и решила прогуляться по Академии. Может, удастся найти Роджера и познакомиться получше. Хотелось о многом его расспросить.

Все мои познания о сообществе волшебников, искусно интегрированном в мир обычных людей, были почерпнуты из двух сомнительных источников. Скучные разговоры с однокурсницами в «Эншантели» и парочка бесед с вечно занятой тетушкой Амандой. Даже не знаю, чьи сведения вызвали меньше доверия.

В Париже я была единственной дестинкой на всю параллель. Крестный так славно меня спрятал, что даже у сдержанной мадам Буше волосы вставали дыбом от мысли, что у них учится девушка с черной кровью. Никому бы и в голову не пришло искать дестинку в заведении, готовившем идеальных жен для выскочек из высшего света.

Я отчетливо помнила день, когда крестный перенес меня на порог парижской школы, всучив два тюка с магическим барахлом. В дрожащие пальчики он сунул бордовый конверт с сопроводительным письмом и ободряюще подтолкнул к потертой дубовой двери. Вдвоем идти к директрисе отказался.

«Ради твоей безопасности, малышка», – нервно объяснил Артур и растворился в воздухе. Буквально. И вот, повторяя, словно мантру «магия сделает сильнее, защитит от врагов, ее не надо бояться», я впервые вошла в будущую альма-матер.

А теперь выясняется, что это было чем-то вроде чердака, на котором я шесть лет пряталась от монстра под кроватью. Все выходные я приставала к Артуру с вопросами о моем прошлом и будущем. А он лишь отмахивался, приговаривая, что «в мире случаются недоразумения», но теперь я под на-

дежной защитой. Это лишь распаяло большую фантазию.

За завтраком я представляла себя каким-нибудь Проклятым Дитя, которое принесет на Землю хаос и сотрет человечество с ее лица. И шайка фанатиков мечтает с моей помощью устроить масштабный конец света, в лучших голливудских традициях.

За обедом надеялась обнаружить у себя сверхспособность, единственную на миллион. Но в итоге оказывалась обычной дестинкой с кучей бесполезных талантов – от варки лукового супа и чистки столового серебра до мгновенной ликвидации прыщей.

За ужином думала, что я какая-нибудь Избранная, вроде темноволосого красавчика из фильма, который съел не ту таблетку и из прекрасной иллюзии переместился в гадкую реальность. А что, очень похоже. Я не против переиграть ситуацию, проглотить правильную пилюлю и вернуться в мир, где никто не знает о магии. Только палочку с собой прихватчу.

***

То, что для соседок по парижскому общежитию было ординарным и привычным, мне казалось достойным пера подвыпившего фантаста. Одни морфы чего стоили! Впервые я познакомилась с ними, придя в отделение Магической Почты.

На второй год учебы нам выдали путеводители по Парижу. Несколько сложенных картонок с фотографиями, на-

званиями, описаниями... И золотыми штампами с привязкой точки разрешенного телепорта, защищенной отводящими глаза чарами. Коснешься жезлом такой печати – и в миг перенесешься в пункт назначения. Никаких заклинаний не требовалось, а вот оплачивать проезд приходилось, «зайцем» не проскочишь.

В начале книжонки шли культурные места для широкой публики. Сады, музеи, исторические памятники... В конце – перечень заведений для магов. Несколько кафе и лавок с особыми товарами, Аптека, Почтовое отделение, скрытый под невидимым куполом парк с разноцветными волшебными фонтанами, зоопарк с неведомыми тварями и даже небольшой цирк с дрессированными змеями и ящерами. Наверняка в Париже были и другие увеселительные заведения для магов, но воспитанницам «Эншантели» туда ходить не полагалось.

Телепорты через экскурсионные штампы стоили прилично (можно целый пир устроить из сладостей!). Деньги снимались сразу же, с личного счета волшебника, привязанного к именному жезлу. Парк с цветными фонтанами я посмотрела, в зоопарк тоже заглянула, а затем моя «казна» внезапно опустела, и на змей уже не хватило. Может, и к лучшему: никогда не любила чешуйчатых гадин.

Через месяц счет пополнился из анонимного источника, но к цирку я успела охладеть, и потому отправилась с экскурсией на почту. Телепорт привел прямо внутрь, в ожив-

ленный шумный коридор.

Босоногое (точнее, босолапое) гномоподобное существо в сером камзоле носилось среди посетителей, едва не сбивая тех с ног. Все тело морфа было покрыто короткой мягкой шерсткой с красивым зеленовато-сизым отливом – что-то между головой селезня и голубиной шеей. Заостренные ушки намекали на родство с эльфами, а глаза были такими большими, что художник аниме помер бы от восторга.

На почте трудилось, как я потом выяснила, большинство морфов: за счет необычного способа перемещения им удавалось доставлять посылки в считанные секунды. Кое-кто не отказывался от роли дворцового или банковского служащего, бывали и те, кто соглашался стать официантом или посудомойкой... Но я почти уверена, что морфы-поварята плевали в суп, прежде чем подать его высокомерным магам.

При милой внешности был у лохматых существ один недостаток – наисквернейший характер, включавший вредность, злопамятность и лютую ненависть ко всем, кто вздумает их погладить.

Демонстрируя наплевательское отношение к посетителям, молодой морф-помощник с бесстыже громкими хлопками появлялся то в одном конце длинного коридора, то в другом, окутанный черным дымом и запахом серы. В руках у него то и дело появлялись разные коробки, свертки и бумажные конверты.

– Развел тут суету! – недовольно ворчал главный почто-

вик, выглядывая из-за высокого прилавка. Его шерсть была больше серой, чем зеленой, и ключьями лезла во все стороны. – Если торопиться жить, то можно встретить...

– Кого, дядя Бэнси? – нетерпеливо прошелестел молодой морф.

– Старость, Филиппе.

Помощник картинно закатил глаза и придал лицу скучающее выражение. Он-то рассчитывал услышать страшилку про Бабая, Кощея или кем там в сказках пугают маленьких морфов.

Не то чтобы эти существа меня сильно ужаснули. При всей своей вредности они казались симпатичными созданиями... Но в обморок я все равно хлопнулась. Прямо в почтовом отделении. Видимо, для профилактики.

***

Были вещи, привыкнуть к которым не получилось за все шесть лет. Потомственные волшебники использовали магию к месту и не к месту. Отбери у них жезл – и станут они смотреть на тебя беспомощными глазами, не зная, как вскипятить чайник и зажечь плиту, не используя дар. Зачем вычесывать колтуны из волос заклинаниями, если существуют расчески? Или орошать лицо «освежающей струей» из палочки, если такая же вода течет из крана в уборной?

Но к теплу, льющемуся из руки в именной жезл, я привыкла сразу. Как будто палочка прилагалась ко мне при рождении, но затерялась в роддоме. Будь колдовство болезнен-

ным или противным процессом, я бы легче отказалась от неизвестного будущего. Но магия... Она все время разная, но приятнее на свете нет. То защекочет тебя до мурашек, то согреет пушистым котом, то взбодрит, словно крепкий кофе, то пьянящей волной растечется по венам...

Пока Валенвайд не рассказал про Сияющую материю, я не задумывалась об источнике волшебной силы. Колдовство всегда происходило само собой, без моих усилий. Палочка вытягивала магические нити из сплетения линий на ладони и концентрированным потоком выпускала в мир. От меня требовалось лишь зубрить формулы на мертвых языках и делать правильные росчерки, выпады и замахы.

Но прыщей у меня не было, а луковый суп я не любила, поэтому большинство заклинаний в «Эншантели» заучивала механически и складывала на дальнюю полочку в голове. Самым полезным умением, освоенным за годы в Париже, была варка идеального кофе. Вот без него я существовать не могла, а чужой, сделанный впопыхах, меня категорически не устраивал.

– Магия ко-о-о-офе, магия чу-у-у-вства... – напевала мама по утрам, повторяя песенку из дурацкой рекламы и танцуя вокруг плиты.

Тогда мне казалось, что она выглядит глупо, и я прятала осуждающее личико за обложкой детского детектива. Но сейчас с удовольствием взглянула бы на эти «кулинарные пляски» – в них было столько жизни.

Мне в десять лет бодрящие напитки не полагались, приходилось довольствоваться соком и овсянкой. Но я обещала себе, когда вырасту, первым делом разобраться, что же там за магия в этом кофе... Оказалось, что самая настоящая.

***

Роджера я так и не нашла. Зато, заворачивая за угол, с размаху налетела в темноте на что-то твердое, высокое и... белое?

– Не ушиблась? – озабоченно сверкнули на меня серо-голубые глаза.

В полумраке они казались другими – темными, графитовыми, но я уже знала, какими должны быть на самом деле, и дорисовала реальность в голове.

– Немного. Сама виновата, – вздохнула я, потирая нос. – Тебя родители из кирпичей сделали?

– Насколько мне известно, я создан традиционным методом, – вежливо ответил Энди Макферсон, и щеки защекотал румянец.

А вот нечего задавать дурацкие вопросы. И глупо пялиться на рубашку, до треска натянутую на крепкой груди, тоже не обязательно. Я даже губу закусил, потому что ее начало предательски пощипывать и покалывать.

– Почему ты один... в крыле преподавателей... в темноте?

– Выглядит подозрительно? Любишь детективы?

– Люблю. Выглядит.

Прищуриив глаза на манер сыщика, я уставилась на потен-

циального преступника. И губы у него красивые. И вена, так явственно пульсирующая на шее, – волнующая. А в глазах – смешинки.

– Я от Осворта возвращаюсь, у нас по вторникам дополнительные уроки.

– Не знала, что куратор проводит индивидуальные занятия.

Мы – я и моя дедукция – еще не готовы были снять подозрения с привлекательного юноши. И отвести глаз – тоже.

– Только со мной. Вот такой я особенный, – выдохнул парень и устало притулился к стене. – Тут нечему завидовать, я бы с кем-нибудь поменялся. Ты, кстати, не менее подозрительно выглядишь в коридоре и в темноте.

– Я искала господина Вортингтона.

– Ах, эту призрачную задн... физиономию? – рассмеялся Энди и взлохматил короткие волосы. – Вечерами он бродит снаружи, вдоль оранжерей. Профессора намеренно выдворяют Роджера, чтобы не пугал по ночам мелкоту. А то он любитель устроить пакость.

– Мне показался вполне дружелюбным, – упрямо проворчала я.

– Главное слово «показался». Не советую водить дружбу с прозрачным типом. Проблем не оберешься. – Макферсон учтиво кивнул и отправился в спальное крыло юношей.

Ну и зачем я набросилась на него с подозрениями? Лучше бы улыбнулась, как учила тетушка, «уголочками губ». А

тут... в сыщика поиграть захотелось! Тьфу.

Глава 4. Столкновение

Несмотря на демоническую командировку и отсутствие некоторых предметов, свободного времени больше не стало. Чтобы стряхнуть с учеников отпускной настрой, преподаватели задали столько самостоятельных работ, что воздух в библиотеке кипел. В прямом смысле: из-за перенапряжения огнетворцы то и дело поджаривали собственные конспекты, а потом суматошно их тушили.

В итоге госпожа Разина не выдержала и выдворила за порог всех «нервно-пламенных». Книги и стеллажи были заговорены на защиту от огня, а вот волосы первокурсниц – нет. Дышать стало легче, хотя хлопья сажи еще долго кружились над столами.

Я вымучивала сочинение для Валенвайда, в котором он просил детально описать свои ощущения от рождения магии, в моем случае – от всплеска. Оно давалось с трудом. Да и что можно было рассказать? Больно, страшно, а потом... странно? Я помнила только панику, сменившуюся в какой-то момент горьким равнодушием.

Отложив в сторону на треть исписанный лист, я взяла свежий. Вчера Макферсон спросил, люблю ли я детективы. Да еще как! Это и навело на отчаянную мысль. Раз уж крестный не собирается посвящать меня в свои тайны, я могу попробовать сама разобраться в происходящем.

Половину ночи думала, с чего начать расследование. И решила отправить письмо тете с просьбой поговорить. В детективах всегда опрашивают свидетелей, родственников... Должен же был Артур как-то объяснить Аманде мое заточение в «Эншантели»?

Чтобы подогреть интерес творческой природы, я в красках описала свое преследование в Париже, суматоху при переезде в Академию и неприязнь к новому преподавателю. И в конце выразила надежду на скорую встречу. Должна клюнуть. Отправить письмо я смогу только в субботу, а пока остается ждать.

***

– Как вы сюда попали? – высоким экзальтированным голосом вопрошала Карамзина, склонившись над щупленькой пятикурсницей с двумя тощими косичками.

– У нас здесь урок, Ксения Игоревна, – пропищала перепуганная девица.

– Я в курсе, ведь это Мой урок, – сухо заявила преподавательница. – Я спрашивала не почему, а как. И имела в виду не этот кабинет, а всю Академию. Так как вы сюда попали, мисс Эффорд?

– Меня приняли в состав учеников... Малым советом...

Удрученно закатив глаза, Карамзина провела длинными пальчиками по серо-русые волосам, собранным в тугую, гладкий пучок. Она бродила по аудитории, присматривая новую жертву, а я любовалась статной осанкой и величавой по-

ходкой. Аристократку всегда видно издалека, даже если ей хорошо за пятьдесят, и она одета в строгое, недорогое и безликое платье мышиноного оттенка.

– Ладно, давайте вы, мисс Абрамс, – кивнула она Дженни, разместившейся со мной за одним столом. «Полезная практическая магия» была факультативом, и я посещала ее с пятикурсниками. – Вы были дома, когда каникулы окончились. И как попали сюда?

– Переместилась с порога на порог, госпожа Карамзина.

– Ну слава богу! Коллективным умом мы родили тему сегодняшнего занятия, – фыркнула профессор. – Запишите: «Основные законы и правила перемещения магов».

В аудиторию бодрым шагом влетел высоченный парень, в котором я легко распознала моего ночного подозреваемого. Я невольно загляделась: Энди нес себя, словно какой-нибудь волк или ягуар. Походка была исполнена стремительности и достоинства, и они доставались ему слишком легко. Я же, чтобы не спотыкаться на каждом шагу в новой школе, постоянно шептала мантру про «взрослую, самодостаточную, уверенную в себе девушку».

– Простите, меня задержал...

– Профессор Осворт предупредил. Присаживайтесь.

Девушки в аудитории заметно засуетились.

– Ух ты, Энди Макферсон тоже решил посещать практическую магию с толпой пятикурсников. Странно, в первоначальном списке учеников я его не заметила. Неужто из-за те-

бя сюда перевелся? – в шутку принялась подначивать Джен, когда Карамзина отошла в другой конец комнаты.

Я пихнула подругу в тощий бок и смущенно уткнулась в учебник.

– С чего бы это? Мы толком не знакомы.

– А то ты не понимаешь! – фыркнула мисс Абрамс и закатила глаза.

Энди был настоящим красавцем, из тех, по ком плачут даже старшекурсницы. Темные короткие волосы аккуратным ежиком топорщились в стороны, в серо-голубых глазах имелся намек на разум. И ему изумительно шла белая рубашка. Я легко могла представить себя рядом с ним, вот только сейчас забот и без неуклюжего флирта хватало.

– Я правда не понимаю, Джен, – пробормотала я, искоса глянув на Макферсона. Он сел через ряд справа от меня и, столкнувшись глазами, вежливо кивнул. Ничего большего. Энди явно сюда не по мою душу затесался. Но хотя бы узнал. Не повод скакать и хлопать в ладоши, но приятно. – В Академии полно симпатичных девушек.

– Ты новенькая. И дестинка. Загадка «два в одном». Всем интересно тебя разгадать, – с томным придыханием прошептала Дженни, и я залилась краской. – Это я знаю, что ты скучная, застенчивая, упрямая зануда с армией вспылчивых тараканов в голове...

– Ах ты... – не будь мы на занятии, я бы укусила ее за плечо.

– А другим кажется, что в Академию пожаловала Таинственная Мадемуазель из Парижа, изучавшая французские колдовские искусства, – не обращая внимания на мое бешенство, хихикала рыжая бестия. – Еще и крестница ректора! – Я скорчила скорбную мину. Это родство было больше вредоносным, чем полезным. – Ну и внешне ты не хуже Присциллы, просто держишься не так самовлюбленно, как она, и поменьше виляешь задом. Хотя он у тебя... ну, вполне. Не такой, конечно...

Подруга принялась вычерчивать в воздухе какие-то масштабные окружности, и я поперхнулась. Бесшабашная прямолинейность Дженни могла кого угодно застигнуть врасплох. Хотя за лето у меня выработался относительный иммунитет. Вот остальным с ней приходилось туго.

– Мисс Пруэтт в два счета убьет меня на первом же спарринге, – пробурчала я. – К моим же «сверхспособностям» относятся реверансы, танцы и ароматный кофе. Вряд ли это пойдет в зачет! Демон прав, меня вырастили в оранжерее. Иногда я ощущаю себя даже не цветком, а каким-нибудь бесполезным овощем.

– Но почему же бесполезным... Кофе тоже кому-нибудь нужен, – съязвила Дженивьева и получила очередной тычок под ребра.

– А этот Макферсон... Что ты о нем знаешь? – на секунду мной овладел мечтательный настрой.

– Ну... Он классно целуется... Так говорят.

– Невероятно познавательно, мисс Абрамс, но я бы хотела вернуться к теме занятия, – бесшумно материализовалась за нашими спинами Карамзина. – Мисс Дэлориан, если вы утолили свое любопытство, не расскажете нам о магических порогах? Ответите верно, и я, так и быть, не предам огласке вашу душещипательную беседу.

подавив желание сползти под стол от стыда, я приподнялась и пролепетала какой-то сумбур по теме телепортации.

– Маги заговаривают пороги своих домов, включая их в общую телепортационную сеть. Вроде почтовых индексов...

– Какие-то особенности у них есть? – Карамзина сверлила меня бледно-голубыми глазами.

– Заговоренный порог защищен отводящими чарами, поэтому пешеходы не видят телепортирующихся. Сам символ чертят на двери, но он показывается только магам.

– И как же они работают?

– Это похоже на автобусные остановки, только универсальные... Можно сесть на любой транспорт и выйти в любом месте.

Спешно бормоча прописные истины о телепортах, я даже не задумалась, а знают ли остальные – да и сама Карамзина, если на то пошло, – что такое почтовые индексы, автобусы и остановки?

– В любом ли? – строго сощурилась преподавательница.

– То есть... У другой заговоренной двери. Активированной.

– Неплохо, мисс Дэлориан. Чтобы переместиться в нужное место, волшебник должен сначала его активировать, то есть хотя бы один раз там побывать – с кем-то другим, например. Тогда между именованным жезлом и символом на двери создается связь, и ей можно пользоваться. В магическом плане порог дома – место столкновения двух материй. Волшебные вихревые потоки в момент чтения заклинания образуют канал между пунктом отправления и пунктом назначения. – Карамзина нарисовала на доске что-то вроде леприконской радуги. – И маг, прочитав телепортационное заклятие, может свободно переместиться в выбранном направлении.

– А что, если нам нужно оказаться там, где мы еще не были? – подала голос девушка с косичками.

– Для этого существуют штампы с привязками телепортов. Опытный маг легко поставит подобную печать, скажем, на открытке, чтобы пригласить вас в гости. Для использования штампов вставить на порог не обязательно, достаточно укрыться в безлюдном месте.

Пока Карамзина объясняла разницу между телепортационными амулетами и супружескими медальонами, я мысленно дописывала письмо тете. В субботу с самого утра отнесу в Деревню.

На поселении висела защита от несанкционированной телепортации, поэтому на почту придется топтать ногами. Уверена, деревенские жители специально сняли заклятия со своих порогов, чтобы толпы буйных студентов не сыпались

им на голову ни свет, ни заря.

***

Утро субботы выдалось скомканным и суетливым. Натянув первое попавшееся шерстяное платье и сунув подмышку утепленный плащ, я побежала вниз по лестнице.

Врезаться в невинных встречных стало доброй традицией, поэтому не слишком удивилась, размазавшись лицом по чьей-то мягкой кофте. А вот вид куратора Осворта меня если и не шокировал, то из равновесия точно вывел. Свитерок горчичного оттенка, драные в коленях джинсы...

– Я из дома... на минутку... забыл кое-что в кабинете, – сконфуженно объяснился профессор. – Вы уж простите мне этот неофициальный вид.

– Это я должна извиняться, сэр. Чуть не сбила вас. И вообще, не смотрю, куда иду, – смущенно забормотала я, во все глаза разглядывая «строгую преподавателя». Да на нем же кроссовки! Заношенные, потертые, все как у людей. Я точно не промахнулась с куратором. – Вам очень идет вот так, домашнему.

– Сомневаюсь, что ректор Кроу одобрит новый вариант униформы, – довольно заулыбался Осворт.

– Да и остальные профессора вряд ли поддержат идею, – сочувственно хихикнула я, представив Демона в рождественском свитере с оленем. В черных глазах огонь, на лице язвительная усмешка... Он недобро смотрит в окно, за которым хор детишек поет праздничную песню... Нет, это что-

то из фильма ужасов. Стереть и забыть.

– У вас такое лицо... застывшее и напуганное... будто вам наяву кошмар снится. В режиме реального времени.

– Я... Да... Простите, я представила...

Жуткий образ не вытряхивался из головы, спина покрылась холодной испариной.

– Расскажите, мне интересно.

– Профессора Карпова в рождественском свитере, сэр.

– Это, действительно, кошмарно, – хрипло рассмеялся куратор, обмахиваясь крупной ладонью. – У вас богатая фантазия. Но знаете, как говорят, «не поминай черта»...

Весело побрякивая, Осворт пошел в своей кабинет, а я еще пару минут стояла, облокотившись о перила.

Поминать Черта, и правда, не следует, а то моя покровительница Судьба придумает очередную шутку. Столкнуться с Демоном под Рождество... Что может быть хуже? Надеюсь Санта, Дед Мороз, Пэр Ноэль, Николас и все святые, вместе взятые, уберегут меня от ужасной участи.

***

– Что за спешка?

Даже самые простые вопросы у Джен получались отменно ворчливыми. А этот она в довесок сопровождала осуждающим взглядом на мои щеки, за которыми секунду назад спряталась половина бутерброда с ветчиной.

– В поселение... Пойду... Хочу отправить письмо... Пока не собралась толпа... – чуть не подавившись, объяснила я. –

Может, со мной?

– Не получится, я на выходные еду к тете.

– А куратор отпустил?

Не знала, что из Академии можно сбегать, когда вздумается.

– Он в курсе. У меня особые условия пребывания.

Какие тут все особенные! С Макферсоном индивидуально занимаются, Джен позволяют домой шастать, когда угодно... И только у крестницы ректора Кроу ноль преимуществ.

***

В фойе было пусто – студенты спокойно поглощали завтрак и, в отличие от меня, никуда не торопились. Запутавшись в завязках осеннего плащика, я не заметила, как ко мне подошел этот парень. Дорохов, кажется? Он глядел куда-то вдаль, будто мог рассмотреть сквозь витражное окно пасмурный пейзаж. Прозрачные глаза, подернутые дымкой, казались чужими, нечеловеческими даже.

– У тебя все в порядке? – не выдержала я тишины, и первая разрешила голосом сгустившийся воздух.

– Теперь уже ни у кого ничто не в порядке, – вздохнул Дорохов и склонил голову на бок. – Два солнца встретились. Момент упущен, пигалица. Твоя судьба решена.

– Слушай, эти твои загадки меня пугают. Прямо вот очень.

– Под рождественской звездой соединятся два солнца, – скупно бросил подозрительный тип, будто читал лекцию, а не

пророчество. – Одно медное, второе золотое. И каждое увеличит силу другого во сто крат. Союз двух этих солнц знаменует приход великой тьмы. Настанут мрачные, дремучие времена, ибо сиянию света наступит конец.

Он помолчал немного, а затем добавил:

– И под той же звездой на супружескую постель прольется твоя кровь. Против воли, отобранная силой...

– Что ты сказал?! – прохрипела я, хотя все прекрасно слышала.

– А что я сказал? – глаза Дорохова очистились и заискрились, на лицо выплыла недовольная ухмылка. – Ты зачем меня остановила? Я на завтрак шел.

– Стой! Ты сам со мной заговорил и нес, между прочим, несусветную чушь!

Парень прошелся изучающим взглядом от пяток до макушки.

– Так, ты у нас кто вообще? Новенькая из «Эншантели»? Если хочешь со мной встречаться, займи очередь.

– Может, еще анкету заполнить? – я чуть не задохнулась от возмущения.

То пугает до чертиков, то унижает... до желания придушить здесь и сейчас.

– А неплохая, кстати, идея... – пробормотал себе под нос парень и двинулся в столовую.

Желание душить постепенно растворилось, и снова вспомнились его слова. Кровь. Супружеское ложе. Какие-то

два солнца... И все должно случиться в Рождество. Что-то мне это не нравится. Совсем.

***

В растрепанных чувствах я вышла из Академии и неспешно побрела в Деревню. Кровь на супружеском ложе, «отобранная» против воли, навела меня на очень неприятную мысль. Да нет, не пойдет крестный на такое! Даже если сильно беситься будет, замуж насильно не отдаст. Не изверг же?

Несмотря на раннее утро, в деревне былолюдно и шумно. На площади толкались торгаши, фермеры обменивались новостями, хозяйки магазинчиков зазывали к себе в гости... Все трещали на разных языках, но я их понимала, хотя чужая речь воспринималась «с сильным акцентом».

На входе в поселение стоял столб, увешанный артефактами, поддерживавшими чары. Защита от вторжения темных, от пожара, от наводнения, от несанкционированного телепорта... Самый верхний амулет поддерживал заклетье взаимопонимания. Похожий я видела на двери в Академии: полезная штука, ведь ученики говорили на разных языках.

Лет двести назад здесь было всего несколько убогих домишек, в которых селились семьи преподавателей. Но за годы «академгородок» оброс всей нужной инфраструктурой. Во все стороны от центральной площади расползались кривые улочки, которые то и дело оканчивались тупиком.

В жилом квартале вели свой быт целые поколения волшебников. У небогатых первокровных семей было принято

селиться рядом, организовывая общины. Тут имелись садики и школы для юных чародеев – детей, в которых магия родилась раньше положенного. Так можно было уберечь от косях взглядов чадо, случайно подбросившее в воздух снеговика или взорвавшее червивое яблоко.

Старшекурсницы, ахая и охая, сбились в кучку вокруг витрины салона «Зачаровательные платья», и я, проходя мимо, тоже невольно загляделась. Его хозяйка, мадам Чармингтон, знала толк в швейном магическом искусстве. За стеклом кружился манекен в фиолетовом платье, и при каждом выраже с подола осыпались настоящие лепестки. Какое-то время они летали вокруг танцующей фигуры, создавая ароматный вихрь.

Еще здесь продавались длинные юбки «лемосьен», меняющие цвет в зависимости от настроения владельцы. В режиме кокетства они становились нежно-розовыми, а от смущения густо краснели. А за дополнительную плату мадам Чармингтон накладывала Заклятие идеальной посадки, и наряд сам подстраивался под любого, кто его надевал.

***

В центре поселка круглые сутки кипела жизнь. Здесь пользовались услугами Общей Магической Почты. В отличие от аристократов, чародеи-бедняки не имели собственных морфов. В выходные почтамт осаждали ученики Академии, отправлявшие письма родителям. Поэтому я и поторопилась с завтраком, и бутерброд до сих пор стоял поперек

горла.

Отправив письмо и перебросившись парой фраз с пожилой волшебницей, жаловавшейся на медлительных морфов, я направилась к выходу. Толкнула скрипучую дверь и протиснулась наружу, едва не смытая обратно потоком входящих студентов. А еще через секунду оказалась в чьих-то объятиях, уютных, пахнущих фиалками и щекочущих мягкими пружинистыми кудрями.

– Тетя Аманда? – изумленно таращилась я на знакомое ухо с сапфировой сережкой, все еще прижатая к плечу в замшевом пальто.

– Малышка Энн! – тонко пропело златовласое чудо, невесть как материализовавшееся в деревне, защищенной от телепортов. – Решила не медлить с ответом... И с визитом. Но у меня только час, давай где-нибудь посидим?

Отпущенная на свободу, я попыталась дышать, но получилось слабо. Даже в мире магии некоторые вещи остаются невозможными.

– Как ты... сюда?

– Ай, ерунда... Ты же знаешь мою работу. Пришлось заpastись привязками телепортов, которыми пользуются высшие чины. Иначе зачем мне столько знакомых! – подмигнула мне красивая женщина, в которой я с трудом узнавала свою тетю.

Изумрудная фетровая шляпка с короткими полями, лихо сдвинутая на бок, оттеняла золотисто-медовые кудряшки.

Синее замшевое пальто украшали два фиолетовых пера, подколотых брошью. Из-за долгих объятий они чуть примялись, и теперь самостоятельно расправлялись и отряхивались.

Ни что не выдавало в тете обычную дестинку Аманду Дэлориан, мамину сестру, со скрипом окончившую школу и поступившую в незнакомое заведение за рубежом. Передо мной стояла совсем другая дама. Известная всему магическому сообществу Аманда Браун, создательница лучшей зачарованной одежды в мире. И у меня был один час, чтобы устроить ей допрос с пристрастием.

– Ты чем-то расстроена, Энн?

И как ей объяснить, что я надеялась получить официальное приглашение и хоть на денек вырваться из академического плена в большой город? Заглянуть в Ателье, побродить по улочкам Лондона. И поговорить – обстоятельно, душевно, а не наспех. Но, раз тетя заявила сама, значит, хочет решить вопрос быстро.

– Просто соскучилась.

– Ты все такая же бледная, – Аманда согрела мои щеки в мягких ладошках. – Совсем не бываешь на солнце...

В кафе я всего на миг позволила себе окунуться в лучистые теплые глаза. Такие знакомые, такие родные. Мамины. Затем стряхнула грусть и настроилась на деловой разговор. Из отведенного часа осталось уже минут сорок.

– Я хотела спросить кое-что... о моем прошлом, – призналась я тетушке в корыстной цели.

– Да поняла я, что ты не о платьях звала поболтать, – ко-
риво улыбнулась Аманда. – Эта история... с Парижем и Ар-
туром... Я до сих пор в себя прийти не могу. Он рассказал в
двух словах, но я бы не отказалась от подробностей.

Народу в кафе было прилично. За соседними столами рас-
положились две шумные компании, заказывавшие обильный
завтрак. Они с интересом косились на красивую леди в пер-
натом пальто – нечасто увидишь в деревне столь изысканные
наряды. Да уж, тетя не умела не привлекать к себе внимание.

– А я бы не отказалась знать, какого черта вообще про-
исходит! – сглотнув дурной кофе, выпалила я. – И почему
шесть лет меня прятали в «Эншантели». Точнее, от кого.

– Энни... Я не могу, – тетя испуганно замотала головой,
и шляпка сдвинулась сильнее, грозясь свалиться совсем.

– Еще как можешь! Ты мне должна... И памяти родителей
– тоже.

– Не следовало отдавать тебя в тот интернат. Но после
смерти Этти и Ника... Я не представляла, как со всем этим
жить.

Услышав имена родителей, я вздрогнула. Когда-то они на-
зывали так ласково друг друга. Этти – Этуаль, в переводе с
французского – звезда. Я и теперь вглядывалась в небо, на-
деясь, что хозяйка космического имени, жившая ярко и кра-
сиво, получила теплое местечко в каком-нибудь из созвез-
дий.

– Я, правда, не могу. Не имею права.

Зачем-то Аманда решила все-таки снять пальто, хотя на входе отказалась. Стаскивала медленно, долго расправляла перья... Словно специально тянула время. Засучила рукава шифонового платья...

– Что это?!

– Печать запрета.

На сгибе локтя мерцала золотым контуром странная отметина. Круг, разделенный крестом на четыре сектора и испещренный мелкими символами.

– Магическая татуировка, скрепляющая данное слово, – зачем-то пояснила она прописную истину. – Клятва телом, духом и помыслом.

Не хотелось даже думать, какая расправа ждет Аманду за разглашение. И что это за тайна, которую надо защищать кровавыми рисунками на собственном теле?

– Кто это сделал с тобой?

– Я сама, – улыбнулась женщина. – По просьбе Артура. Вежливой. С ножом у горла он не стоял, не волнуйся.

– Но зачем?! – с отчаянием заскулила я.

Крестный все предусмотрел!

– Ради твоей безопасности, – Аманда выглядела спокойной, а я дрожала так, что за соседним столом подумали на землетрясение. – Это защита не от твоих расспросов, а на случай... Если кто-то... Не могу я про это. Печать.

– И что случится, если проговоришься?

– Я в любом случае не скажу. Сердце остановится раньше,

чем произнесу хоть слово, касающееся клятвы.

– Ничего не понимаю, – жалобно простонала я, уже не считывая что-либо узнать. Но тетя вдруг вздохнула и заговорила.

– Когда Этти... И Ник... Мы с Артуром одновременно оформили магическое опекуновство. Это так странно, делить ребенка с кем-то совершенно незнакомым, чужим. Нужно было согласовывать каждый шаг. Я предложила ему отправить тебя в интернат.

– Плохой вариант.

– Тогда казалось, что единственный. Ты была такой...

– Какой же?

– Обычной, – виновато выдохнула тетя. – Ты ведь знаешь, что магический мир закрыт от людей. Как я могла взять к себе простую девочку? В Ателье, где летают ткани, строчат машинки-самошвейки, щелкают в воздухе ножницы? Что бы ты рассказала подругам, одноклассницам? И Артур согласился с моим предложением.

– Но потом случился всплеск.

– Удивительно, да? Такая редкость, чтобы в одном семействе было две дестинки. Артур решил увезти мою племянницу в «Эншантель». Я была против. Хотела выждать год и отправить тебя в Лондон или Санкт-Петербург. Поскольку мы делили опеку, я могла нарушить его планы... И Артур был вынужден кое-что мне объяснить. Нечто настолько серьезное и опасное, что я ни секунды не сомневалась, ставя

печать запрета, Энни. Ты жива до сих пор только потому, что крестный принял то решение. И оно ему дорого обошлось. Это все, что я могу сказать.

Из деревни я возвращалась впотьмах, опустошенной и выпитой до дна даже без участия престарелого вампира. После отбытия тетушки, которая исчезла так же внезапно, как материализовалась, я еще долго бродила по мощеным закоулкам.

Печать запрета, ну надо же! Интересно, крестный на всех моих знакомых поставил смертоносные штампы, или только Аманде не повезло?

***

Ночи планомерно превращались в самое нелюбимое время суток. Подстегиваемые таинственными намеками крестного о грозящей опасности, кошмары стали постоянными гостями в моей постели и голове. А услужливое подсознание, издегавшись за день, придумывало сюжеты один другого краше.

Под утро я вскакивала вся мокрая и долго успокаивалась, вглядываясь в насыщенно-кобальтовое небо за витражным окном. Аврора смотрела сочувствующе, но палочку не опускала. Иногда я воображала, будто могущественная основательница Академии охраняет меня от мнимых невзгод и реальных монстров. А потом напоминала себе, что это просто красивая картинка.

Но сегодняшняя ночь стала исключительно неприятной.

Разговор с тетушкой подлил масла в огонь, и рядовой кошмар приснился два раза подряд. Второй был явно лишним, теперь точно не засну. Выскользнув из кровати, я натянула на сорочку вязаную кофту и отправилась в уборную. Тщательно умылась, стирая с кожи липкие остатки страшного сна.

За окном было темно. По коридору вальяжно перекатывались световые шары, оставленные кем-то из дежуривших преподавателей. Дыхание никак не хотело выравниваться, и я решила побродить по Академии. Каменная прохлада, идущая от мраморного пола, действовала успокаивающе.

Легкой поступью – будто проспала не меньше десяти часов, – я спустилась в фойе и принялась разглядывать огромные старые картины, тянувшиеся до самого потолка. Почти все полотна изображали магические баталии трехсотлетней давности. Художник уделил так много внимания разноцветным волшебным вспышкам, что людей за ними было не различить. Сущий импрессионизм!

– У вас бессонница, мисс Дэлориан? – Недобрый густой голос загнал сердце в подреберье. Владелец роскошного демонического тембра отклеился от черной стены и бросил на меня зловещий взгляд. – В Академии запрещено шататься по ночам и спускаться на первый этаж. Или правила писаны не для крестницы ректора?

Дыхание, едва вернувшее себе привычный ритм, снова свалось с петель. Распахнув глаза в немом крике, я уста-

вилась на мрачного типа. Острые скулы измазаны болотной грязью, черные волосы слиплись и топорщатся, словно иглы дикобраза. Поперек лба тянется глубокий порез. Кровь медленно сочится и стекает на нос. Кошмарам стоит взять жуткий образ на вооружение!

Помяни черта... Что Демон делал снаружи в столь поздний час и как миновал дверь, запертую десятком защитных заклятий?

– Не бойтесь встретить монстра?

В пару шагов профессор подлетел ко мне и схватил сильной ладонью за горло, не давая шелохнуться. Ужас накрыл с головой: от волшебника исходила такая внутренняя сила, что ноги подгибались.

– Страшно? – прошипел Карпов, склонившись над лицом и змеей заглядывая в глаза.

Усердно выплывая из обморочного состояния, я пыталась не раскричаться и не выдать паники. Он всерьез вывел меня из равновесия – уверена, Демон этого и добивался.

– Нет, сэр, – еле слышно прохрипела я и гордо мотнула головой, хотя душа сейчас обитала аккурат за дрожащими коленками.

Едва он приблизился, меня окутал аромат полевых трав, согретых солнцем. Больше других ощущалась полынь. Летний, радостный запах никак не вязался с демоническим обликом своего обладателя. От этого становилось особенно жутко.

– Хм... А что это так колотится... вот здесь? – Он легонько ткнул указательным пальцем в центр грудной клетки. – Или я вам так сильно нравлюсь?

От этой нелепой мысли внутри вспыхнуло столь омерзительное чувство, что я замотала головой еще отчаяннее. Профессор едко усмехнулся.

– Не волнуйтесь, мисс Дэлориан... Это взаимно, – зловеще прошептал он на ухо, обдав горячим дыханием кожу. Стало совсем не по себе. Не хватало еще в обморок бухнуться. – Вам не следует гулять в темноте. Ночь – время для чудовищ.

Он провел ногтем по шее, будто намечая место для укуса... А затем быстро отпустил горло и отступил назад. Аромат полыни пропал, оставив странное чувство горечи и утраты.

– Обижают, мадемуазель? – из больничного крыла вынырнул начальник охраны, он же «сам себе подчиненный».

Несмотря на поздний час, Айзек Эйвери был одет в служебную форму – синий, чуть потершийся в рукавах сюртук с золотыми монетками-пуговицами, и такие же брюки. Полностью белые волосы, заплетенные в длинную тугую косу, скрепляла черная лента. В ухе болталась блеклая золотая сережка. Надо спросить, были ли у него в роду пираты.

Первая мысль – броситься старику на шею, вцепиться когтями в ворот потрепанного сюртука и прижаться так, чтобы точно не отпустил. Но я стиснула зубы, выросла ступнями в мраморный пол и пробормотала:

– Все в порядке, господин Эйвери. Спасибо за беспокойство.

– Ох ты ж... Не признал! Богатым будешь, Андрей Владимирович, – главный страж прищурился и смерил Карпова лукавым взглядом. – Показалось издали, что юную девицу за горло какой-то мрачный демон ухватил и душу вытрясти хочет. А вишь ты, уважаемый профессор в Академию вернулся...

– Собирался проводить заблудившуюся мисс в ее спальню, – серьезным тоном выдал мой мучитель.

– Дело хорошее, ежели и впрямь собирался. Давай я сам, а ты к Мари топай, – почесав затылок у основания косы, сказал пожилой маг-охранник. – Как я не люблю этажи эти... Понастроили Воронцовы, а старикам теперь ботинки сбивай...

– Я провожу, ступай отдыхать.

– Дык тебе в больничное отделение бы, Андрей... Весь лоб раскуроченный.

– Мне надо умыться и хорошенько выспаться. Чтобы утром, на свежую голову, придумать для мисс Дэлориан какое-нибудь забавное наказание за ночную прогулку.

– Намаешься ты с ней, – устало выдохнул Айзек Эйвери. – Вишь ты, вид делает, что не боится... Значит, скоро и вправду перестанет. Только ты страшал бы поменьше... А то волосы у мисс как мои, белыми станут... Некрасиво будет. Сам потом расстроишься.

– Пускай меньше по ночам шастает, так и волосы в со-

хранности останутся, – недобро фыркнул Карпов.

– Дак сам ить шастаешь, демоненок! Всю мою защиту сорвал, когда входил. Вломился, будто адские псы за тобой гнались... Старика с постели поднял. А мне теперь заклинания восстанавливать... Нет бы осторожно снять да обратно навесить.

– Не до того было. Давай сам восстановлю, спать иди.

– Значит, гнались... Обычно ты аккуратнееходишь. Ладно, забудь, сам с защитой разберусь. Наброшу парочку стандартных. Рассвет скоро, вряд ли еще какие гости заявятся... – бурчал старик, медленно продвигаясь ко входу в Академию. – Спать мисс проводи и сам иди. Нечего тут шататься.

– За мной, – бросил профессор, развернулся и направился вверх по лестнице.

Предполагалось, что я послушно засеменю следом. Засеменила. Как миленькая. Мне же по пути.

– Удивительное совпадение... – на ходу добавил он тоном, не предвещающим ничего приятного. – Час назад я как раз о вас думал.

– С чего бы вдруг? – просипела, потирая шею, не так давно отпущенную на свободу.

– Мне встретилось два тролля... И я пожалел, что не захватил вас с собой. – Монстр недобро ухмыльнулся. – Мог бы отдать вас им на съедение и избавиться от трех проблем разом.

Стараясь не придавать значения его словам, я закатаила

глаза. Настоящие тролли? Я видела их только на картинках в сказочных книгах. В очередной раз в голову полезли неприятные мысли. Где Карпов разгуливал среди ночи и, главное, с какой целью? И кто за ним гнался до самой Академии? Вид у мужчины был потрепанный и уставший.

В молчании мы преодолели два пролета и вынырнули на третьем этаже.

– Где ваша спальня?

Указала на дверь в середине коридора, и он жестом велел идти в комнату. Заходя в спальню, обернулась: Карпов продолжал стоять у лестницы и следить холодными черными глазами. Собирался устроить троллям внеочередной пир за мой счет? Или уже придумывал «забавное наказание»?

Глава 5. Соединение

Ворох бумаг взметнулся со стола и головокружительным вихрем закрутился в воздухе ректорского кабинета. Эффект был красивым, но недостаточным, и я смачно, до дрожи стен, хлопнула дверью. А потом и кресло пнула с размаху. Сбила носок у новенькой туфли, расстроилась и бухнулась на сидение.

Тут бы и остановиться, но рядом – только руку протяни – на полке сияла бликами хрустальная... штука. Не то кубок, не то ваза, но вся какая-то мерцающая изнутри синим огнем. Древний артефакт. Может, единственный в своем роде...

Осколки, бесшумно рассыпавшиеся по ковру, синим пламенем не горели. Зато глаза Артура сверкнули негодованием. Что ж, внимание я к себе привлекла.

– Я. Хочу. Домой.

– Д-домой? – голос крестного дрогнул, но не из-за хрустальной ерунды. – А где он, Анна?

Как это где? Там... Где-то... Когда я шла сюда, целью было покинуть Академию. О путях отхода и пункте назначения подумать не успела. Но он прав, в «Эншантели» меня не ждут, а тетя Аманда – в очередном турне. Да и не будет ее пятый муж в восторге от новоявленной восемнадцатилетней «племяшки». А если будет, тогда еще хуже... Там и до шестого недалеко.

Дом родителей? За эти годы я бывала там пару раз. Его отмыли, привели в порядок, вместо сломанной мебели поставили новую, пятна на паркете затерли... На диваны и кресла навесили белые чехлы, чтобы те терпеливо ждали новую владелицу.

Была, да, но войти не получалось. С порога в сердце разверзалась черная пустота. И я тут же делала шаг назад, боясь, что меня засосет навсегда в космическую воронку.

– Вот твой дом, – крестный развел руки в стороны и окинул глазами кабинет. – А я – твой опекун. И до магического совершеннолетия своей крестницы вправе сам принимать решения о ее будущем. Можешь считать себя пленницей.

– Ты знаешь, что он сделал на занятии? – прохрипела я, поднимая глаза.

Сегодняшнее утро иначе, как кошмаром, назвать было нельзя.

– Кто?

– Твой прирученный Демон! Знаешь?!

– Анна, я не в праве вмешиваться в методику преподавания, одобренную Большим Советом...

– Он мне в голову залез! Разворошил там все... Заставил... Заставил меня снова...

Потеряв всякий контроль, я сжалась на кресле в позе эмбриона и разрыдалась.

***

В том, что утро понедельника не задалось, можно было

убедиться, выглянув в окно. Даже пестрым витражам не удалось скрыть седую хмурость и промозглость. В такую погоду хотелось накрыться одеялом с головой и спать до полудня. Но не сегодня и не мне.

Мысль о предстоящем «забавном наказании» за ночную прогулку бодрила не хуже, чем ледяная струя из-под крана. На всякий случай решила не завтракать – вдруг все-таки подвал номер два?

Вчера Демон разослал официальные теле-маго-граммы со сменой расписания. Теперь по понедельникам первым уроком стояло «Магическое противостояние», новый предмет для всех шестикурсников. Ни в каких личных записках Черт ни меня, ни наказание не помянул.

Но о нашем столкновении и своем обещании он не забыл. Это было «на лице написано». Рана на лбу, распухшая и прибавившая за воскресенье красноты, привлекательнее его не делала, а вот мрачнее и страшнее – однозначно.

Карпов призвал учеников встать в кружок вокруг себя. Началась толкотня, в первые ряды никто не стремился. В итоге «кружок» получился таким широким и удаленным от центра, что вполне мог объять Землю по экватору. В середине перепуганного хора с издевательской ухмылкой стоял Демон.

– Прямо цирковая арена. Жаль, я не фокусник, и не захватил цилиндр и пару дрессированных питонов, – гулко и густо заговорил профессор, оглядывая зрителей гипнотизи-

рующими, змеиными глазами. – Но пару фокусов я сегодня, так и быть, покажу. Если найдутся добровольцы.

В последнем слове сквозило столько яда, что сердце мое сжалось и принялось пропускать удары.

– Недавно мы с одной милой леди завели интересную беседу. Что делать, если ей повезет встретить в подворотне Мастера темной материи...

– Окатить кипящим луковым супом, сэр? – загоготал кто-то с заднего ряда.

– Шутка, сказанная дважды, перестает быть смешной, господин Бехтерев, – отрезал Карпов.

Но вид у него был довольный. Еще бы... Стоит у истоков будущего фольклора – «Легенды о Великом Темном Маге, везучей Французской Дуре и спасительном Луковом Супе».

– Но сегодня, в рамках предмета, я задал бы вопрос иначе. Давайте разыграем сцену... Нам нужна Милая Леди.

И почему я не удивилась, когда он за локоток вытащил меня в центр «цирковой арены»?

– Итак... Девица, совершенно беззащитная и глупая, гуляющая среди ночи по безлюдному переулку, в наличии. Ну, давайте ваши версии. Что захочет сделать с ней Злодей? Какую опасность от него ждать и как себя защитить?

Такая занимательная лекция, что теперь и легкие стали забывать о своей работе. Из хоровода посыпались безрадостные варианты судьбы «гипотетической» французской дуры... тьфу, милой леди. Которая, что уж там, действитель-

но была настолько глупой, чтобы гулять по темному парижскому переулку.

– Убьет?

– Допустим, она ему интересна живой.

Демон машинально потер лоб и скривился от резкой боли. Лучше бы в больничное отделение сходил, чем злость на других срывать.

– Ограбит?

– И что с нее возьмешь?

– Юбку задерет!

– Грубо, господин Бехтерев. Покиньте эту лекцию. Если вас не затруднит. И впредь свои фантазии озвучивайте на чужих дисциплинах. А если затруднит...

Карпов приподнял жезл, но парень спешно попятился к выходу, то кивая, то мотая головой. Будто говорил «Да, покину» и «Нет, не затруднит» одновременно.

– Ваша версия, мисс Дэлориан?

– Задушит и скормит троллям? – с напускным спокойствием пробормотала я, не поднимая глаз.

– Хорошая версия. Правдоподобная. Но, как мы уже договорились раньше, живой она ему интереснее.

Еще бы, столько забав можно придумать!

– Так что, никто не знает, как развлекаются темные маги? – профессор обвел взглядом учеников, покачал головой и пробормотал что-то про «стадо баранов». – Они играют с сознанием. Внушают идеи и фантазии, подчиняют своей во-

ле, заставляют забывать важные вещи... Сильные в ментальной области волшебники часто практикуют Темное соединение со своими жертвами.

По залу пронеслось неуклюжее хихиканье. Парни тут же принялись что-то шептать на уши краснеющим соседкам. Один юноша делал это особенно громко, даже я расслышала про «секретную комнату для темных соединений», в которую он кого-то зазывал после ужина.

– Мы осведомлены, господин Дорохов, что вы знаете массу занятных вариантов... кхм... соединения. Как куратору, мне постоянно приходится читать отчеты господина Эйвери о вашем нескромном поведении, – с презрением бросил Карпов в сторону миловидного блондина-«зазнайки» с растрепанной прической. – Но сейчас я говорю не о физических, а о ментальных контактах. А вы, если торопитесь в Ту Самую Комнату, можете покинуть лекцию прямо сейчас.

– Я бы предпочел остаться, сэр, – сдержанно бросил «усталый аристократ», и Демон неохотно, но кивнул.

– Самые опасные способы воздействия в мире магии – нефизические. С вашим разумом, мисс Рид, – профессор указал палочкой на лоб дрожащей Рашель, моей красноволосой соседки, – можно сделать массу интересных вещей. Чтобы защитить голову, недостаточно надеть шлем. Впрочем, в вашем случае, мисс Конюхова, можно ограничиться красивой шляпкой. Едва ли там есть, что защищать, – едко прошелся профессор по второй соседке.

Холодок забегал по спине вверх и вниз: вскоре Демон снова доберется до моей скромной персоны. Понятно, кого скверный парень решил оставить на десерт.

– В рамках защитной составляющей данного предмета я научу вас воздвигать ментальные барьеры, ставить внутренние щиты, закалять личную сопротивляемость и изгонять врага из головы. Это позволит сохранить остатки разума тем, в ком он пока еще присутствует. – Снова бросил косо́й взгляд в мою сторону, намекая, что «малиновое желе» в защите не нуждается. – Словом, в первом полугодии будем подпитывать ваш «ментальный иммунитет». А сегодня я обещал пару фокусов.

Сделав несколько вальяжных шагов вглубь кабинета, Карпов резко развернулся и выставил перед собой палочку. Все присутствующие ошутимо напряглись: жест не сулил ничего хорошего.

– Начнем с самого увлекательного. Чтение мыслей, – демоническим голосом провозгласил преподаватель, и по комнате пронесся испуганный ропот. Никто не хотел делиться тайными переживаниями с академическим монстром. – Проникнуть в разум можно дистанционно... Вот так.

Молниеносным движением Карпов выплюнул из своей палочки мерцающий голубой шарик и послал его в голову Вики Добревой. Она ахнула, дернулась и замерла с расфокусированным взглядом. Лицо профессора стало сосредоточенным, погруженным... ну да, похоже, что в ее мысли. Ка-

кая мерзость!

– И что же такого волнительного в этих синих глазах, мисс Добрева? – стряхнув оцепенение, с издевкой спросил Мрачный Демон. – Немного обидно, что на моих сложных и важных занятиях у вас остается время мечтать о юном господине Раскове.

По кабинету разнеслись смешки, Вика ойкнула и залилась краской. Мне стало до тошноты жалко соседку. Милая, доверчивая девушка, с большими серыми глазами и копной светлых волос – настолько выцветших на солнце, что те казались почти белыми. Она не закричала в гневе, не затопала ногами – просто пристыженно плюхнулась на стул и расхныкалась.

От меня не укрылось, что профессор весьма предсказуем в подборе жертв: большая часть издевок сыпалась на девушек со второго отделения. И, поскольку на «Магическое противостояние» в этом потоке нас ходило всего четверо... Следующей по списку была я.

– Против дистанционных заклятий можно выставлять физические щиты, о них поговорим позже. Но большинство Мастеров темной материи предпочитает личный контакт. Он куда эффективнее и позволяет нырнуть очень глубоко, даже в подсознательные слои. Процесс, как я уже говорил, называется «Темное соединение». Он крайне неприятный и, в некотором роде, насильственный. Впрочем, способен доставить некоторое удовольствие... Не жертве, разумеется, а масте-

ру. Вы позволите, мисс Дэлориан, продемонстрировать со-единение на вас? – со зловещей ухмылкой проговорил Карпов и столкнулся со мной черными глазами. В них плясал знакомый огонь неприязни и презрения.

– Нет. Не позволю, – сжав губы до синевы, я отчаянно замотала головой и сделала два шага назад.

Спина уперлась в холодную стену, бежать было некуда. Профессор подошел и крепко обхватил ладонями лицо, указательными пальцами упираясь в виски, а большие положив на щеки. Комок ужаса прокатился по животу в предчувствии чего-то омерзительного и болезненного.

– Что вы скрываете, упрямая мисс? – с издевкой прошептал он мне в ухо. – Чего боитесь?

Вас! Сейчас я боюсь вас! До тошноты, до дрожи в коленях, до синих ногтей, впивающихся в ладонь.

Это было последнее, что я успела подумать, потому что секунду спустя глаза застелило тьмой, а в ушах раздался звон. И чей-то чужой, сильный разум прохладной змейкой скользнул в сознание...

...Почему так мокро и так больно?

Распахнула тяжелые веки... Залитая водой ванная комна-та.

Где кабинет? Где все? Где... я?

Дрожа и поскуливая, я сидела на полу и судорожно об-нимала руками колени, облепленные мокрой юбкой. Висок пульсировал от острой боли, часть платья заляпалась кро-

вью. Передо мной возвышалась угловатая, широкоплечая девичья фигура.

Тильда злорадно ухмылялась, помахивая длинным прутом. С него на светлую плитку медленно падали красные капли. Причудливым узором они расползались по влажной поверхности, и я не могла отвести взгляд от их странного танца...

– Ты ведь понимаешь, что я только начала, малявка? – крикнула жестокая девчонка, и я со стоном забилась глубже в угол комнаты. – Больше ни один парень не пожелает... с тобой...

Рот упивался солью слез, смешанной с металлом собственной крови; глаза застилала едкая пелена. Все было таким реальным, что совсем не напоминало сон. Настоящая боль, и вкус, и звуки... Тонуший в кошмаре разум отчаянно сражался, пытаясь выплыть на поверхность реальности.

Вдруг что-то изменилось. Я продолжала жить внутри страшного сна, и, вместе с тем, понимала, что моими глазами смотрит кто-то еще. И он так же ощущает и пронзительную боль в виске, и вкус моей крови, смешанной со слезами. Было в этом что-то порочное, мерзкое... Я не хотела делиться, но у меня насильно, против воли, отбирали интимные воспоминания и присваивали себе. Чувство, будто с тебя сорвали нижнее белье и выставили на сцене под софитами.

Тело наполнили ужас и отвращение. Я начала задыхаться и внутренним голосом заорала, чтобы это немедленно пре-

кратилось.

Свет больно ударил в глаза, вокруг снова возникли стены кабинета, два десятка оторопевших учеников... и самое гадкое в мире профессорское лицо с вспухшей царапиной на лбу. Ко всему прочему, еще и озадаченное.

Я билась в истерике, испуганной пичужкой трепыхаясь в твердых руках, сжимающих мои щеки. Холодный пот тек со лба, изо рта вместо слов вырывались всхлипы.

– П-прекратите... Вы н-не имеете права... – сбивчиво зашептала я, пытаюсь унять дрожь в теле. – Это личное... Это м-мое!

Едва он выпустил лицо из ладоней, я на заплетающихся ногах прорвалась через кольцо учеников и побежала к выходу из кабинета. Все, о чем я сейчас мечтала, – глоток воды, порция свежего воздуха, одиночество и тишина. Я дернула ручку двери, но она не поддавалась. Я рванула сильнее – открылась, но снова с силой захлопнулась. Обернувшись, увидела Карпова, нацелившегося палочкой в мою сторону.

– Вернитесь. Немедленно. Мисс. Дэлориан, – сказал он жестко и отрывисто, буравя меня угольно-черными глазами. – Я вас не отпускал.

Передо мной снова встал жуткий подвал номер два, наполненный омерзительными экспонатами. Да, верно... Если покину занятие без разрешения, вынужу его исполнить злодейское обещание. На подгибающихся ногах я поплелась обратно на середину кабинета и, дойдя, с вызовом посмотрела

на преподавателя.

Какие еще измышательства сегодня по плану? Может, нарядим меня в масленичное чучело и подожжем? Дестинка же. Так мне и надо.

– Сядьте, – Карпов указал на стул, и я устало на него опустилась.

Сунул в дрожащие руки стакан с ледяной водой, неизвестно откуда взявшийся. Несколько секунд изучающе вглядывался в мое лицо. Я же жадно пила и смотрела перед собой, ни на чем не фокусируясь. Затем он отвернулся и продолжил лекцию о ментальных барьерах, не вспоминая о моем существовании до самого конца занятия.

Лишь когда все ученики потянулись к выходу, Карпов поймал меня у двери.

– Еще кое-что, мисс Дэлориан...

С лицом, не выражающим никаких эмоций, он протянул руку и постучал по моему виску указательным пальцем. Я замерла и внутренне сжалась, ожидая продолжения кошмара. Но ничего не произошло.

– Я не сам вышел отсюда. Вы меня вышвырнули. Есть шанс, что вы не совсем безнадежны.

Окрыляющее заявление. Ударить бы его промеж... глаз. Или лицо расцарапать. Надо написать письмо троллям, что с меня причитается. Только в какой-нибудь другой, несъедобной валюте.

***

Крестный подошел к барному шкафу, достал оттуда графинчик с мутной бледно-желтой жидкостью и плеснул в два стакана, один из которых протянул мне.

– Отрава? – спросила с надеждой.

– Тонизирующий и успокаивающий цветочный сбор.

Для безобидного травяного настоя напиток был крепковат, но отказываться не стала.

– Он. Залез. Ко мне. В голову, – с судорожным хрипом повторила я, залпом влив в себя полстакана «цветочного сбора». Горло разодрало, дыхание сбилось, мозг едва не засочился из ушей. Все-таки отравы. Ну и ладненько. – Как ты вообще допустил, чтобы такой высокомерный, грубый, язвительный, едкий человек стал преподавателем в Академии? Скажи, что тебя шантажировали снимками интимного свойства...

– Я хорошо знаком с особенностями характера профессора Карпова, – с добродушной улыбкой заявил крестный. – И в курсе его неординарных методов преподавания. Ты удивишься, но они эффективны. На его занятиях феноменальная дисциплина!

– Seriously? Запугивание, унижение, высмеивание... Прямо новаторство в педагогике! – гневно фыркнула я. – Как ты его терпишь?

– Начнем с того, что мы с профессором давние близкие друзья.

Отравы не сработала, и крестный решил добить меня при-

знанием и шокировать до полусмерти.

– Не понимаю... Как можно дружить с таким мерзким типом?

Я усердно мотала головой, но информационный мусор не вытряхивался. Только мозг из малинового желе переквалифицировался во взбитые сливки.

– Ты вообще многого не понимаешь, Анна, – снисходительно заявил крестный. – И судишь по первому впечатлению.

– А также второму, третьему и сто двадцать пятому.

– Может, сто двадцать шестое будет лучше?

– Едва ли.

– Веришь, он от тебя тоже не в восторге. За завтраком намекал, что нужно вернуть мою крестницу в «Эншантель» или выдать поскорее замуж, – с удрученным вздохом проворчал Артур.

– А после завтрака он... Залез! В мою! Голову!

Не знаю, донесла ли я ему свою мысль с третьей попытки, но слюной уж точно забрызгала. А нечего близко подходить к разгневанным девушкам.

– Как бы то ни было, ты – ученица, а он – старший преподаватель. И ты должна проявлять уважение, – голос крестного стал пугающе властным, в нем проснулся строгий ректор Кроу. – По моему скромному мнению, которое разделяют и остальные, Андрей – самый могущественный маг за последнее столетие. Волшебное сообщество относится к нему с по-

чтением. И я не потерплю пренебрежительного тона и твоего фирменного фырканья в его адрес.

Непроизвольно охнула – какой-какой он там маг?

– Лучше бы все твои преподаватели были похожи на профессора Осворта, – буркнула я, и крестный неожиданно рассмеялся.

– Боюсь, ты сама не знаешь, о чем говоришь, – он выглядел очень веселым, будто знал крайне занятную тайну, в которую меня забыли посвятить. – Ромул не так однозначен, как выглядит. И тоже имеет парочку скелетов в шкафу. Впрочем, они по большей части дружелюбные. Если почесать за ушком.

Чесать за ушком своего куратора я не планировала, будь у него в шкафу хоть гора слитков золота. Но до его занятия оставалось десять минут, и стоило поспешить.

– Через год в «Эншантели» я получила бы диплом... – с щемящей грустью проворчала я, поднимаясь с кресла и втаптывая ножкой в ковер хрустальные осколки. Что это все-таки за штука была?

– Какой? Лицензию мага-косметолога? Разрешение на волшебную портняжную деятельность? Или, может, свидетельство идеальной супружницы?

– Ты прямо как Карпов, – фыркнула и потрясла головой, чтобы выкинуть мрачный образ из сознания. – Только ты сам меня спровадил в «Эншантель»! Почему не оставил здесь?

– В Академии обучение начинается с 13 лет. Возникли бы

вопросы. И тут тебя сразу нашли бы.

– Кто?!

Сказать, что я знаю про печать запрета на руке Аманды?
Или промолчать?

– Они! – Крестный возвел глаза к небу, и я подумала то ли на вышестоящее начальство, то ли на ангелов, то ли вообще на инопланетян. – Просто верь.

– Что хотел этот тип в Париже? Убить?

– Ему нужно было от тебя кое-что другое...

Что-то сразу вспомнилось предсказание про Рождество, супружеское ложе и кровавые простыни. Ох, не к добру.

– Значит, прятал меня?

– И сейчас прячу. И охраняю. В этом смысл твоего пребывания тут.

– Учиться не обязательно?

– Ну, хотя бы вид сделай, – миролюбиво ухмыльнулся крестный. – А если еще экзамены сдашь... Давай купим тебе «Стандарт-98»? Перерегистрируем, скажешь, что потеряла жезл...

А еще красивое платьишко с рюшами, плюшевого зайца и коробку мармелада. Порой Артур забывает, что мне не двенадцать, и подкуп должен быть посерьезнее.

– Не нужно, я к своей привыкла.

– Ты же сама тем вечером хотела оказаться за тысячу километров от «Эншантели»?

Значит, и этот в голову лазил, гад пронырливый. У них

прямо солидарность в интересе к моим мозгам.

– Так это было Тем Вечером... Я тогда и на другую планету согласилась бы улететь, даже на непригодную для жизни. Но, хорошенько подумав и тесно познакомившись с твоим... кхм... составом преподавателей...

– Специализации выбирала ты. Большая девочка, неси ответственность.

Ага, вот теперь большая! Взрослость прямо из ушей льется. Пополам со взбитым малиновым желе, настоящим на «цветочном сборе».

– Анна, я хочу, чтобы и к учебе ты отнеслась серьезно. Если у меня получится тебя защитить, магические умения и диплом Академии лишними не будут. В будущем.

А если не получится, то последние месяцы своей жизни я проведу, вытирая смердящую слизь с зельеварительных столов. И будущего – никакого.

***

Деловая одежда на Осворте смотрелась куда хуже, чем джинсы со свитером. Брюки были коротковаты, бежевый твидовый пиджак висел мешком. Да и сам профессор чувствовал себя стесненно в тканевом плену и постоянно ерзал на стуле.

Ну и какие скелеты могут быть в шкафу у этого добродушного, застенчивого типа? Рвет цветы на соседской клумбе? Забывает оплачивать штрафы за парковку? Господи, о чем я... Какая парковка? Тогда, может, за несанкциониро-

ванные телепорты? Есть же в магическом мире какая-нибудь порталная полиция.

– Шестой курс – самое время познакомиться с вашими именными жезлами поближе, – сипло откашлявшись, начал лекцию куратор. – Следующие три года вы будете оттачивать мастерство в атаке и защите, в созидании и разрушении... И просто махнуть палочкой так, как это делают первокурсники, будет уже недостаточно. Труднее всего контролировать именную жезл в сражении.

– Почему, сэр? – пискнула с первого ряда забавная девчушка из «азнаек».

Сама она была очень миниатюрной, немногим выше рослого морфа. Зато почти до пола за ней стелилась толстая кося красивого каштанового цвета.

– Отличный вопрос, мисс Вяземская. Потому что в реальном поединке ваша палочка – даже стандартная учебная, – неминуемо проявит характер. Существуют, знаете ли, очень ленивые жезлы. Им нужно устраивать хорошую встряску перед каждым боем. Бывают трусливые: сами выпрыгивают из рук, даже без вышибающего заклинания. Есть и те, что бегут впереди паровоза. Они посылают заклятье, не дожидаясь, пока владелец договорит магическую формулу до конца. Помню случай, как одна волшебница случайно вызвала табун лошадей посреди Дворцовой площади. На глазах у сотни туристов! А хотела всего-навсего завязать себе «конский хвост».

Класс дружно расхохотался. Мне нравилась атмосфера на уроках профессора Осворта. Он умел преподнести важные вещи с шуткой и без менторского тона. И без копания в чужих мозгах.

– Зачем вообще нужны эти палочки? Ведь волшебство – внутри нас! – продолжала свой писклявый допрос мисс с длинной косой.

– Капля дикой магии раскрывается всякий раз по-новому. Ее рождение – диковинный процесс, до конца не изученный. Лотерея... Никогда не угадаешь, появится на свет великий волшебник, сильнейший в нынешнем столетии, или «пустой» эмп.

Куратор задумчиво покрутил в пальцах палочку, встал из-за стола, проводил глазами круглое облако за окном и пошел по кабинету.

– Из одних магия бьет фонтаном, из других – сочится неспешным ручейком. Из третьих – брызжет, будто из душевой лейки. А некоторые – вроде вас, господин Бехтерев, – Осворт несильно пихнул в плечо черноволосого парня с гордо задранной носом, – плюются ей, словно верблюды. И чтобы не случилось стихийного бедствия, волшебникам нужен «переходник». Этакая «воронка», собирающая магическую энергию в концентрированный, направленный поток.

У преподавателей в Академии была достойная зарплата, не зря крестного почитали как одного из лучших ректоров. Но официальный гардероб Осворта отличался наро-

читой небрежностью и потрепанностью. Брюки морщили, складки на пиджаке топорщились. Не то, что белая рубашка, до скрипа обтягивающая крепкую спину прямо передо мной...

– Мисс Рид, положите ваш именной жезл на стол и попробуйте поколдовать рукой. Скажем, оттолкните вот этот стул, – куратор вежливо обратился к Рашель, прервав и ее, и мое очевидное витание в облаках.

Девушка повела вверх ладонью, пробормотала заветную формулу, но стул не опрокинулся. Зато вместо него с преподавательского стола слетела стопка бумаг. Листы закружились в воздухе, потом замерли... и неожиданно снова собрались в аккуратную кучку. Ромул махнул палочкой и отправил бумажки стройной шеренгой в шкаф – от греха подальше.

– Без жезлов магия слаба и неточна, потому что разлетается во всех направлениях. Но это даже хорошо. Представьте себе, что вы почесали ухо и случайно лишились половины своих роскошных волос, а, мисс Блум? – с добродушным ехидством Осворт дернул Розмари за кончик платинового локона.

Соседка от этой мысли судорожно сглотнула: слишком уж трепетно относилась к своей шевелюре.

– У нас в Академии приняты палочки «Магический стандарт-98 для обоих полов». Средне-сильной мощности, крепкие и напористые. Но если, по веским причинам, ученики пользуются другими, мы не возражаем, – Осворт ласково

кивнул в мою сторону.

Не все были столь толерантны. Знала я одного джентльмена, которого до коллик допекала «игрушечная» дамская палочка, покоившаяся у меня в кармане юбки.

– Эти ученические жезлы не останутся у вас на всю жизнь. Получив диплом Академии, вы сможете приобрести сильные, взрослые палочки. Или же склониться в пользу жезлов-талисманов.

– А что это? – смущенно пролепетала Розмари, наматывая на палец драгоценный локон.

– Концентрировать и направлять магию можно не только палочками. Маститые волшебники нередко предпочитают им древние кольца, запястные браслеты и подобные вещицы. Впрочем, если вы не принадлежите к старинному аристократическому роду, едва ли получится такой раздобыть. Это дорогое удовольствие.

Спина передо мной расправила плечи и заразительно потянулась. Ежик черных волос сменился насмешливой улыбкой серо-голубых глаз. Пока я задавалась вопросом, треснет по шву натянутая рубашка или нет, Энди умудрился обернуться. Одними губами шепнул «Привет», и место лица снова занял короткостриженный затылок.

– Ах да, еще минутку... – Профессор Осворт до красноты расчесал шею и теперь растерянно улыбался. – Очень прошу вас бережно обращаться с палочками, вовремя чистить и полировать, не оставлять на солнце и в воде, не кидать на-

меренно и избегать царапин. Потому что они – ваше лицо. Жезл не зря называется именованным... Все после Рождения Магии прошли персональную идентификацию юного волшебника. Соединившись со своими палочками, вы взяли на себя ответственность за их будущее. Помните об этом.

Перед глазами промелькнул тот день: солнечный и волнительный...

***

...Выловив меня в сутолоке, вызванной распродажей в Магической Лавочке мадам Пош, крестный подхватил на руки и резвым телепортом перенес в другую толчею. Затем последовало еще несколько суматошных перемещений. В финале я, согнувшись над урной, выплеснула в нее все сомнения и тревоги, а также завтрак и часть вчерашнего ужина.

Место, в которое мы направлялись, стоило всех страданий. Старый, беззастенчиво прекрасный храм, с лавками по бокам, картинами в простых деревянных рамах, поблекшим с годами расписным потолком и чудесными витражами-окнами... Только вдалеке стоял не алтарь, а стойка регистрации. За ней трудились три чопорные дамы в мшисто-зеленой униформе.

– Регистрационная зала, – с придыханием прошептал крестный.

Меня сфотографировали, обмерили странным прибором, сделали детализированные слепки рук и, зачем-то, ног. Сначала подумала, что разуться попросили ради соблюдения

приличий... Но нет, два молодых мага-ассистента прикатали на тележке медный таз с зачарованным гипсом и водружили меня в него по щиколотки.

Сам ритуал соединения с жезлом чем-то напоминал бракосочетание. Дамочка с дурацким пенсне на носу задавала вопросы, на которые мне полагалось пищать «да, знаю» или «да, согласна». Потом регистраторша претенциозным тоном заявила, что моя палочка теперь – и основной документ, подтверждающий личность, и кошелек, привязанный в банковскому счету, и оружие, призванное защищать свою владелицу. Может, и медицинскую карту туда впихнули, я не вслушивалась.

А о том, чтобы прикрутить к Настоящей Волшебной Палочке сверкающую розовую звезду, я в двенадцать лет и сама подумывала... Один раз даже картонную приклеила. Паршивая была затея. Из-за нее магический поток запутался, и меня шарахнуло собственным обмораживающим заклятьем. Три дня потом в горячей ванне оттаивала. Хорошо хоть, что Карпов это унижительное воспоминание не подглядел.

Глава 6. Первая кровь

В следующие три дня я убедилась в том, что мои руки хоть по виду и растут из плеч, но на самом деле – совсем из другого места. Они дрожали, били склянки с ингредиентами, роняли палочку, варили какую-то муть, отрезали совсем не те части растений и иными способами предавали тело и меня. Если бы «Снадобья и травы» вела Карамзина, и она, а не Карпов, обозвала выпестованное мной зелье «соплями тролля» и попыталась выставить его создательницу с позором из кабинета, я бы даже не обиделась.

В четверг вечером Джен картинно удивилась, что я еще дышу. Даже до пятикурсников дошла история о том, как «новенькая из Эншантели» в сердцах пнула зельеварительный стол. Почему-то у него тут же подломились ножки, и хрустальная чаша с гадким содержимым полетела на пол. То ли я в душе Кинг-Конг, то ли Демон незримо посодействовал. Вид у него был весьма и весьма довольный.

Сама Джен собиралась на неромантическую прогулку с секретным «просто другом», который «так вытянулся и заматерел за лето, что его не узнать». А еще он был «немного старше, немного выше, немного темнее и немного умнее», чем она. Больше из нее вытащить ничего не удалось. А под эту характеристику подходили почти все парни, начиная с шестого курса.

Чьими бы стараниями я ни разбила зельеварительную чашу, вечером оказалась в знакомом месте. Ну, здравствуй, зеленая ползающая слизь. И как только первокурсникам удалось освоить твое массовое производство?

***

За завтраком с канонадой хлопков и сажевым туманом на Академию напала армия морфов-почтовиков. Мне тоже пришло письмо: мохнатый полугном-полуэльф бросил его прямо в тарелку, счастье, что уже пустую.

Несколько фотографий из турне по Америке. Аманда с тканями, Аманда с платьями, Аманда с волшебницами-рукодельницами, Аманда с пятым мужем... И ни слова о недавней беседе. Зато теперь я понимала, почему на всех карточках она в одежде с длинными рукавами.

У меня оставалось немного времени, чтобы написать ответ и завтра отправить его из Деревни. Лестница пустовала, но на втором пролете я едва не влетела в прозрачное марево. Улыбающееся и отвешивающее мне глубокий поклон.

– Роджер! – я чуть не обняла своего недавнего спасителя, но вовремя сообразила, что затея с треском провалится. А я – вместе с ней.

– Тссс, неумеха! Секретный разговор, – он поманил меня пальчиком за собой, и я незапланированно поднялась с ним на четвертый.

Прижав холодным силовым полем к стенке, призрак сделал страшные глаза и приложил ладонь к моему рту. Не ду-

маю, что это помешало бы мне заорать, но намек поняла.

– Профессор Карпов, и все-таки уделите мне минуту. Не могу же я целое утро за вами бегать, – вместе с шагами гулко послышалось откуда-то снизу. – Я хотел поговорить об одной из своих подопечных. До меня дошли слухи, что вы к ней так усердно придираетесь, что скоро отобьете желание учиться.

– Речь об упрямой новенькой выскочке с не по делу вздернутым носом? Не помню, профессор Осворт, чтобы вы раньше ходатайствовали о ком-то из своих подопечных, – голос Карпова был просто соткан из язвительности и насмешек. – Чем вызвана такая забота? Девушка приглянулась?

– Приглянулась, – вежливо согласился куратор. – Хоть и не в том смысле. Вы же не забыли, что я давно и счастливо женат?

– Забудешь тут... Всерьез рассчитывали, что попытка увенчается успехом?

– Зная вас – не особо.

Шаги приближались, я задергалась, но Роджер сурово глянул и помотал головой.

– Я хорошо знаком с методикой обучения «Эншантели» и ее результатами. И подопечная ваша – «порченный товар». Ей лучше ограничиться бытовой областью применения магии, а не рваться в правопорядок. Безопаснее и для нее, и для мироздания, и для нас с вами, – громко вещал Демон. – Сможет работать в сфере обслуживания. Печь чудодейственную сдобу, готовить мази от раздражения на коже, шить зачаро-

ванные платья... Вон, мадам Чармингтон в деревне требуется помощница...

– Перестаньте! Нормальная, талантливая девушка. Только практики не хватает, – возмущенный голос куратора пролился бальзамом на израненную самооценку. – А вы...

– А я на своих дисциплинах имею право быть настолько требовательным, предвзятым и избирательным, насколько мне угодно.

Голоса стихли, но сердце продолжило возмущенно подпрыгивать в груди. Порой кажется, что нельзя уже ненавидеть сильнее. Ан нет, есть еще куда расти.

– Господин Вортингтон, обучаете оранжерейную мисс искусству магического шпионажа? – послышался снизу знакомый отрывистый голос. Через минуту перед нами черной тенью предстал и его обладатель. – Все расслышали или повторить избранные фрагменты?

Вырвавшуюся у меня фразу не смогло бы перевести и лучшее заклятье взаимопонимания. Жаль только, что ругалась я исключительно на русском. Сказывались отцовские корни. Поэтому Карпов, без сомнений, распознал знакомый диалект, что низвело меня с пьедестала Милой Беззащитной Леди до уровня грубой невоспитанной обезьяны.

– Изящно, – озадаченно признал Демон.

– Откуда вы знаете методику «Эншантели»? – я решила не притворяться, что пропустила беседу с Освортом. Похоже, Карпов с самого начала был в курсе нашего присутствия, и

половина гадостей предназначалась для моих ушей.

– Не ваше дело. Еще вопросы?

– Нет. Но вы ошибаетесь на мой счет.

– Едва ли. Будь у вас хоть капля разума, не водились бы с прозрачными идиотами.

Карпов отвесил шуточный поклон привидению, и Роджер, к моему удивлению, тоже коротко нагнулся и распрямылся. Подумалось, что это вовсе и не комедийное представление, а самое настоящее уважительное приветствие. Но Демон быстро избавил от иллюзий. Во всяком случае, насчет уважения.

– Господин Вортингтон рассказывал вам, что избрал самый глупый способ умереть из всех возможных? – едко прошипел он. – Да, вы не ослышались. Роджер сам решил свою судьбу. Храбро, конечно, но не от большого ума...

– Не думал, что вы в курсе, – прозрачные глаза призрака недоверчиво сверкнули, голубые брови соединились взволнованной змейкой. – Может, знаете, и кто этому поспособствовал, ваше... профессор?

– Не без этого, – зеркально нахмурился мужчина. – Но, если вдруг интересуетесь... Я не считаю это достижением и не восторгаюсь его поступком. И даже не оправдываю. Хоть он и стал жертвой вашей глупой самонадеянности.

Тело призрака прошло гневной рябью.

– Жертвой? Вы бы сами на моем месте...

– Я не был на вашем. Был на своем.

– Наслышан... Тоже не сахар, – буркнул Роджер, как мне

показалось, примирительно.

– Раз слышаны, так помалкивайте. Иначе отправлю вас к демонам.

– Я и сам не прочь убрать свой прозрачный зад из академии... Но, боюсь, даже вам это не под силу.

– Если вынудите, очень постараюсь, – проворчала спина Карпова, исчезая за массивной дверью.

– О чем вы говорили? В конце? – выдохнула я накопившийся воздух. Едва ли я дышала, пока шел странный обмен любезностями, – опасалась упустить хоть слово.

Пожав мерцающими плечами, Роджер мотнул головой.

– Рано или поздно узнаешь. Может, сам расскажет. Если вспомнит, – в голосе призрака появились безумные нотки. – Точнее, когда.

Сгорая от любопытства, я попыталась прижать приятеля к стенке, но руки проскользнули сквозь холодное железное марево и неприятно ударились о камень.

– Не лишу себя удовольствия понаблюдать со стороны. Я не любитель сплетен, и не вмешиваюсь в чужие дела, – почесав несуществующий затылок, бестелесное чудо нырнуло в пол, оставив слякотную отметину.

***

На уроке Валенвайда снова царила странно-жуткая атмосфера. В окно с неожиданной инициативой пробивалось осеннее солнце, а по аудитории бродил всамделишный вампир и потчевал учеников древними сказками.

– Немногочисленное волшебное сообщество ведет свое начало едва ли не с доисторических времен. Согласно легендам, несколько представителей древнейших родов получили в дар по капле дикой магии в свою кровь.

– От кого?

– Теологи уверяют, что от бога. Любители мифологии – что от драконов, наведавшихся на экскурсию в наш мир. Фантазеры скидывают вину на инопланетян.

Соседки захихикали, а я перестала слушать лекцию и ушла в окно. В «Эншантели» был приличный исторический курс, и я могла сама провести занятие, рассыпаясь в зазубренных по учебнику фразах.

Суть легенды о «Первой подаренной капле» сводилась к тому, что кучка людей получила ценный магический презент. Правда, половину из осчастливленных тут же истребили соплеменники, требовавшие равноправия. Их можно понять: кому понравится смотреть, как собрат высекает огонь прямо из пальцев, в то время как ты мучаешься с трением палочек?

Уцелевшие волшебники уединились в скалах и принялись изучать и совершенствовать магические способности. Часть из них погибла в ходе этих не слишком научных исследований. Наконец, чтобы не привлекать внимание, оставшаяся горстка одаренных людей разделилась и рассосалась по континенту, положив начало многим известным первокровным семействам.

Нетрудно догадаться, что самые старые из них смогли сколотить благодаря волшебству приличное состояние и занять элитное положение в человеческом мире. Поговаривали, что и в нескольких правящих династиях текла одаренная кровь. Толку то? Короли-волшебники могли бы разобраться с голодом и войной щелчком пальцев, но вместо этого тонули в интригах и порочных любовных связях, как безвольные простецы.

– Первая кровь была самой сильной, – сурово вещал Валенвайд, заглядывая в чужие конспекты. – Не смешанная и не разбавленная, она давала владельцу магию такого уровня, что и помыслить сложно. Допустите на мгновение, что волшебник – без жезла, кожа к коже, – высекает двадцатиметровый столб огня? Или ставит купол-невидимер на целую деревню? Или орошает фермерскую плантацию магическим питательным дождем? Сегодня для этого понадобились бы десятки одаренных, с палочками, артефактами и амулетами... Но были времена, были... – Престарелый вампир растянул мечтательную улыбку меж впалых щек. – Перевелись Высшие маги с тех пор. Разбавилась кровь, потускнела магическая капля...

– Простите, сэръ, – выдавила из себя Кристина, машинально прикусывая губу, но тут же проверяя пальцами – не до крови ли? – А когда официально исчезли Высшие маги? Те, которые помимо чародейской силы обладали уникальными дарами? Мне матушка рассказывала, что некоторые умели

читать мысли на большом расстоянии, а другие – внушать их...

– Ваша матушка – начитанная женщина. Сейчас уже трудно сказать, когда умер последний Высший, оставив землю менее одаренному потомству вроде вас. Примерно две с половиной сотни лет назад, – благожелательно ответил вампир и тоже на всякий случай проверил, нет ли крови на губах девушки. А затем разочарованно отошел в другой конец аудитории. – Согласно историческим сводкам последним из сильнейших считается Августус Блэр, его магии не было равных среди современников.

– А как же Аврора? Она ведь смогла его победить! – упомянула Вика историю, о которой я еще не слышала, и пришлось наострить уши.

– Мудростью, хитростью... Но никак не магией. Она тоже была из Высших, но дар имела скромный. Не чета Августусу. В смысле силы, конечно. Да и в остальных...

Валенвайд замялся на самом интересном месте, а мне ужасно захотелось дослушать историю противостояния основательницы Академии и Высшего мага. Хотя эти легенды не имели ко мне отношения. Дестинам дикую магию никто не дарил, и никакие капли в их организмах не плавали.

– Как появились волшебники, понятно, но, сэр, откуда взялись магические твари вроде лавасилисков и суккубов? – не отставала Кристина.

– Когда в мир приходит магия, пусть даже несколько ка-

пель, она преобразует все вокруг себя. Запускает процессы волшебной эволюции... Сияющая и темная материи, составляющие творческую энергию мироздания, под ее влиянием раскрывают свой потенциал. Создается совершенно особый магический фон в тех областях, где селятся волшебники. Есть легенды о других мирах, которым магии досталось больше, чем нашему... Они изменились до неузнаваемости. Драконы, гнездящиеся на крышах высотных зданий, летающие корабли вместо трамваев, дивные сады с чудотворными фруктами...

– А нам достались лишь дрессированные ящерики?!

– Еще вампиры, – хищно улыбнулся Валенвайд, демонстрируя пожелтевшие клыки. – И оборотни, и дриады, и морфы, и тролли... А вот драконы на крышах, мисс Конюхова, нам ни к чему. Представьте сколько от них помета. Такое с окон просто не отмывается.

***

Зачем я выбрала правопорядок? Кто меня тянул за упрямое помело, привинченное к телу вместо языка? Проклинать себя было поздно – к тому же делать это по-настоящему, как истинная малефика, я не умела, – и я вяло плелась в тренажерный зал. Только фыркала через шаг и нервно дергала плечами.

Возомнила себя борцом за справедливость... Заклинаний на атаку почти не знаю, палочка – игрушечная... Самой же смешно! В школе – обычной, человеческой, – после двухсот

метров пробежки начинала задыхаться. Права Джен, когда намекает на мои беспечные попытки самоубийства за чужой счет.

Практика сражения на именных жезлах стояла третьим уроком. Пофыркивая и подергиваясь, я еще успевала молиться, чтобы первая тренировка проходила под руководством добродушного профессора Осворта или «железной леди» Белинды Боулз. Вряд ли все три преподавателя заявятся на магические спарринг-бои? Хотя с Карпова станется свалиться с неба лишь для того, чтобы попить моей крови.

На мне был черный облегающий топ и такие же эластичные леггинсы. Надеялась, что в этой одежде будет удобнее отпрыгивать, убегать и падать. А то и вовсе помирать. В тренажерном зале уже собрались будущие блюстители правопорядка. В основном тут были «зазнайки» с шестого и седьмого курсов, но я увидела и пару знакомых «занудных» лиц.

– Приветствую вас в новом учебном году! – бодро заявила госпожа Боулз, выныривая из-за боксерской груши и направляясь к центру зала. – Сегодняшнее занятие будет вести профессор Осворт, а я, в качестве физкультурного ангела-хранителя, понаблюдаю со стороны.

Зал облегченно выдохнул. Все были расслаблены после летних каникул, и никто не хотел стать жертвой Мрачного Демона. Мое положение было особенно шатким: не имея в арсенале даже десятка приличных защитных и атакующих заклятий, я превращалась в легкую мишень.

К короткостриженной даме с мальчишескими ужимками присоединился куратор Осворт. Он обвел взглядом аудиторию и приветливо мне кивнул. Вчера он заявил, что считает меня храброй девушкой. Так и сказал: «Для дестинки из «Эншантели» вы поступаете фантастически смело, выбирая Правопорядок своей специализацией».

Джен выразилась яснее и категоричнее: «Тебя сведут в могилу или тренировки, или Карпов. Но я ставлю на Демона».

– Сегодня повспоминаем основы... Разобьемся на пары, первый – атакующий, второй – уклоняющийся. Можно использовать любые заклятия, изученные в Академии, но ничего из книжек ваших любознательных родителей, договорились? – задорно засмеялся Осворт и подошел поближе. – Пользуемся щитами, поглощением, преобразованием и отклонением магии. Не забываем группироваться в падении и уворачиваться: зачем-то природа наделила вас этими прекрасными телами? Чтобы выиграть, уклоняющийся должен простоять под градом разящих заклятий три минуты. Первая пара – мисс Рашель Рид и господин Антон Бехтерев, прошу в центр зала. Мисс Рид атакует.

На площадку передо мной выскочила миниатюрная девушка с очень бледной кожей. Лицо ее озарялось брызгами рыжих веснушек, красные волосы полыхали закатным солнцем. Рашель жила со мной в комнате и была одной из тех романтических натур, что любят мечтательно поглядеть в окно

и полистать женский роман. Странно было представить ее в роли атакующей волшебницы.

Бой начался, и полетели искры: с неожиданным напором Рашель бросила в темноволосого парня три опрокидывающих заклятия подряд. Он едва успел уклониться от первых двух, и подставить мерцающий серебром магический щит под третье. Публика захопала, мисс Рид довольно заулыбалась.

Следом она послала в Бехтерева ярко-голубой луч, эффект которого мне был неизвестен. Тот уперся в щит и померк. Но красноволосая девица была упорна... Она пробормотала ту же магическую формулу, и из ее именного жезла снова выскочил голубой луч, ярче предыдущего. Он с размаху ударился о щит, тот задрожал и разлетелся на мерцающие осколки, которые мгновенно растворились в воздухе.

Пока Антон выковывал новую защиту, Рашель успела послать смачное парализующее заклятье. Парень словил его прямо в грудь и, застыв в забавной позе с разведенными в стороны руками, неуклюже грохнулся на пол. Публика возбужденно загоготала.

Позволив ученикам с минуту понаслаждаться веселым зрелищем, профессор Осворт расколдовал незадачливого война. Бехтерев с ненавистью уставился на Рашель и что-то гневно прошипел. Мисс Рид фыркнула и глянула на парня, как на таракана: с самооценкой у нее было все в порядке.

– Следующая пара: мисс Сюзанна Бэггинфорт в атаке, а

на уклонении...

Преподаватель задумчиво обвел взором парней-семикурсников.

– Вы позволите, профессор Осворт? – раздался отрывистый и гулкий голос ровно позади меня, и сердце с дурным предчувствием бухнулось в живот. – На уклонении – мисс Дэлориан. Посмотрим, чему вас научили в парижской фабрике идеальных домохозяек.

– Профессор Карпов, это занятие веду я... И думаю, первую тренировку мисс Дэлориан может посмотреть из зала, – мягко, но уверенно произнес Осворт и ободряюще мне улыбнулся.

– А когда страшный волшебник встретит ее среди ночи в фойе и схватит за горло, она тоже сможет на это посмотреть из зала? – едко спросил Карпов, намекая на нашу недавнюю внеплановую прогулку, оставившую у меня порцию неизгладимых мурашек в глубине души.

Пожав плечами, Осворт устало выдохнул: он явно планировал уступить. Я до сих пор не поняла, какие отношения связывают двух кураторов. При мне они общались друг с другом холодно и профессионально, но открыто никогда не враждовали.

Осознав, что потеряла в лице Осворта единственного защитника, я собрала волосы в тугий узел и вяло поплелась в центр зала. По пути обернулась и бросила в Карпова крайне неуважительный взгляд. Уверена, его внутренние черты пу-

стились в пляс от предвкушения моего позора.

Мисс Бэггинфорт оказалась девицей в ультракоротких шортиках и с пышной грудью, самодовольно выпрыгивающей из топа. Она явно любила внимание публики и обладала приятной, незаурядной внешностью. Пухлые губки, поджатые кокетливым бантиком; светлые волнистые волосы, собранные в высокий конский хвост; аппетитные округлости в положенных местах. Едва она выбежала на середину зала, парни испустили не то мученический вздох, не то взволнованный стон. На ее фоне я казалась скромницей-«заучкой».

У Сюзанны, как и у прочих, в руках был «Стандарт-98» – крепкая, толстенькая, короткая палочка из темного дерева с медным наконечником и стальной рукоятью. Моя «дамская, умеренно-мощная» ни в какое сравнение с ней не шла. Хотя «игрушечный» жезл колдовал утонченно и легко, исполняя вальс при каждом движении и лихо закручивая в воздухе заклипания.

Магические формулы вылетали из него грациозными балетными па, раскрашивая мир разноцветными огнями и сияющими лентами. Я надеялась противопоставить резкости и напористости изящество и проворность. Правда, на слишком многое не рассчитывала.

Белокурая «зазнайка» недобро сверкнула глазками и заняла боевую стойку. Я сдержанно кивнула, и Сюзанна тут же сделала агрессивный выпад, бросив в меня искрящийся фиолетовый луч. Я понятия не имела, что это за ерунда, и едва

успела отпрыгнуть в сторону.

Заклятье пришлось в опасной близости от бедра и шмякнулось о стену, оставив в ней заметную вмятину. Ох, ни черта себе!

Тело мгновенно наполнилось адреналином, мышцы натянулись гитарными струнами. Меня заполнило восторженное предвкушение драки – незнакомое, пьянящее чувство. Каждую клеточку захватил азарт сражения. Не помню, чтобы испытывала такое хотя бы раз.

Не прошло и шести лет, как вдруг Судьба решила мне подыграть. Опрокидывающее заклинание у Сюзи вышло медлительным и тяжелым. Вальжной желтой вспышкой оно пронеслось над головой, и я спокойно пригнулась.

Третьим полетел сиреневый парализующий шар. Он тоже двигался неспешно – сказывался ленивый характер жезла мисс Бэггинфорт. Пока тот прикатился к моим ногам, я успела пробормотать длинное и мудреное контрзаклятье. Вылетела грациозная серебряная струя и магическим потоком разбила сиреневый шарик в пыль.

В реальном бою моя палочка проявила характер. Имея в ходу лишь пару слабеньких одноразовых щитов и несколько контрзаклинаний, я, тем не менее, в последний момент умудрилась отразить еще два выпада белокурой бестии. Спасла проворность и сообразительность «игрушечного» жезла. Ну и везение, ага.

Блондинка оказалась совсем не проста. Я успела взмок-

нуть, бешеной белкой шараяясь от ее заклятий то влево, то в право. Но слова Белинды Боулз обрели ясность: если бы не фирменный дестинский фарт, я бы давно валялась в уголке без сознания.

Если такого везения не ожидала даже я, то что говорить про Сюзи. Девушка завелась, ее сжатые челюсти выдавали злобное напряжение. Прошипев формулу, соперница резко взмахнула палочкой – и отправила мне в колени мощный синий луч. Я не умела отражать подбрасывающие заклятья, поэтому в панике прыгнула вверх, будто заприметив на полу толстую крысу. При приземлении вынужденно перекувыркнулась через себя, и волосы распались по плечам, застелив половину лица.

Вскочив на ноги, я улыбнулась противнице. Прошло больше двух минут, и сознание хмелело от приближающейся победы. Оставалось выстоять всего ничего! Вдруг получится? Тогда Карпову придется признать, что мое «малиновое желе» на что-то, да способно.

Сюзи плюнула в меня очередным фиолетовым лучом, плавно закрутившимся в воздухе. И в голову пришла неожиданная идея: в «Эншантели» нас учили преобразовывать магические потоки. Не самый полезный вид колдовства, потому что требует времени и сосредоточенности... Но благодаря ленивому жезлу мисс Бэггинфорт это могло сработать.

Стремительным взмахом я вытянула из луча фиолетовую шелковистую нить и гимнастической лентой «намота-

ла» на свой жезл. Пробормотав метаморфическую формулу, я отправила луч обратно, наделив его замедляющими свойствами. Заклятье использовалось для приготовления тех самых конфитюров, чтобы заставить варево неспешно томиться. Но чем белокурая красавица хуже абрикосового джема? Грудь обомлевшей Сюзи, явно незнакомой с магической кулинарией, разразилась сиреневым фейерверком.

Следующие полминуты девица еле-еле шевелила губами и двигалась, как в замедленной съемке, вызвав у зрителей волну восхищенного хихиканья. Мне же, в поту и с бьющимся от адреналина сердцем, было не до смеха.

Вниз по спине скользнул чей-то обжигающий взгляд, и я резко обернулась. У стены стоял Демон. Мысленно плюнув в него, я вернулась в стойку, но было поздно. Эффект заморозки прошел, и Сюзи грамотно воспользовалась моментом, запустив подкидывающим заклятьем. Все, что я успела, это сгруппироваться.

Не такие полеты снились мне в удачные ночи. Яростный синий луч подбросил тело в воздух так высоко, что я смогла пару раз кувыркнуться, прежде чем вернуться на пол. Не слишком хорошо рассчитав траекторию, я кубарем прилетела прямо в ноги мрачному профессору. Было не особо больно, но обидно: я почти выстояла положенные три минуты!

Привстав на колени и стряхнув волосы с лица, я увидела насмешливые черные глаза.

– Это вы виноваты! – проворчала я. – Едва не прожгли

затылок...

– А причем тут затылок? – коварно ухмыльнулся Карпов.

Я не успела высказать все гадости, которые подумала. Все вокруг – тренажерный зал, стена и даже демоническое лицо, – вдруг окрасилось ярко-синим. Резкая боль пронзила голову, разнеся в мелкие щепки едва сложившиеся мысли. Меня опять подбросило, я перекувыркнулась и упала на спину, больно приложившись затылком о пол. В ушах приглушенно зазвенело, глаза застелило чернотой.

Меня разбудила горячая ладонь, фамильярно прохаживающаяся по лбу, щекам и вискам. Открыв веки, я тут же закрыла их обратно: снова видеть эту злобную физиономию не было ни сил, ни желания.

– Сядьте, мисс Дэлориан, и покажите свои глаза. Или мне придется отнести вас в больничное отделение на руках... – угрожающе прошептал профессор.

От страха оказаться в его демонических лапах я сразу пришла в себя и резво подняла спину с пола. Голова кружилась, но я собиралась добраться до медпункта сама.

Губы Карпова кривились в ухмылке. Понял, в какой ужас вогнал меня «заботливым» предложением. Но в глазах читалось беспокойство.

– У вас испуганный вид. Не думала, что вы способны чего-то бояться...

– После такого шоу... Я боюсь вас, мисс Дэлориан, – язвительно пробормотал Карпов. – Вы невероятно опасны.

Шутка была донельзя унизительна. После красноречивого поражения от пышногрудой Сюзи едва ли я могла внушить страх даже первокурснику. Убедившись, что перед моими глазами не скачут единороги, Карпов поднялся и направился к коварной юной волшебнице.

– Это было эффектно. Но, к сожалению, неспортивно, мисс Бэггинфорт, – профессор вплотную подошел к блондинке и с изучающим видом намотал на палец выбившуюся прядь ее волос. Затем пружинкой выпустил локон на волю. – Специально для вас поясню: так, – он указал рукой в мою сторону, – делать нельзя. Ай-яй-яй.

– Но сэр, я не поняла, что поединок уже закончился... – сладким голосом пропела девушка.

Даже отсюда я видела, как она старательно распахнула глаза и захлопала ресницами. Ее пухлые губки изогнулись в виноватой, но кокетливой улыбке. Я подавила смешок и отдала должное своей сопернице: попытка очаровать Мрачного Демона была нелепым, но смелым решением.

– Мисс Бэггинфорт, умоляю, сотрите с лица идиотскую улыбку. Вам не говорили, что на меня это не действует? – окатив ее холодом, презрительно бросил Карпов. – Занятие проводил профессор Осворт, он и назначит наказание. Можете протестировать женские чары на нем. Но обязан предупредить, что он... кхм... «давно и счастливо женат».

***

– Поднимайтесь, отведу вас в больничное отделение.

Карпов сунул мне под нос огромную лапу, предлагая помощь, но я ее проигнорировала.

– Не нужно.

– Нужно. Может быть сотрясение.

– Я дойду сама.

Мир продолжал крутиться вокруг меня, но обороты стали медленнее. Я неуверенно встала и, пошатываясь, направилась к выходу. Надменно подняв подбородок, прошествовала мимо однокурсников и по пути поймала сочувствующий взгляд профессора Осворта. Думаю, он был на моей стороне, но не решался соперничать со злобным коллегой.

Догнав меня, куратор что-то быстро сунул в руку, прошептал: «Ваш первый камушек, мисс Дэлориан. Заслуженный. За изящное преобразование магии в замедляющее заклинание. Это было очень оригинально и красиво». Ладонь машинально сжала твердый комочек, от него шло приятное тепло. Голова соображала плохо, но до нее дошло, что «нас похвалили».

Только просочившись в дверь и направившись в больничное крыло, я поняла, что Карпов идет за мной след в след, отставая на пару шагов.

– Садитесь на кушетку и ждите. Я побуду тут, пока не вернется госпожа Пламберри, – заявил профессор, войдя в медпункт и убедившись, что там пусто.

– Я в порядке, сэр, в этом нет необходимости.

Голова раскалывалась, спина гудела, но в остальном я

ощущала себя, как обычно. Гадкая мисс Бэггинфорт поступила некрасиво, но и мне не стоило отвлекаться на всяких монстров. Я присела на мягкую кушетку, застеленную голубым бельем, и свесила ноги.

Мне тут понравилось: пахло свежестью и чистотой, и было светло, как в раю. Из большого окна открывался чудесный вид на английские оранжереи, мимо них тянулась шумная вереница первокурсников.

– Вы когда-нибудь перестанете спорить с преподавателями? Я останусь. У вас кровь.

– Где? – недоуменно спросила я.

Ленивой походкой профессор добрался до кушетки, встал напротив, просунул ладонь под мои волосы и легко прикоснулся к затылку. Затем продемонстрировал указательный палец, по подушечке которого вальяжно текла красная капля. Сюзи была не промах и ударила крепко!

– Замедляющее заклятье, которое вы использовали, мне незнакомо.

– Немудрено, сэр. Оно из области кулинарии.

– Поясните?

– Яблочный конфитюр. Поварские заклинания слабые, но...

– Но свое вы намотали на мощнейший луч, посланный той девицей. Я этого не заметил, – признал мужчина. – А Осворт не такой уж и растяпа, смотрит в правильном направлении.

«Всяко не в том, в котором вы», вспомнил многострадаль-

ный «затылок».

Завороженно глядя, как Карпов перекачивает по пальцам блестящую рубиновую каплю и с изумлением наблюдает за переливами ее цвета, я кое-что поняла... Или думала, что поняла.

– Удивлены, что она красная? – бросила мужчине.

– И какую, по-вашему, ожидал увидеть?

– Черную, сэр. Грязную и порочную.

Напряженно сдвинув брови, посмотрел в глаза.

– Полагаете, моя неприязнь обусловлена тем, что вы – де-стинка?

– Полагаю, да, сэр. Вы ненавидите меня больше других учеников, и особо этого не скрываете.

Дернув головой, Карпов отбросил назад темные волосы. Они были средней длины, но все равно умудрялись падать на лоб, закрывать уши и немного шею. Отодвинув поднятый воротник, он показал чистую кожу.

– То, что у вас нет арканской отметины, еще не означает, что вы не никогда не разделяли их омерзительных теорий!

– Вы правы, мисс Дэлориан. Я увлекался арканством в молодости. Это не секрет. Но меня интересовала магическая вседозволенность, а не их теории. Которые, и впрямь, омерзительны.

– Как же так получилось, что крестный пригрел на груди арканскую змею? – с презрением прошипела я.

– У него спросите... В любом случае, к вам это отношения

не имеет. Будь вы потомственной первокровкой, раздражали бы меня еще сильнее.

Насупившись, я отвела глаза и постаралась не смотреть на мерзкого типа. Он тоже отвернулся и отошел к окну. Так, в обоюдном неприятном молчании, мы прождали минут десять, когда наконец в больничный кабинет ввалилась полная дама в годах.

Ее круглое лицо с румяными яблочками щек обрамляли светло-русые волнистые локоны, убранные назад в тугий пучок. Из серых глаз выплескивалась доброта. По количеству морщинок я бы дала женщине лет шестьдесят, но на голове не было ни единого седого волоса.

– Кого ты мне привел, грозный профессор Карпов? – ехидно поинтересовалась пожилая леди.

– Одну избалованную оранжерейную мисс, внезапно решившую встать на путь самурая, – проворчал Демон.

– Я вам не «избалованная мисс»! – сквозь зубы прошипела я и гневно уставилась на преподавателя. – Лекарь пришел. Вы можете, наконец, оставить меня в покое и пойти унижать кого-нибудь другого? Для разнообразия?

Женщина окинула нас двоих странным взглядом, но промолчала.

– Рано радуешься, госпожа Пламберри: тебе с «этим» тоже придется иметь дело. Помимо храброго воина избалованная мисс решила стать еще и врачом. Надеюсь, у тебя припасен для таких тяжелых случаев розовый халатик и игрушеч-

ная «больничка».

Грозно зарычав, я вскочила с койки, намереваясь разодрать ему лицо или что-нибудь в этом роде... Но меня тут же зашатало, к горлу подступила тошнота, и я безвольно опустилась обратно.

– Черт бы вас побрал, профессор, – только и смогла пробормотать я. – Когда-нибудь я выучу заклинание, способное вас убить.

– Не волнуйтесь, я умру сам и гораздо раньше – от мучений, связанных с вашим обучением, – едко парировал высокомерный Демон.

С загадочной улыбкой, никак не вяжущейся с происходящей на ее глазах сценой, госпожа Пламберри встала между нами и поставила на тумбочку стакан воды. Жест был совершенно обычным, но Карпов напряженно фыркнул:

– Это глупая и неуместная шутка, Мари.

Он резко схватил стакан, отошел и вылил в раковину.

– Не обжегся, Андрей? – хмыкнула пожилая докторша.

– Не обжегся, – сквозь зубы пробормотал Карпов и черным вороном вылетел из кабинета.

***

– Что было в том стакане? – ничего не поняв, спросила я хозяйку больничного отделения.

– Простая вода. Не бери в голову... Это старинная шутка. Ты же хотела, чтобы он ушел? – задорно подмигнула дама.

– Знает меня всего неделю, а ненавидит так, будто я ему

всю жизнь испортила, – проворчала я, жалуясь доброй докторше.

– Ну, насколько я успела заметить, это у вас взаимно... – прошелестела приятная дама, и я не нашлась, что ей возразить.

Она принялась ласково водить палочкой по моей голове и бормотать незнакомые магические формулы.

– Что вы делаете?

– Диагностику и восстановление связей. Надо понять, нет ли сотрясения, моя дорогая, – с материнской нежностью проговорила госпожа Пламберри.

– А меня научите? Злобный профессор не шутил, я планирую стать врачом. Настоящим, а не игрушечным.

В голове приятно покалывало, сознание прояснялось. Мир совсем прекратил свое вращение, и тошнота отступила.

– Со временем, конечно. Подойдешь во вторник, составим график дежурств. Покажу, как обрабатывать свежие раны и накладывать саморегулирующиеся повязки. Ты же не против начать с азов? – подмигнула женщина.

– Разумеется, госпожа Пламберри. Тут вы босс! – оптимистично улыбнулась я.

Моя грядущая медицинская карьера приобретала радужные черты.

– Только называй меня Мари, пожалуйста. Не такая уж я и старая.

***

Выйдя из больничного отделения, вспомнила, что до сих пор сжимаю в ладони крошечный камушек. Открыв руку, подставила на свет: между линиями жизни и сердца лежал травянисто-зеленый кристалл полсантиметра в диаметре. Что-то вроде хризолита.

– Ух ты, и вам уже начали выдавать «поощрения»! – завистливо протянула Джен, незаметно нарисовавшаяся за моим плечом.

– Зачем они?

– Темный лес! – рассмеялась рыжая бестия. – Это же эксклюзивная система «кнутов и пряников» нашей Академии.

– Ну, с кнутами я уже познакомилась в подвале номер два... Они ценные, эти пряники? Или просто красивые?

– Анна, они бесценные. Без этих кристаллов не пройти итоговый практический тест в конце года! То есть, конкретно ты его в любом случае завалишь, но остальным камушки точно пригодятся...

Негодующе рыкнув, я пихнула вредную подругу в ребро и потребовала объяснений.

– Слушай, на пятом курсе их еще не дают, поэтому я толком не знаю, как это работает, – виновато призналась Джен. – Но старшекурсники над ними трясутся, словно это сокровища пиратов. Зеленые, по-моему, от Осворта?

Пытаясь переварить сумбурную информацию, я задумчиво кивнула.

– У каждого профессора – свой цвет камней. Присцилла

Пруэтт сегодня хвасталась, что получила черный от Карпова за какие-то успешные дипломатические дебаты.

– Жаль, что не малиновый, – улыбнулась я, осознав, что мне черных камушков не видать, как своих ушей и родинки на лопатке. – Демон эту Присциллу прямо балует...

– Угу, она у него в числе любимчиков, – с грустным вздохом согласилась Джен. – А надо мной вечно измывается и говорит, что у меня одна извилина.

***

Голова гудела, мозг чувствительно подрагивал где-то за бровями... А впереди еще два занятия! Эта Академия сведет меня в могилу без помощи троллей и парижских преследователей. Стоило притвориться мертвой на тренировке... Но тогда Карпов мог сдержать угрозу и протащить меня на руках через весь зал. И от этого позора я бы уже не отмылась.

Искрящиеся карие глаза, глядевшие на меня со стены холла, излучали спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. В другой день я бы ничего не имела против, но сейчас хотелось взять нож и хорошенько искромсать оптимистичный шедевр.

– Если я верно осведомлен, этот портрет писали, когда Авроре стукнуло восемнадцать, – вылезла из рамы прозрачная голова, совсем не напоминающая девичий лик. – Тогда она еще не звалась Мудрой... Но Прекрасной уже считалась.

Я не стала радовать призрака душераздирающим воплем, поэтому старательно его, этот самый вопль, зажевала и про-

глотила.

– Моя ровесница, а взгляд такой взрослый, степенный.

– Фантазия художника, – фыркнул Роджер, на полтуловища высунувшись из картины. – В жизни, как я слышал, Ава была вспыльчивой упрямыцей и горячкой похуже некоторых.

– Интересно, проблемы на нее сыпались в таком же количестве, как на этих «некоторых»?

– Ты бы ей не позавидовала. Десятки выгодных женихов, трясущих перед графом Воронцовым магическими брачными контактами... Сотня проблемных посетителей в месяц, желающих испробовать на себе редкий дар... Ах да! Был же еще возлюбленный-психопат, планирующий поработить весь мир. А в конце счастливой сказки ей пришлось прикончить своего принца, чтобы тот ненароком не угробил человечество.

– Подожди, тот последний Высший маг... Августус-какого-там...

– Блэр-его-там. Ты правильно поняла. Любовь у них была. До гроба. Пожениться, правда, не успели... Отвлеклись на войну.

Неприятности в виде ушибленного затылка и издевок Мрачного Демона, так вовремя вынырнувшего с противоположной стороны коридора, сразу показались смехотворными. Но легче не стало. Я не графиня, и не мудрая, и имею право рыдать по пустякам.

Этим и занялась в дамской уборной ровно через два часа, получив очередное «Безобразно» за письменный тест по «Волшебным травам».

Глава 7. Поощрение и наказание

«Ваша подготовка к ежегодному финальному турниру началась! Подробности – в полдень в фойе.

С уважением, Мальй Совет Академии».

Слово «турнир» мне сразу не понравилось, а уж когда я спустилась вниз и обнаружила толпу взволнованных шестикурсников, окончательно сникла. У картины, – той самой, которой я любовалась во время ночной прогулки, – возвышалась подтянутая фигура Карамзиной. Я опоздала, поэтому застала ее речь на середине.

– Да, мисс Конюхова, за индивидуальные достижения... На взгляд преподавателя, само собой... За оригинальные решения, успехи, победы, старательность... – тихо разъясняла аристократка. – Система поощрений введена в Академии только со вчерашнего дня, поэтому, если вы еще не получили ни одного камня... У кого-то уже есть? Покажите?

Рашель вытянула ладошку с фиолетовым кристаллом, Влада – с красным. Догадавшись, о чем речь, я достала из кармашка свой зеленый.

– Не удивляюсь, что ни у кого нет черного, – неодобрительно фыркнула преподавательница. – Не особо на них рассчитывайте... Профессор Карпов очень избирателен.

Поджав губки, она посмотрела куда-то за мое плечо. Я проследила за ее взглядом... Ну да, кто же еще. Демон соб-

ственной персоной стоял у огромного витражного окна и издали поглядывал на наше собрание. На словах Карамзиной он недобро хмыкнул.

– Экзаменационный поединок важен для всех. Но в особенности для тех, кто избрал своими специализациями «Правопорядок», «Преподавание магии» и «Магическую дипломатию». Если на шестом курсе вы не пройдете это испытание, то в следующем году Малый Совет Академии предложит пересмотреть приоритеты и подобрать другую профессию.

– А причем тут «Преподавание магии»? – недоуменно простионала Влада.

– При том, мисс Дягилева, что в случае нападения на Академию я и другие профессора – ваша последняя надежда. Задача преподавателя – не только нести свет в темные головы, но и защищать студентов от любых врагов, внешних и внутренних. И вы тоже должны быть готовы закрыть собой ученика при малейшей угрозе.

Не знаю, о чем подумали другие, но лично я представила, как Карпов бросает меня на съедение троллям и довольно потирает руки.

Из остатка речи я поняла, что собранные камни инкрустируются в какой-то предмет – «амулет персональных достижений». У кристаллов были «опекуны», напитывавшие самоцветы своей магией. В итоге должен был получиться уникальный комбинированный оберег.

– Чем активнее вы работаете в течение года, тем больше шансов победить в финальном поединке. Ведь вашим соперником станет кто-то из преподавателей, – выразительно подняла брови Карамзина, и по фойе прошелся ветерок возмущения. – Синие кристаллы добавляют мощности атакующим заклятьям, черные защищают от ментальных атак, зеленые восстанавливают растраченную энергию... Красные – их вы можете получить от меня, – делают щиты крепче. Лиловые аметисты исцеляют неглубокие раны и снимают усталость. Фиолетовые усиливают концентрацию, а золотые топазы, самые ценные, улучшают память и подсказывают нужные магические формулы. Последние выдает ректор за особые социальные достижения.

– Зачем такая серьезная подготовка? – пропищала Вика. – Нас что, будут убивать?

– Испытание может продолжаться час или два, оно проходит на всей территории Академии... Самый длинный поединок занял четыре с половиной. Восстановление сил и легкая исцеляющая магия пригодятся каждому. Кроме того, камни каждого цвета защищают вас от магии их «опекунов». Собрав, к примеру, несколько черных камней, вы увеличите свои шансы выстоять против профессора Карпова.

Нервный хохот учеников должен был намекнуть Ксении Игоревне, что против Демона шансов не было ни у кого, даже с сотней агатовых самоцветов.

Мне даже угадывать не нужно было, каким образом Судь-

ба решит надо мной поиздеваться в конце весны и кого выставит на финальный бой. Я снова обернулась, почувствовав, как Карпов прожигает дыру в ушибленном затылке. Неужто наши мысли совпали? Похоже, он рассчитывал повеселиться.

– Госпожа Карамзина, – не выдержав, обратилась я к женщине. – Кто определяет противника для экзаменационного поединка?

– Раньше жребий вытягивали из Соревновательной Чаши Авроры, но ректор Кроу вчера оповестил меня, что старинный сосуд трагически разбился...

Упс!

– Не волнуйтесь, к концу года мы что-нибудь придумаем. Так или иначе, выбор будет случайным. Вам может попасться любой преподаватель Академии, даже ректор или госпожа Пламберри, – усмехнулась Ксения Игоревна. – Причем не стоит ее недооценивать! Вы опасаетесь кого-то конкретного, мисс Дэлориан?

– Все опасаются кого-то конкретного, госпожа Карамзина, – фыркнула я, и народ вокруг заерзал.

Как будто остальным с Демоном справиться будет проще, чем мне. Да он и Рашель, и Владу размажет по траве растаявшим сливочным маслом. Разве что у зеленоглазой дьяволицы мисс Пруэтт появится шанс, если она с таким рвением будет собирать драгоценную коллекцию.

– Не волнуйтесь, смертей на финальных турнирах у нас

еще не было, – невесело пошутила преподавательница.

Значит, будет первая – моя. К концу года мы с Карповым возненавидим друг друга настолько, что убийство станет единственным выходом.

– А они... настоящие?

Расползаясь в озадаченной улыбке, Розмари Блум pokrутила в пальцах синий камешек. Похоже, девушка в жизни не видела драгоценностей такого ранга. Я и сама испытывала трепет, вглядываясь в блестящие на свету грани.

– Самоцветы? Нет, мисс Блум, это очень искусная магическая подделка. Но в человеческом мире их от настоящих никто не отличит... Поэтому попрошу не выносить камни за пределы Академии. Тем более, что эффект от их зачарования там не действует. И еще один момент: не пытайтесь присваивать чужие кристаллы. Сама не знаю, как это происходит, но на утро они все равно возвращаются в амфоры к своим владельцам.

***

С Джен мы договорились встретиться уже в Деревне. Я больше не смогла выносить ее мечтательно-ожидательной паранойи. Да и не факт, что подруга заметила мое отсутствие.

Эти выходные она не собиралась проводить у тетушки и выглядела взвинченной и растерянной. Похоже, в ее планы должен был вклиниться тот, что «немного выше и немного умнее». Влюбленная Джен мне нравилась меньше. Колкие

поддевки сменились рассеянными «да» и «нет», а окно грозило треснуть от количества брошенных в него тоскливых взглядов.

Подпорченное горькими думами о финальном поединке, настроение за обедом выровнялось и даже приободрилось. Где-то между грибным супом и яблочным пирогом ректор Кроу поднялся со стула и объявил, что через неделю в Академии состоится первый в учебном году бал. Он назывался Приветственным, и был призван сплотить ученические ряды.

И теперь, несмотря на промозглость и серость за окном, внутри Академии воцарился радужный хаос. Звенящее предвкушение танцев разносилось в волшебном воздухе. Девушки сбивались в стайки, шептались по углам и собирались всей гурьбой наведаться к мадам Чармингтон.

Балы являлись неотъемлемой частью магического мира. Консерваторы-первокровки неохотно расставались с вековыми традициями, поэтому и вечеринки у них были, мягко сказать, старомодными. Вальсы, юбки до пола, смокинги... В прошлой, человеческой жизни я такое видела только в кино. А теперь мне самой нужен был соответствующий наряд.

Пришлось дописать к ответному письму несколько строк – спасти мой первый бал могла только Аманда. Вот тетушка удивится: впервые в жизни племянница-недотрога сама просит у нее пышное платье.

В детстве мы с ней почти не общались. Мамина сестра на-

ведывалась в гости исключительно под Рождество, закидывая меня ворохом нарядов неподходящих расцветок. И ни разу мне не хватило смелости признаться, что я люто ненавижу голубой цвет, а в бледно-розовом похожа на фарфоровую куклу.

Аманда была легкой и приятной в общении, шустрой, деятельной. Постоянно куда-то спешила, подскакивала ни с того, ни с сего, будто забыла дома выключить плиту... Ее медовые волосы вились сами собой и пружинками подпрыгивали при каждом суетливом движении.

Помню, как в девять лет я усадила Аманду на пол и заставила слушать пластинку с детскими сказками. Мелодичный женский голос как раз читал «Золушку». Давно забытая история произвела на тетюшку неизгладимое впечатление. Целый вечер она ходила по дому, охала и возмущалась:

– Крестная этой девочки была истинной волшебницей... И все, что она смогла сделать для бедной Золушки, это подарить ей красивое платье?

Тогда я еще не знала, что Аманда – дестинка, и обладает магическими способностями. Она умело скрывала это даже от родной сестры. Но судьба оказалась остроумной выдумщицей. Через три года после этого разговора тетя стала моей опекуной... И с тех пор я получила невероятное количество элегантных повседневных платьев – в качестве компенсации за отсутствие внимания. И ни одного из них я не просила.

Но места для обиды в моем сердце не нашлось. Аманда и сама – неприспособленный к жизни большой ребенок, нуждающийся в опекуне. Поэтому, когда ей на плечи присел аист с тяжеленьким свертком (внутри сидела зареванная двенадцатилетняя девочка, потерявшая родителей), та растерялась. И не смогла предложить ничего большего, чем дружба, одобренная дорогими нарядами. И своим письмом я намеревалась узаконить наши странные меркантильные отношения.

***

После обеда шумная толпа учениц вынырнула из Академии и направилась в Деревню. Оторвавшись от спутниц, я зашла на почту – отправить письмо в «Магическое Ателье госпожи Браун». И чуть не заснула, пока медлительный старый морф по имени Сиворт оформлял пересылку до Лондона.

Почтовик периодически чихал, почесывался и забавно вздрагивал, от чего его линияющая сизая шерсть клочьями взлетала в воздух. Когда он сподобился выдать зеленый квиток, и я вышла обратно в серость и промозглость, вся моя компания куда-то рассосалась.

Мимо спешили Кристина и Меган, накрывшись капюшонами и спасая от ветра прически. Они предложили вместе заскочить в одну из кофеен. Горячий шоколад или имбирный чай были сейчас актуальны, и я согласилась. Мы торопливо зашагали по улице, заглядывая в окна. Скверная пого-

да загнала под крышу большинство гуляк, и свободных столиков нигде не было.

– В «Чудо-булочке» тоже все занято, так что вишневого пирога нам не видать, – с отчаянием в голосе простонала Крис.

Из бара с другой стороны улицы вывалилась развеселая компания пятикурсников. Одухотворенные лица намекали, что пили те явно не чай. Из галдящей толпы выдавались высокие фигуры Николая Раскова и Питера Кавендиша. Для «зазнаек» они были ничего, мы уже успели познакомиться. Виктория так громко сходила с ума по легкомысленному русскому аристократу, что вся Академия знала о его фамильных сапфирово-синих глазах. Парни немного потолкались на площади и двинулись дальше, по пути отвесив нам шуточные поклоны в качестве приветствия.

Следом из бара вышли двое ребят постарше, на этот раз незнакомых. Наверное, учились в другой Академии, а сюда приезжали к родственникам. Вид у парней был слегка озабоченный и нервозный, что нашло объяснение уже через минуту. Перешептываясь и смущенно посмеиваясь, они подошли к нам и пригласили посидеть за их столиком.

– «Безголовая бестия»? Название не для приличного места... – неуверенно протянула Мег.

– Звучит жутко! – восторженно согласилась Кристина. – Но не «Сопли вурдалака» же? Такой холод, пойдем!

Потоптавшись в нерешительности, мы зашли внутрь. Я

приготовилась увидеть пьяных громил, открывающих глазами пивные бутылки. Но в баре царила вполне мирная обстановка. Наша компания устроилась за единственным свободным столом. Я села у окна с видом на почтамт и стала разглядывать выходявшую оттуда пожилую волшебницу. Та выглядела раздраженной: Сиворт и ей полчаса оформлял посылку.

Ребята оказались студентами шведского Университета Высшей магии. Пили кофе, непринужденно болтали... А затем Джефф сбегал к барной стойке и принес литровый графин с душистой рубиновой настойкой.

– Горячий безалкогольный глентвейн для юных леди! – с довольной ухмылкой отрекомендовал добычу темноволосый парень.

Дэн – веснушчатый долговязый тип с рыжим пожаром на голове – вызвался поухаживать за дамами и разлил напиток по глиняным чашкам. Вкусно! Запах корицы, сладость во рту... И так успокаивает. Теплая нега разлилась по телу, в ушах зазвенели рождественские колокольчики.

Снова уставилась в окно, одним ухом слушая веселый треп Дэна. Тот сидел рядом с Кристиной, и она зачарованно на него глазела. Было понятно, что Крис проявляет интерес не столько к истории, сколько к парню – девушка глупо улыбалась, заторможено хлопала ресницами и как будто даже не дышала.

Джефф решил не мешать товарищу и пересел ко мне. Меган осталась в одиночестве, но ее это, казалось, не смущало.

Она вперила мутный взор в пространство и думала о чем-то своем.

– А ты что не пьешь, красавица? Остынет ведь, – надул губы черноволосый парень. По школьным меркам он считался бы симпатягой первого порядка, но было в нем и что-то отталкивающее. Едва он присел на соседнее кресло, как по спине прокатился холодок. – Давай-давай, а то совсем очо-ченела!

По венам снова разлилось блаженство. Зрение расфокусировалось, язык подчинился неохотно. Странное дело, стойка же безалкогольная? Я решительно стряхнула с себя сомнения. Останавливаться не хотелось, и уходить тем более. Даже Джефф показался привлекательнее. Он, правда, обнаглел и принялся играть с моими волосами на затылке, но я решила дать парню минутку перед тем, как показательно оскорбиться.

Размягчившимся взором я заметила знакомую фигуру в длинном черном пальто, выходящую из почтамта. Сознание не успело распознать человека, а подсознание уже одарило привычным уколом неприязни. Карпов резко повернулся в сторону бара, будто кожей ощутив враждебный взгляд, и столкнулся черными глазами со мной. Пару секунд мы глядели друг на друга с привычным раздражением, а потом я лениво отвернулась и продолжила улыбаться Джеффу.

Сколько времени я смотрела в это окно? День, два? Меган так и сидела, безучастно уперев взор в барную стойку. За-

то Кристина уже всюду целовалась с Дэнном, позволяя тому шарить руками под блузкой. Но больше всего в реальности происходящего заставил усомниться Джефф. Пухлые ищущие губы были уже на полпути к моему лицу, когда я вдруг опомнилась и вяло его отпихнула.

– Ты с ума сошел? Мы едва знакомы!

– Стесняешься? Брось, иди ко мне, – протянул наглый тип, явно раздосадованный. – Обещаю быть ласковым. Или, может, еще выпьем?

– Она не будет больше *это* пить, – громом прогремело откуда-то сверху.

Над столиком возвышался строгий силуэт профессора магического противостояния. Вид у него был недобрый, предвещающий массу неприятностей.

Он взял мою чашку, поднес к носу, втянул аромат и пригубил.

– Решили поразвлечься? – Карпов обращался к нашим спутникам, на лицах которых читался ужас. – Сделайте милость, уберитесь из этого бара, с этой улицы и из этого поселения в ближайшие сутки. Или я лично прослежу за тем, как вы будете отбывать наказание за умышленное отравление трех подростков.

Ребят словно ветром сдуло, мы остались сидеть втроем. Меган по-прежнему изучала пространство перед собой, Крис глупо улыбалась, а внутри меня ворчливо зашевелилось сознание.

– Там что-то было? – в миг посерьезнев, спросила у Карпова.

– Позже. Сначала доставим ваших подруг к госпоже Пламберри. Судя по счастливым физиономиям, они еще долго пробудут в «безвольной эйфории», – профессор вышел во двор и окликнул кого-то. В дверях показался мой куратор. – Профессор Осворт, вас не затруднит доставить мисс Конюхову и мисс Доусон в медицинское крыло? Отравление «Имморой». Пусть Мари ограничит вход. Девушки сейчас крайне уязвимы и весьма... податливы. Не хотелось бы, чтобы кто-то этим случайно воспользовался.

– А мисс Дэлориан? Она не пострадала? – куратор участливо взглянул на меня.

– С вашей несносной любимицей все в порядке. Привычка глазеть в окно и отвлекаться на ерунду оказалась полезной, – язвительно заметил Карпов. Он налил в пробирку немного рубиновой жидкости и методично закручивал пробку. – Выпила глоток или два. Подышит воздухом, и эффект «Имморы» пройдет. Я провожу.

– Может, наоборот? – обеспокоенно заерзал в собственном пальто мужчина. – Берите этих двух, а я...

– А вы – давно и счастливо женаты, профессор Осворт. Вам не пристало гулять вдоль леса с обезвоженными девицами, – мрачно ухмыльнулся Демон. – Идите рядом и помалкивайте, упрямая мисс. Будет жутко неловко, если вся Академия узнает, что крестница ректора в первые же две недели

попала в пикантный переплет. Согласны?

Я молча кивнула – похоже, и впрямь влипла в неприятности. Карпов накинул мне на плечи серый плащик с рыжей меховой опушкой, цепко взял за локоть и вывел из заведения.

– Эй, профессор! – локтями растолкав зевак на площади, к Карпову протиснулась бойкая рыжеволосая дамочка в длинном кожаном фартуке и широкополой шляпе. – Передай умнику Кроу, чтобы получше следил за своими юными дарованиями. Иначе мы соберем совет и закроем мост.

Уперев жилистые руки в бока, женщина выглядывала из тени шляпы. На ее фартуке мерцал круглый серебряный жетончик с эмблемой деревни. Местная «звезда шерифа»?

– Опять воду мутишь, Миранда? Чуть что, сразу Академия виновата? И что на этот раз? У госпожи Чармингтон украли годовой запас перьев и блессток?

– А то ты, Карпов, не слышал! – насмешливо скривилась не-леди. – Вся деревня шумит, что с началом учебного года участились случаи воровства. У мадам Аслан-Бок давеча свинью увели. Заезжие торгошники жаловались, что их ценную поклажу кто-то прямо из бара умыкнул. У меня поутру три курицы пропало. А на прошлой неделе какой-то гаденыш еще пару кроликов придушил, только ключья шерсти остались. Ваши чертенята с грязной магией балуют!

Карпов тихонько выругался и потащил меня дальше, так и не выпустив локоть из цепкого захвата. Кроликов мне, ко-

нечно, было жалко, но не настолько, чтобы надолго впустить эти мысли в тяжелую голову. Ту сейчас занимали вещи поважнее: что за чертовщиной нас опоили и, главное, зачем?

Пришлось на время забыть про мою лютую неприязнь к профессору. В конце концов, он меня вроде как только что спас от... чего-то. Мы шли по направлению к реке по проселочной дороге, и я решила спросить (хоть и обещала весь путь молчать).

– Это было зелье?

– Да, – односложно, в своей фирменной грубой и отрывистой манере ответил Карпов. Но, взглянув в мои пытливые глаза, все же добавил: – Оно подавляет волю. И человеком можно пользоваться на свое усмотрение. Как марионеткой. Называется «Иммора», готовится сложно, школьнику не по зубам.

– Похоже на обычное безалкогольное вино. Просто теплое, сладкое, и от него как-то сразу приятно...

Профессор вдумчиво глянул, как будто решал, что со мной делать – оставить в блаженном неведении или прояснить ситуацию.

– Давайте отойдем вот сюда. Я покажу, – Карпов ушел с дороги за небольшую постройку. Затем достал пробирку, открыл и протянул. – Сначала понюхайте. Что чувствуете?

– Пахнет обычным глинтвейном, – с показным пренебрежением ответила я. На лице профессора мелькнуло не то разочарование, не то усталость. Я снова принялась. – Лад-

но, сейчас... Корица и миндаль. И легкий шлейф... боже, водорослей? Какая гадость.

– Корица скрывает аромат, «Иммора» пахнет гадко. Хотя на вкус ничего, верно? Сделайте глоток. Только не увлекайтесь.

Я взглянула на профессора с недоверием. Вечер, смеркается, мы стоим позади какой-то хижины, словно два преступника... Ладно, к черту. Интересно же.

– Слишком сладко. Пока было горячее, казалось вкуснее, – проворчала я.

В ногах опять возникла слабость, глазам стало трудно держать фокус. Зато по телу разливались тепло и счастье.

– Запомните эти ощущения. Запах водорослей и миндаля, прикрытый чем-то более ярким. Чрезмерная сладость. Остерегайтесь их, – он осуждающе взглянул на меня и строго добавил: – Будь я привлекательной восемнадцатилетней девушкой, я бы двадцать раз подумал, прежде чем проглотить напиток, предложенный незнакомцем в замшелом баре.

Эйфория еще бродила по телу и придавала всему вокруг легкость и несерьезность. Я едва смогла подавить вылезающую улыбку: живо представила себе, какая нелепая и жуткая девушка могла бы выйти из профессора. Нет, я точно не хотела с ней знакомиться. Потом решила уточнить:

– Вы находите меня привлекательной?

Дурман в голове никак не желал рассеиваться, и этот вопрос казался важным и осмысленным.

– Это единственное, что вы услышали? – обескураженно

спросил Карпов. – Давайте еще раз: действие обезволивающего зелья сопровождается эйфорией, помутнением зрения, слабостью в мышцах и, как итог, полной потерей воли...

– С волей у меня все в порядке, я ничего не теряла! – оскорбленно заявила я, но потом вспомнила Кристину и парня, орудовавшего у той под блузкой, и меня чуть не стошнило прямо за чертовой постройкой. – Я же оттолкнула этого идиота, когда он ко мне полез... Клянусь, он бы ничего... Никогда...

– Эти ребята были новички. Раздобыли где-то зелье и решили попробовать, в надежде на... – профессор запнулся, в глазах читалась холодная ярость. – Неважно. Не берите в голову. Достать зелье – полдела. Нужно уметь воспользоваться эффектом. Опытный маг в состоянии заставить обезволенного человека прыгнуть с крыши, сжечь родительский дом, заявиться нагишом в королевский замок... Да все, что угодно! Достаточно пары глотков. Из ваших подруг сейчас можно веревки вить и отправлять на демонстрации.

– Я совершенно нормально себя ощущаю. Желания делать глупости не появилось. Не думаю, что была в такой уж опасности.

Внутри расплзлось гадкое, мерзкое ощущение, но я надеялась сбить спесь с Карпова. Как ни крути, он оставался высокомерной сволочью. Хоть и вытащил меня из проблем.

– Разумеется, вы в безопасности. Потому что сейчас со мной. Подойдите ближе. Слышите? Вы в полной безопасно-

сти, пока делаете то, что я вам говорю, – добавил он вкрадчиво над самым ухом.

Его голос стал мягким и лился в само сознание. С головой накрыло желание понравиться ему, сделать так, как он велит, не противиться, не спорить... хотя бы раз.

– А теперь расстегните свою блузку. Думаю, четырех пуговиц будет достаточно.

Сначала я остолбенело на него уставилась. Надеялась, пошутил. Нет, взгляд серьезный, ожидающий. И уж потом раскричалась.

– С ума сошли?! Вы что себе позволяете? Ненормальный... Вы всерьез думаете, что я...

Пока я орала в гнев, Карпов спокойно стоял с каменным лицом, а затем пальцем указал на мои руки. В этот момент они расстегивали – о ужас, – третью пуговицу. Сами по себе, совершенно не ставя в известность мозг.

– Как... как это остановить? – сглотнув комок ужаса, прошептала я.

– Сам не знаю... Попробуйте бороться. Если сможете.

Без видимого интереса он наблюдал за происходящим, но глаз – вот пакость! – не отводил. Я пыталась взять в кулак остатки своей воли и дать рукам команду остановиться, но ничего не вышло. В конце концов, четвертая пуговица была расстегнута, из выреза предательски выглянуло кружевное белье, пальцы замерли и стали послушными.

Щеки пылали так, что казалось, будто все лицо в огне. То

ли от гнева, то ли от смущения, то ли от осознания, что со мной могла приключиться гораздо худшая беда.

– Вы страшный человек, профессор, – пробормотала, плотно запахивая рубашку и заматываясь в теплый плащ.

– Я рад, что вы наконец-то это поняли.

Остаток пути до Академии преодолели в молчании.

Глава 8. Демоны тоже плачут

О произошедшем в деревне крестному жаловаться не стала. Одно дело заглянуть в голову. Другое – под блузку. Да и выставить мрачного типа виноватым как-то не получалось. Сама вляпалась в неприятности, сама выпила зелье на темной проселочной дороге, сама же и пуговицы расстегивала... Да еще бодренько так, со свистом...

Злилась я больше на себя. Французская дура по прозвищу Милая Леди снова влипла в историю: пошла в бар с незнакомцами, невинной овцой позволила кормить себя с рук... Поить, если точнее. Сюжет для дурацкого анекдота. Даже Джен рассказать постыдилась.

Меган и Крис всю ночь провели в больничном отделении, отгороженные ширмами от случайных посетителей. Меня госпожа Пламберри пустила, как будущую помощницу, и я час просидела у постелей спящих соседок. На утро обе ничего не помнили с момента, как мы зашли в «Безголовую бестию».

– Зато горькие снадобья пили, не пререкаясь, – нашла Мари положительный момент в отравлении «Имморой». – Даже улыбались, думали, что торт кушают...

Наша комната так сотрясалась от девичьего смеха, что я с опаской открывала дверь. Зарывшись по уши в коробки и пакеты, мои соседки то и дело выныривали из них в но-

вых платьях, показывались друг другу и погружались снова в картонное царство.

– Ани! Ты была в больничном крыле? – взволнованно выпрыгнула из розовой коробки Влада, наряженная в бледно-голубой шелк с белым кружевом. – Как там Мег и Кристи? Куратор нам ничего не рассказал!

– Простое отправление, к вечеру их уже отпустят, – проворчала я, краснея то ли от вранья, то ли от жгущих со-
весть воспоминаний.

– Их ширмами закрыли... Так уж и простое?

– Если бы ты так паршиво выглядела, тоже попросила бы никого к тебе не пускать, – отшутилась я от соседки.

Это была «официальная версия». Меган и Кристина поужинали в незнакомом баре и получили тяжелое отравление. А меня там вообще не было... Так велел говорить Карпов, даже не допуская, что я могу послушаться.

Вчера я нашла своего куратора и даже, прижав к стене коридора, попыталась допросить.

– Почему Карпов отпустил тех ребят? – мысленно трясла я за грудки Осворта, на деле же просто буравила его глазами. – Им все сошло с рук!

– Мисс Дэлориан, профессор действовал верно. Жертв не было, все обошлось... Те парни являлись учениками другого заведения. Доказать что-то на этом этапе сложно. Если бы имели место... «неправомерные действия»...

Я побледнела и машинально обняла себя руками.

– Вы можете смеяться, но Карпов не зря преподает «Дипломатическую магию». Он умеет быстро принимать правильные, взвешенные решения. Избежать шумихи, связанной с обезвоживанием юных студенток, – лучший вариант для всех. А для мисс Доусон и мисс Конюховой в особенности. Они не вспомнят об опасном инциденте, а мы не станем напоминать. Вы, как крестница ректора, вообще не побывали в больничном крыле, в Академию пришли сами... и в отчетах тоже не появитесь.

***

В воскресенье Джен была такой же нелюдистой и задумчивой, как и днем раньше. К вечеру я уже истосковалась по ее зловредному, язвительному и циничному обществу.

В «Эншантели» у меня было несколько приятельниц, но ни с кем я не сошлась настолько близко, чтобы всерьез скучать. Если хочешь дружить по-настоящему, нужно открываться, выворачивать душу... А я не была уверена, что она – душа – в вывернутом виде кому-нибудь приглянется. Айрин, соседка по общежитию, так мне и заявляла: «Ты холодная внутри, Анна. Если к тебе приблизиться, то в миг замерзнешь».

Но Джен была другой. И в душу не лезла, и, что удивительно, на холод не жаловалась. Может, огненно-рыжие не мерзнут в обществе ледышек? С Элизабет тоже было легко, несмотря на разницу в годах.

– Все время забываю, что ты младше, – улыбалась летом

курчавая зануда, пытаюсь сладить с моими волосами и заплести их в косу. – Повадилась дружить с несовершеннолетними... Вас с Дженни даже в клуб взять нельзя!

После таких признаний я начинала старательно дурачиться, а внутри нарастал холод. Повзрослеть не так уж и долго, когда день кажется неделей, а неделя – годом.

Магическое совершеннолетие – забавная штука. Только достигнув девятнадцати лет юный волшебник признается самостоятельным. А до этого сердобольные опекуны решают твою судьбу – могут и замуж выдать, и помолвку заключить. Достаточно одного их кровавого отпечатка, чтобы подтвердить магический брачный контракт. Слава богу, такие идеи в голову крестного пока не приходили.

Три года, которые мне оставалось проучиться в Академии, выглядели как тюремный срок с неприятной демонической компанией и трудовыми повинностями. Я уговаривала себя, что нужно лишь перетерпеть. Но за эти две недели я успела пережить поджигание от неизвестного, темное соединение от Карпова, подлое опрокидывание от Сюзанны и обезволивание от шведских маньяков. Сколько шансов, что к концу года со мной дойдут все важные части тела?

Сейчас я грезилась о совершеннолети. В апреле мне стукнет девятнадцать, и я смогу взять покровительницу Судьбу в свои цепкие руки. Сдам экзамены, заберу документы и переведусь в другую школу.

Учебных заведений в магическом мире достаточно. Я зна-

ла про два института высшей магии – в шведской Уппсале и в Москве. Имелась известная Академия в пригороде Лондона, но туда принимали только мальчиков с тринадцати лет. Мне больше подходила ливерпульская, менее популярная, зато для обоих полов.

Если в институт меня не примут, всегда оставался вариант, любезно подсказанный учителем, – пойти помощницей к мадам Чармингтон и раскраивать ее «зачаровательные платья». Набить руку, а там не стыдно и к тетушке в ателье попроситься. Все лучше, чем три раза в неделю отдирать ползающую слизь от зельеварительных столиков.

Не так уж много вариантов трудоустройства у волшебницы без диплома. Даже в помощники аптекаря не возьмут! Но можно было еще попытать счастье в Эстер-Хазе – городе-мечте...

Магическое сообщество было слишком малочисленным, чтобы, пожав руки, представить человечеству свой арсенал. Паутинки волшебных щитов не защищали от автоматных очередей. А чтобы отвести пулю, понадобилась бы не только телекинетическая сноровка, но и недюжинное везение. Поэтому маги ловко скрывали свое существование от соседей по планете.

Вблизи мест, напитанных сияющей материей, создавались исследовательские центры. Такие имелись в Китае, Индии и Румынии. Там, по лесам, пустошам и равнинам, бродили дикие волшебные существа. Компанию им составляли беглые

преступники и маги-отшельники.

На базе центров воздвигались целые города, с собственной полицией, службой отлова волшебных тварей, развлекательной инфраструктурой, детскими садами, заведениями для выплеска магической энергии и лечебницами. Небогатые семейства селились рядом, и академические деревни разрастались пышным цветом.

Судя по описанию Магды Честер-Фоули, состоятельной воспитанницы «Эншантели», Эстер-Хаз близ Румынских Дебрей по масштабу напоминал какой-нибудь Гонконг. Там можно было купить все – от крови дракона и Эссенции Вечного Морока до детенышей лавасилиска и дрессированных экзотических змей. А еще Эстер-Хаз считался связующим звеном волшебников со всего мира. Оттуда через общественные порталы можно было попасть в любую точку, закрытую от индивидуального перемещения. За нескромную сумму, естественно.

Со спутников и дронов, если верить той же Магде, город виделся бескрайним смешанным лесом. Для поддержания иллюзии требовались ежедневные усилия тысячи волшебников, специально нанятых на должности «невидимеров». Они приходили в свои офисы, выставляли жезлы в небо и опускали их лишь ко времени ланча. Меня пробиравал холодок, стоило представить, как сотни человек тратят всю жизнь на то, чтобы их никто не замечал.

Питерская Академия услугами «невидимеров» не пользо-

валась. Зато ее территория вместе с прилегающей деревней была обнесена высоченным забором с колючей проволокой и обвешана табличками с предупреждением о частной территории. Я так и не поняла, действительно ли земли принадлежали какому-нибудь меценату, или эти плакаты существовали для отвода глаз.

***

Из-за временной, как я надеялась, нелюдимости Джен я бродила по академии в одиночестве. В голове снова крутились слова усталого аристократа о чужих тайнах. Что, если это было настоящее пророчество? Про Рождество и мою кровь на супружеском ложе? Уточнил бы хоть, по какой причине она выплеснется... и в каком количестве.

На роль максимально таинственного злодея, явно желающего мне мучений, идеально подходит Демон. Он даже не пытается скрывать неприязнь. Что ему мешает прикончить меня под Рождество в каком-нибудь темном закоулке?

Близилась ночь, я спустилась в фойе, чтобы поглядеть, как Эйвери набрасывает на входную дверь защитные заклятия. Зрелище того стоило: главный страж мастерски рубил воздух жезлом, заставляя голубые сферы закручиваться в вихре и впитываться в древесину. Айзек и сейчас оставался сильным магом, сомневаться не приходилось.

В глубине коридора, ведущего к подземельям и хозяйственным помещениям, я увидела знакомую... ну, назовем это «ягодичной мышцей». Если бы мисс Прюэтт запускала

свои знатные окружности по менее внушительной траектории, я бы ее даже и не узнала. Подлетела к девице, не желая упускать шанса подзадорить «азнайка»:

– И что ты тут забыла среди ночи? Уж не в комнату ли для тайных свиданий собралась?

О такой я только слышала и понятия не имела, где она находится. Но вид у девицы был загадочным и нервным, так что я, похоже, угадала.

– Не твоего ума дело, «Мисс Эшантель»!

Присцилла изобразила оскорбленную невинность, но я не больно-то ей поверила.

***

Раньше, когда день проходил слишком спокойно, я просто тихо радовалась. Но во вторник я отнеслась к этому «подарку судьбы» с подозрением. Пять теоретических занятий пролетели, как одно, и даже показались интересными. Шестым значились «Снадобья». Вот тут бы фортуне вволю поиздеваться! Но за три минуты до урока мне, как и прочим ученикам, в затылок прилетела теле-маго-грамма:

«Профессор А. Карпов уведомляет Вас о том, что занятие по дисциплине «Магические снадобья и Волшебные травы» не состоится, и настоятельно рекомендует ознакомиться с главами 4 и 5 в самостоятельном порядке».

Подпрыгивая на одной ноге от восторга, я направилась в больничное отделение. Мари обещала составить график дежурств и показать какие-то волшебные повязки.

Интересно, куда провалился Карпов? Причина должна быть веской, чтобы Демон отказался от ежедневного измы-вательства над толпой студентов. Может, его все-таки слопал тролль, и последнее, что профессор успел сделать, это разо-слать извиняющиеся теле-маго-граммы?

Пока я дошла до обители госпожи Пламберри, мне в голо-ву пришел еще десяток «уважительных причин» – от жест-кого расстройства желудка до аллергии на котят, из-за кото-рый Демон вполне мог покрыться зудящей сыпью фиолето-вого оттенка.

В медпункте было тихо, спокойно и свежо. Райское ме-стечко.

– Я ждала тебя попозже, – без недовольства буркнула Ма-ри.

– Последнее занятие внезапно отменилось, – объяснила я, не вдаваясь в свои теории о сыпи, троллях и расстройствах.

– Тогда может начнешь дежурить прямо сейчас? У меня предчувствие, что на мою седую голову сегодня свалится не один окровавленный пациент. А оно редко подводит.

Госпожа Пламберри, конечно, красовалась: в ее волосах не было ни одного седого волоска. Я согласно кивнула, и она принялась показывать мне снадобья для первой магической помощи – антисептики, заживляющие мази, растворы для кроветворения. Часа через два я уже прилично разобралась во всех склянках, стоявших на «быстрой полке», и даже перестала запутываться пальцами в саморегулирующей по-

вязке.

– Мари, живо сюда! – раскатистым рыком послышалось из-за двери. Я не сразу узнала голос Осворта, настолько тот был нервным и напряженным.

Целительница побежала на зов, и через минуту вместе с куратором втащила в кабинет тело подростка. Ноги парня совсем не держали и, судя по неразборчивой речи, мысли тоже путались. Темноволосого юношу бросили на кушетку, и он продолжил метаться по ней, оглашая медпункт хриплым бредом. В последних лучах закатного солнца я узнала нового постояльца: это был Энди Макферсон.

Белая рубашка была до пояса заляпана кровавыми пятнами. Густая красная жижа сочилась из уха и из носа. На шее и щеке – глубокие порезы. Мне стало так дурно, что я чуть не грохнулась на соседнюю койку.

– Анна, тебе плохо? – участливо спросила Мари, пощупав ладонями щеки и лоб. – Это от вида крови?

– Я справлюсь, – не слишком уверенно прошептала я, подползла к раковине и подставила шею под струю ледяной воды.

Уж точно не обо мне сейчас надо было волноваться главному и единственному лекарю Академии. Макферсон выглядел совсем скверно.

– Поцапался с восьмикурсником, – взволнованно объяснил Осворт. – Три кровопускающих заклятья кряду, и парочка суровых ментальных атак. Починишь, Мари?

Госпожа Пламберри кивнула и принялась вливать в непослушные губы кроветворящий раствор. Следом она опустошила в его рот еще пару склянок неизвестного назначения, и Энди перестал бормотать и закрыл глаза.

– Поспит час, потом будет как новенький. Такие быстро восстанавливаются. Анна, нужно обработать раны и остановить кровь, как я учила.

Дрожащими руками я взяла с «быстрой полки» антисептик и стерильную материю и принялась протирать порезы на лице. Парень крепко спал, но я все равно старалась действовать нежно и не причинять боли. Вблизи Энди оказался еще большим симпатягой, разве что кровоточащие раны меня смущали. Мари поглядывала растерянно и задумчиво. Наверное, размышляла, что боязнь крови не к лицу будущему врачу.

Дверь больничного отделения снова с грохотом отворилась, и в помещение вошел мужчина. Быстрого взгляда на него хватило, чтобы понять две вещи. Во-первых, сейчас он не профессор, а пациент. Во-вторых, с ним приключилось кое-что похуже расстройства желудка и аллергии на кошек.

Вся кожа Карпова – на лице, шее, руках – была покрыта тонкой синей сеткой, напоминавшей вспухшие капилляры. Из глаз Демона текли самые настоящие слезы, почти как у обычных людей... С той лишь разницей, что они были абсолютно черными.

– Ах, черт вас побери! – в ужасе вскрикнула я и зажала

рот ладонью.

– Страшно? – вздернул уголок рта в кривой ухмылке преподаватель, из-за чего его вид сделался отменно жутким.

– Вот теперь... Вам удалось меня напугать. Кошмар какой... Мари, что это за... За вот это? – глупо промямлила я, хватая ртом воздух и ожидая моральной поддержки от госпожи Пламберри.

– Да, Мари... Я бы тоже хотел знать... Что это за... «за вот это»? – едко спародировал меня Карпов и устало бухнулся на соседнюю кушетку, прикрыв глаза. Смолисто-черные слезы продолжали оставлять серые дорожки на его аристократических скулах. – Можешь остановить?

– Кто? В смысле... Где? Ох... – Лекарша опустила руки и, медленно моргая, уставилась на профессора, скульптурой застывшего на больничной койке. Не похоже, что она часто сталкивалась с демоническими слезами. – Андрей... Это больно?

– Нет. «Это»... надоело.

– А я надеялась, вас сожрал тролль, – вставила я ремарку и продолжила обрабатывать раны Макферсона. У меня свой пациент, чужие не волнуют!

Вскинувшись на мою колкость, профессор открыл глаза и развернулся на бок, чтобы лучше видеть манипуляции. Я как раз накладывала мазь на порезы, и старалась не обращать внимания на мрачную компанию. Но боковым зрением все равно замечала и синюю сосудистую сетку на белом

лице, и темные маслянистые капли, стекающие по щекам... Пожалуй, так и должны выглядеть Демоны. Снова подступила дурнота.

– Слушайте... Смотрите в другую сторону... Мне сейчас плохо станет, – взмолилась я, наложив Энди повязку на ухо.

– Вы полагаете, «добрая» мисс, мне сейчас очень хорошо? – Карпов присел на кушетке, свесив ноги, и кивнул на повязку. – Неправильно закрепили, свалится... Нужно туже.

– Нормально она все делает, не приставай. В первый раз же, – осуждающе проворчала Мари, но мимоходом дернула повязку за шнурок, и та затянулась потуже. – Вот, начнем с этих трех. Пей по очереди... Что-нибудь да поможет.

Лекарша протянула профессору три склянки, и он, морщась и отплевываясь, влил в себя их содержимое.

– В следующий раз постарайся запомнить, кто на тебя напал. Мне будет чуть проще, – продолжила нравоучения Мари, и Карпов покорно пожал плечами.

В эту минуту Энди беспокойно заерзал на кушетке. Ошалевшим взглядом он принялся озирать больничное отделение, и вдруг наткнулся серо-голубыми глазами на меня. Макферсон виновато улыбнулся, и я потеряла дар речи. Убью Джен! Все мои мысли теперь крутились вокруг ее фразы о том, что Энди классно целуется. Я чуть не рассмеялась над собственной глупостью, но вовремя сжала губы.

– Добрый вечер, – с фантастической учтивостью заявил мой очаровательный пациент, обмазанный собственной кро-

вью от пояса до ушей.

– П-привет, – сдержанно ответила я. Джен, ты смертника! – Как себя чувствуешь?

– Отлично... Выспавшимся. Всю ночь не спал, готовился к идиотскому тесту по снадобьям, – серьезно сдвинув брови, признался Энди. – Хорошо, что Демон его отменил. Ты меня спасла?

Я с сожалением покачала головой: не хотелось терять в его глазах ангельский нимб.

– Для вас, господин Макферсон, могу устроить тест прямо здесь, – деловито хмыкнул Карпов, непоседливо дернув ногой в метре от меня.

– Твою ж... Простите, сэр.

Парень в ужасе покосился на преподавателя, и на время потерял ко мне интерес. Я нервно переминалась с ноги на ногу. Ну да, против черных слез мне ставить было нечего.

– Проснулся? Вот и хорошо. Идти сможешь? – подлетела Мари к Энди, и я не успела запротестовать.

Как, мы его уже выписываем? А оставить на ночевку? Понаблюдать... «за динамикой»? Но лекарша была непреклонна. Сунув в руки Макферсону пузырек с тонизирующим снадобьем, она выставила его за дверь и велела подойти утром на перевязку. Я горестно вздохнула: первое дежурство могло стать таким... обнадеживающим.

– Знаю, дорогая, – подмигнула она, будто прочитав мои мысли. – Но у меня другой пациент. Тоже вполне симпатич-

ный.

Я очень громко фыркнула – так, что птицы в лесу за окном взлетели с деревьев, – и принялась перестилать заляпанное кровью белье.

– Эндрю Макферсон непременно пригласит тебя потанцевать на балу... – продолжила неудобную беседу госпожа Пламберри, и я демонстративно закашлялась. – Ну, или сама пригласишь, кого захочешь. Уверена, ты здорово танцуешь. Это же «Эншантель»!

– И вы туда же... – закатила я глаза, стараясь не смотреть на ехидную физиономию моего официального мучителя. – В «Эншантели» учатся только девушки, Мари. Балов там не проводят.

– Сама еле на ногах стоишь. Кровь... и эти слезы. Перебор для первого дня, да? – задумчиво бормотала Мари, стирая черные дорожки с щек профессора. – Если хочешь, можешь идти.

Заманчивое предложение! Меня, действительно, шатало как тонкую осинку на ветру. В горле стояла муть, по шее катался холодный пот. Стоило согласиться.

– Останусь, – брякнула я, и сама поразилась. – Чем помогать?

Мари ласково пихнула меня в бок и назвала пару зелий, которые предстояло найти в ее кабинете в личных запасах.

***

В свою спальню я пришла сильно за полночь и каменной

глыбой упала в мягкую постель под витражным окном. Усталость свинцом заполняла каждую мышцу. Я провела на ногах часов шесть, если не больше.

Едва я согласилась остаться на дежурстве, как в больничное отделение привели еще двух пострадавших – девиц-второкурсниц с кожей цвета фуксии. Они наелись бракованной пастилы, обещавшей мгновенный косметический эффект.

«Забудь про прыщи и черные точки. Один укус – и твоя кожа светится здоровьем»

Наверняка купили в деревне в местной Аптеке... То, что «светящаяся» кожа приобретет насыщенный темно-розовый оттенок, на этикетке упомянуть забыли. На жуткого Демона смотреть я не успевала: следующие два часа натирала девушек отбеливающими мазями и заставляла пить очищающий раствор.

Бросив взгляд на витражное окно, подмигнула Авроре. Приятно ощущать себя полезной. А через секунду заснула, и этой ночью не увидела никаких кошмаров.

Глава 9. Дело в шляпе

К пятничному завтраку я опоздала: когда спустилась в трапезный зал, половина столов была пуста. Дженни негодуяще дергала плечами.

– Ты все пропустила! Смотри! – подруга кивнула на стол преподавателей.

С сонным и несколько помятым видом Карамзина бормотала что-то на ухо Карпову. Тот был, как всегда, старательно выбрит, расчесан и начищен, как на парад. Профессор сидел прямой струной, задрав гордый подбородок. Через пустой стул от него расположился мой крестный, а рядом с ним...

– Это еще кто? – оторопело прошептала я, разглядывая неземное создание лет двадцати пяти.

– Новая преподавательница, мисс Эмеральд. Ректор только что ее представил, а ты прозевала.

– Почему она... зеленая?

Стройная девушка по-птичьи клевала что-то из своей тарелки, то и дело окидывая трапезный зал холодным, далеким взглядом. Светлые с зеленцой волосы падали на плечи и волнами стелились по преподавательскому столику. Бледная кожа странно мерцала на свету, будто обмазанная изумрудной пылью.

– Расков говорит, она похожа на дриаду. Это вроде лесной

нимфы.

Наевшись своей птичьей порцией, мисс Эмеральд принялась играть длинными, музыкальными пальчиками с деревянным браслетом, сплетенным из нескольких тонких веток. Она переводила надменный взгляд то на Карпова, то на Осворта, то на Валенвайда, и явно ощущала себя не в своей тарелке.

– Она будет вести «Существа и сущности» вместо вампира. Он, дескать, слишком стар для такой нагрузки, – ехидно пробубнила Джен.

– Да Валенвайд всех нас переживет! – рассмеялась я.

***

Сегодня я опаздывала повсюду. Когда вбежала в кабинет, мисс Эмеральд уже сидела на подоконнике, прорезая потусторонним взглядом лужайку за стеклом. На улице было пасмурно, и ее кожа больше не светилась. Вблизи преподавательница выглядела обычной бледнокожей блондинкой, упакованной в элегантный брючный костюм из светло-серого хлопка.

– Опаздываете! Мисс...? – равнодушно обратилась она ко мне.

– Дэлориан. Простите, – виновато простонала я и заняла свободный стул в первом ряду.

– Ладно, – лениво пробормотала девушка и вспорхнула с подоконника так, что зеленоватые локоны подпрыгнули на ее острых плечах. – Прежде, чем начать урок, развею ваши

сомнения... И больше не будем к этой теме возвращаться.

Чопорно поджав губки, мисс Эмеральд вышла на середину зала и монотонным голосом произнесла:

– Я наполовину дриада, но это не значит, что по утрам я пою песни с птицами, сплю на траве и в сырую погоду покрываюсь мхом, – девушка устало прикрыла тяжелые веки и скривила губы в мученической улыбке. – Моя мать была чистокровной лесной нифмой. Но умудрилась полюбить смертного мужчину. Волшебника, заплутавшего в лесу... Большая глупость, как на мой взгляд, – надменно приговорила она собственную родительницу.

– А дриады, мисс Эмеральд, они больше люди или животные? – пискнула Розмари с последнего ряда.

– Если вас интересует строение тела, то оно вполне человеческое, так что проблем не возникает, – красноречиво хмыкнула дриада, и засмущавшаяся мисс Блум покрылась пятнами. – Нимфы обитают в магических лесах, заповедных зонах. Индийская пустошь, Румынские Дебри, Китайская равнина Хао Шу... Дриады веками сотрудничают с волшебниками, охраняя зачарованные деревья, из которых изготавливают ваши волшебные палочки. Мы никогда не выходим из леса, потому что... – преподавательница запнулась и грустно улыбнулась, – потеря связи с тотемным деревом для нас крайне болезненна.

Мисс Эмеральд тряхнула рукой, и браслет закрутился на ее запястье, внезапно покрывшись молодой порослью травя-

нистого оттенка.

– Мое дерево – липа, – пробормотала девушка. – Пришлось взять часть с собой, чтобы совсем не зачахнуть.

– Зачем же вы... ну, ушли из волшебного леса? – завороченно прошептала Рашель Рид, во все глаза уставившись на невиданное создание.

– Как любая полукровка, я ищу свое место в мире. Я уже не дриада... но еще не человек. Хочу быть полезной. Живя в Румынских Дебрях, узнаешь магических существ не по картинкам из учебника. Когда ректор Кроу предложил мне эту должность, я согласилась без раздумий. Правда, некоторые коллеги отнеслись к идее... скептически. – Девушка закатила зеленые глаза, и я сразу догадалась, кто конкретно был недоволен новым назначением. – А теперь откройте третью главу, возьмите ваши Альбомы Магических Существ и зарисуйте животное, о котором повествует учебник.

По венам в тело полилось возбуждение: давно мои пальцы не сжимали карандаш. Третья глава была посвящена ламбикурам. Со страницы библиотечной книжки смотрело совopodobное существо вишневого оттенка с ушами-кисточками. Оно было покрыто курчавой шелковистой шерстью, словно ягненок, но автор утверждал, что это перья.

В больших круглых глазах сверкали золотые молнии. Горделивый оранжевый клювик подтверждал, что мы имеем дело с птицей. Крылья тоже имелись – раскидистые и сплошь покрытые лохматыми кудрями.

– Какие милые! – проворковала Кристина. – А мы их вживую когда-нибудь увидим?

– Только если решите посвятить жизнь магической дрессировке или отлову диких существ, – с равнодушным спокойствием ответила мисс Эмеральд. – Я сама сталкивалась с ламбикуром лишь однажды, когда проходила стажировку в Индийской пустоши. Запишите, пожалуйста, под мою диктовку:

«Шерсть и перья большинства волшебных тварей напитаны антимагией, поэтому атакующие заклятия от них отскакивают. Ламбикуры – одни из самых надежно защищенных существ на планете».

Учебник уверял, что ламбикуры, словно преданные слуги, могут выполнять небольшие поручения своих сюзов – хозяев-друзей. При этом они никому не принадлежат, и, являясь свободномыслящими птицами, с возмущением относятся к идее сидеть в клетках. Словом, в их рядах царила демократия.

– Между ламбикуром и его сюзом создается особая связь... Привязанность такого рода, о которой даже говорить не очень прилично, – раскраснелась зеленая преподавательница. – Это и любовь, и дружба, и нежность, и родство в высшей мере. Пара хранит ласковые чувства друг к другу до самой старости. Бывали случаи, что сюзов хоронили вместе с их верными ламбикурами. Партнерство создается на всю жизнь. Считайте это чем-то вроде брака, только без трехсот

гостей и двухэтажного торта.

– И как завести такого... питомца? – подала голос мисс Пруэтт, с высокомерно поднятой бровью откинувшаяся на соседнем стуле.

Меня от этой надменной компании слегка потряхивало. Уж не знаю, чем эта самодовольная девица так запала Карпову в демоническую душу!

– Ламбикур сам выберет вас, если сочтет достойной. Процесс называется «заключение контракта преданности». Эти существа невероятно требовательны к кандидатам. Несмотря на милый вид, в стаях часто происходят драки. Поэтому самыми ценными качествами для них являются мужество, храбрость, благородство, отвага, сила... Ламбикур никогда не станет служить трусихе или слабенькой ведьме.

– А что они умеют?

– При желании, могут поговорить... Но беседы с ламбикурами – редкое явление. Они предпочитают вести птичий образ жизни, – устало вздохнула лесная нимфа и бросила взгляд на часы. – В случае, если нельзя отправить теле-маго-грамму или письмо, ламбикур способен запомнить и передать сообщение на словах. Чувствуют своих хозяев на расстоянии, прилетают на внутренний зов... И да, самое интересное. Они читают мысли всех, кто глянет им в глаза.

Хорошо, что дриада не была ламбикуром и, скользнув взором по моему лицу, ничего, кроме бледных щек, не увидела. А мысли тем временем вертелись в черепной коробке

бешеной каруселью... Точнее, всего одна.

Пятница. Вечер. Бал. Где чертово платье?

***

Я не могу такое надеть.

Или могу?

Гамлетовское «быть или не быть» заиграло новыми красками.

На кровати валялась разворошенная коробка, доставленная час назад нерасторопным морфом. Посылка от феикрестной Аманды Браун, неверно истолковавшей просьбу «поскромнее, пожалуйста». Платье. Темно-красное. С кружевным корсажем на тонких лямках и пышной юбкой из хрустящей, мерцающей тафты.

Мои соседки давно принарядились, окутав себя расчесывающими, завивающими, румянящими и освежающими заклинаниями с головы до каблучков. Их топот по лестнице смолк полчаса назад. А я все не решалась примерить подарок. Если буду тянуть с этим и дальше, то к балу подкачусь уже в образе расколдованной тыквы.

Ладно. К черту. Надеваем.

Выглядело странно, но неплохо. Даже волосы от удивления присмирели и с первой попытки заплелись в пышный узелок на затылке. Румянец появляться отказывался, поэтому на алом фоне я смотрелась бледноватым призраком. Надо было звать Роджера в кавалеры!

И да, я снова опаздывала. Что за день-то такой? Пришлось

бежать. Каблуки разъезжались по мраморным ступеням, норовя убить меня на первом же повороте. В глубине души я мечтала о джинсах и кедах, и ненавидела юбки, в которых путаются ноги.

На всех парах влетев в зал, я щекой вцепилась в чью-то твердую прямую спину. Со страдальческим видом Демон стоял в дверях, не решаясь войти на этот праздник жизни.

– Красное, – неодобрительно прокомментировал он мой наряд, скользнув черными льдинками по складкам платья.

– Не знала, что этот цвет запрещен, сэр, – нарочито вежливо пробубнила я.

– Наоборот, Артемиус Валенвайд будет в восторге. Появился шанс избавиться от вас, не прибегая к услугам троллей.

Сжав губы в тонкую полоску, Карпов окатил меня очередной порцией холодной неприязни, и грациозной змеей двинулся к преподавательскому столу. Метрах в пяти впереди стоял худощавый вампир. Завидев меня в кроваво-алом облачении, профессор Валенвайд побледнел – хотя куда уж больше, – и судорожно сглотнул. Стало не по себе. Черт, надеюсь Карпов просто шутил.

Я все еще стояла в дверях, не рискуя пойти к столу, когда мимо проскользнула, покачивая зелеными локонами, Марта Эмеральд. Я невольно загляделась, как подол ее золотого платья стелется по полу кружевным русалочьим хвостом. Да уж, с нимфой мне не тягаться.

В темном – самом темном! – углу сидел Дорохов. Тот самый блондин с надменно-хулиганским профилем, что вечно имел измученный и скучающий вид. Прячась в полумраке с милостивой девушкой, он расслабленно пил нечто, совсем непохожее на дозволенный напиток. Его подруга яростно жестикулировала, но он как будто не замечал.

Дорохов алчно проводил взглядом дриаду и уперся глазами в меня. Он еле заметно приподнял бокал и кивнул из-под соломенных волос, непослушно падающих на лоб. Не слишком уверенно я кивнула в ответ.

Позади него глаза выцепили Дженни. В скромном изумрудном платьице она стояла у стены в компании темно-волосого парня с моего курса. Бехтерев! Это его отделала Рашель на первом магическом спарринге. Горделивый, заносчивый вид юноши внушал неприязнь, но Джен выглядела довольной и сыпала гормонами во все стороны.

Не тот ли это «тайный просто друг»? Бехтерев явно был немного выше, старше и темнее подруги, а вот насчет ума оставались сомнения. Недавнее напоминание о луковом супе и версия о задранной юбке не делали его героем в моих глазах. Но Джен не помешает развеяться. Заодно не будет доставать меня заботой из области «сейчас мы найдем тебе классного парня».

Прошмыгнув за стол шестикурсников, я голодным взглядом обвела полупустые тарелки. Неужели из-за чертового платья прозевала ужин? Зверь внутри принялся горестно

причмокивать, ругая ни в чем неповинный наряд. С кислой миной я поклевала какую-то ерунду, напоминающую пюре из зеленого горошка с мятой. Внутри крепла решимость спуститься на кухню и выпросить что-нибудь посущественнее, как вдруг к нашему столу прикатилось два развеселых юноши.

Где они раздобыли запрещенные зелья – непонятно. Катастрофически шатающиеся Пит Кавендиш и Арсений Бероев – оба настолько рыжеволосые, что создавали солнечное настроение в полутемном зале, – подошли и кинули меж тарелок фиолетовый цилиндр, повязанный зеленой репсовой лентой.

– «Волшебные танцевальные фанты», дамы и... дамы! – с извиняющейся улыбкой пробормотал Бероев заплетающимся языком. – Не проходите мимо те, кто еще стоит на ногах. Обзаводитесь неожиданными кавалерами... или ушками и хвостами!

– Ой, я хочу попробовать! – пролепетала Вика Добрева и робко окунула руку в цилиндр.

Оттуда повалил болотно-зеленый дым; над столом повисло газовое облако, пахнущее сыростью и древесной гнилью.

– Кто? – засуетились Кристина и Меган, отталкивая друг друга и протискиваясь к волшебной шапке, словно зловредные близняшки.

Отважная соседка вынула кулачок из цилиндра, разжала пальчики и радостно взвизгнула. Красной временной татуи-

ровкой на ее ладошке было выбито имя: «*Николай Расков*».

– Да быть такого не может... – пробубнила Рашель и недочерчиво уставилась на Кавендиша с Бероевым.

Похоже, в такие совпадения не верила даже главная мечтательница Академии. Но Пит, лучший друг этого самого Раскова, и сам удивился, почесав затылок и пожав плечами.

Едва ли не вприпрыжку Вика двинулась к столу зазнаек-пятикурсников. Выловив там синеглазого парнишку, по которому страдала уже не первую неделю, Добрева сунула ему под нос «счастливую» пятерню. Юноша снисходительно рассмеялся, обхватил ошалевшую девушку за талию и повел в центр зала. Ну, хоть кому-то сегодня повезло.

– А ты не желаешь попробовать? – подпихнул ко мне цилиндр круглолицый Пит Кавендиш. – В таком платье обязательно нужно танцевать!

Отчаянно помотав головой, я окинула взглядом бальную залу. Высокая «зазнайка»-семикурсница с мукой на лице кружилась в вальсе с пухленьким мальчиком с четвертого. Госпожа Боулз залихватски входила в вираж с Николаем Бероевым, старшим братом Арсения. Прodelки «Волшебных фантов» стали очевидны.

Позади танцующих у стены стоял юноша с тигриным хвостом и зеленой кожей в пупырышках, как у лягушки. Поперхнувшись, я узнала в нем Ваню Караваева – неуклюжего, но способного парнишку со своего отделения. В обычное время он обладал внешностью Купидона с валентинок: свет-

лые кудряшки, нежно-голубые глаза... Но сейчас был похож на жабу в смокинге.

– Ване выпала Карамзина. Я бы и сам не рискнул ее пригласить, – с нервным смешком признался Бероев.

– А что такого? – подначивал приятеля Пит, стоя во главе нашего столика и елейно улыбаясь. – Дядя рассказывал, что Ксения Игоревна в юные годы была ух какой красавицей!

– Вдруг бы отказалась? Сам бы я еще пережил лошадиную гриву или слоновий хобот, но наградить чем-то подобным профессора Академии... Это же приговор.

– Брось, она бы легко сняла «наказание», – подала голос Влада Дягилева и кокетливо улыбнулась Арсению. – Карамзина – могущественная волшебница, а не школьница вроде нас!

– Не трогай эту штуку, – шепотом посоветовал кто-то прямо мне на ухо, и я подпрыгнула на стуле. – Лучше пойдем потанцуем.

Обернулась. Распахнутый пиджак цвета слоновой кости, такие же брюки... Знакомая белая рубашка. Прямо Ангел во плоти Энди Макферсона. Надо будет сказать Мари, что у нее проклюнулся прорицательский дар.

– Дело в шляпе? – с подозрением глянула я на цилиндр, а потом на Энди, и он проворно поднял руки и показал чистые ладони.

– Дело в тебе. И немного – в платье.

– А что с ним не так?

– Оно красное.

Дался им этот цвет! Не дождавшись ответа, парень вытянул меня из-за стола и потащил в зал. Сопротивления решила не оказывать.

Танцевать с Энди было здорово. Он вел уверенно, но нежно, и местами осторожничал, будто боясь сделать слишком резкое движение или отдавить ногу. Во мне тут же проснулась девчонка лет четырнадцати. Я принялась глазеть по сторонам: ну где же Дженни? Она обязана видеть, с кем я танцую! Мантра про «взрослую и самодостаточную» не помогла, но и Джен я нигде не увидела.

– Красный хорошо подходит к белому, – вдруг с кошачьей ухмылкой пояснил Макферсон, теснее прижимая к себе на повороте. – А еще цвет крови привлекает хищников...

Хищников?! Я стала выискивать глазами Валенвайда. А затем и Карпова, на всякий случай. Столкнувшись с последним взглядом, поняла, наконец, что так щекотало лопатки последние пять минут.

Когда вернулась за стол, проклятый цилиндр все еще лежал напротив моего места. Аккуратненько отпихнула его одним пальцем в сторону Влады, от греха подальше. Игры с судьбой ни к чему хорошему не приводят, мне ли, дестинке, не знать.

Мимо прошествовала Присцилла Пруэтт, покачивая бедрами и потряхивая гладкими смолистыми волосами до пояса. На ней было черное атласное платье с откровенным де-

кольте. Дьяволица нарочно задела мой стул и бросила взгляд на стол.

– Что, «Мисс Эншантель», трусишь? Тебе же в новинку подобные развлечения? – хрипло рассмеялась Присцилла. Вот заноза! – Понимаю... Если бы я шесть лет училась среди одних девиц, сама бы испытывала неловкость при мысли о танцах с мальчиками.

Гордо дернув головой, я встала и без раздумий опустила руку в цилиндр. Что-что, а танцы меня напугать не могли! По пальцам пробежала покалывающая волна. Из шляпы повалил черный дым, пахнувший скошенной травой. Что-то новенькое. С легким волнением открыла ладонь, взглянула на имя... И на этом мой бал на сегодня официально закончился.

Вспыльчивость обернулась боком, спасибо мисс Пруэтт. Я знала правила игры, благоразумнее было вообще не участвовать. Теперь у меня было полчаса, чтобы пригласить на танец выпавшего человека. А потом по законам жанра я обзаведусь шерстью, усами, лапами и хвостом.

Со мной определено что-то не так! Сбились заводские настройки, лимит удачи исчерпался, жизненное казино объявило «персоной нон грата»... По заверениям Валенвайда, Судьба должна благоволить мне, как истинной дестинке. Я же – словно магнит для неприятностей! Не для всех подряд, а для одной конкретной... У нее даже имя есть. Вот оно, смотрит на меня с изуродованной ладони.

– Кто? – хором выдохнули Кристина и Меган. Глядя мимо них остекленевшим взглядом, я помотала головой, мол, «не до вас сейчас».

Глаза снова натолкнулись на блондина-аристократа, в ослабленной позе сидевшего в темном углу зала и потягивавшего темно-малиновый напиток. Сейчас он был один – болтливая девица куда-то испарилась – и любопытно сверлил меня взглядом. Он скорчил вопросительную мину, намекая на мое несчастное выражение лица. Я расстроено пожалала плечами и махнула головой в сторону гадкого цилиндра.

Озарив лицо дерзкой ухмылкой, парень показал пальцем на свой бокал и прошептал одними губами: «Хочешь?» Недолго думая, я кивнула, и он поманил жестом к себе. Наша пантомима становилась многообещающей.

– Елисей, – с томной хрипотцой представился юноша и смахнул со лба непослушные соломенные пряди.

У него оказались совершенно прозрачные глаза – настолько светлые, что я не смогла определить их цвет.

– Анна.

– Я знаю. Держи, – отрывисто проговорил незнакомец и протянул стакан. В нем плескалась вишневая жидкость с кубиками льда, которая оказалась довольно ядерной. У меня с одного глотка горло свело. Гадость несусветная. – Красивое платье.

– Ага, красное...

– Цвет имеет значение? Просто красивое, – он еще раз

окинул цепким взором, будто прицениваясь к дорогой вазе. – Подходит к... глазам. Ты много плачешь.

– А ты много пьешь. И вряд ли эти зелья разрешены...

– Лекарство. Помогает ненадолго стать собой и ослабить... контроль. Ты не поймешь, – сейчас он казался грустным, а не уставшим. – Тебе лучше не водить со мной дружбы. Дурная компания.

– Я и не собиралась дружить. Я просто попробовала твой напиток. И мне он не понравился.

– Вот и умница! – одобрительно хмыкнул странный собеседник. – Кто тебе выпал?

Я сунула ему под нос исчерченную красной вязью ладонь.

– Ох! – Парень сочувственно уставился на меня, зажав рот рукой. Скорее всего, пытался не рассмеяться в голос, чтобы не обидеть. – Уж не везет, так не везет. А говорят, у дестинов особенные отношения с судьбой.

– Конкретно у меня, в последнее время, напряженные... – невесело засмеялась я, потирая ладонь. Надпись не желала исчезать и слегка покалывала, намекая, что «часики тикают». Я вернула парню бокал. – Спасибо. Пойду, пока Золушка не превратилась в мохнатую тыкву.

Вялой походкой потенциального висельника я поплелась к своему столу, но была остановлена жизнерадостным голосом крестного.

– Анна, милая... – крикнул Артур и подозвал жестом.

Вместе с другими профессорами он сидел за преподавательским столиком. Тот располагался на каменном подиуме в глубине зала вдоль стены и на метр возвышался над остальными. Всем, кто подходил к учителям, приходилось смотреть на них снизу-вверх – наверняка так и было задумано.

С грустным вздохом я поплелась к Артуру, всей душой желая оказаться с противоположной стороны зала. Рядом с ним сидел Карпов, уже одним своим существованием вызывавший во мне раздражение. Сейчас он бесил особенно сильно, ведь спустя двадцать минут именно из-за него я покроюсь рыжей шерстью или отращу пяточок. Хотя почему «или» – мне может достаться и то, и другое.

Кажется, профессор видел, во что мы играем, и мой несчастный вид его изрядно позабавил.

– У вас началась полоса невезения, мисс Дэлориан? – с едкой ухмылкой поинтересовался Карпов, как только я подошла.

Он сидел по правую руку от крестного и со скучающим выражением тянул какой-то золотистый напиток.

– Да, профессор. Сразу, как только с вами познакомилась, – язвительно парировала я и яростно стиснула кулачок с его именем.

– У меня схожие ощущения на ваш счет... – пробормотал Карпов и отвернулся к Карамзиной, демонстративно утратив ко мне интерес.

– Милая, вы играете в танцевальные фанты? – надавил

на большую мозоль крестный. Он выглядел воодушевленным и слегка притопывал ногой в такт музыке. – В юности мне везло с партнершами. Как-то раз довелось станцевать с первой красавицей Академии. Славное было время... А однажды мне попались голова осла и хвост крокодила. Я изрядно струсил, потому что на фантах выпала тогдашняя директриса. У нее был жуткий нрав и бородавка на носу.

Артур хрипло рассмеялся, а у меня сердце провалилось в желудок.

– Там и такое есть? Я про голову осла...

Мысль о том, что остаток вчера я проведу в образе крокодила, вызвала приступ тошноты.

– Не волнуйтесь, мисс Дэлориан, вам достанутся кроличьи ушки, – с издевкой произнес Карпов. – И может быть, даже хвостик.

– Знаете что... Вы! – я резко обернулась к профессору, и его будто обожгло.

Карпов глядел ошарашенно, словно видел впервые в жизни. А во мне уже начала подниматься привычная лавина гнева.

– Давайте-ка посмотрим, какие достанутся вам!

– Вы... о чем, упрямая мисс? – заторможено спросил мужчина.

– А вот о чем!

Разжав кулачок, продемонстрировала ему имя, выведенное на ладошке красной вязью. Всего два слова, написанные

изящным курсивом.

«Андрей Карпов»

Не «Мрачный Демон», не «Мерзкое Чудище Академии», не «Злобный профессор магического противостояния»... Танцевальные фанты явно упрощали реальность. Я даже не сразу поняла, кого они назначили мне в кавалеры, пока не вспомнила, что у монстров бывают человеческие имена.

– Не окажете ли любезность, достопочтенный сэръ, со мной потанцевать?

Горя решимостью идти до конца, я изящно развела руки в стороны и сделала шуточный реверанс. А затем с ненавистью уставилась на Карпова. Профессор молчал, буравя меня распахнутыми глазами. Вид он имел, мягко сказать, ошеломленный.

– Я так и думала.

По-своему истрактовав его молчание, я развернулась на каблучках и двинулась в сторону подруг. Теперь я была избавлена и от ушек, и от хвостика, что несказанно радовало. Пускай сам разбирается с этой проблемой!

– Стойте... Я еще не сказал нет, – быстро справившись с изумлением, Карпов лениво поднялся из-за стола. – Рассчитывали, что я откажусь, и вы так легко отделаетесь? Боюсь, за свою дерзость вам придется испить чашу позора до самого дна.

Теперь пришла моя очередь занять шокированный вид. Он что, всерьез собрался со мной танцевать? На глазах у

всех? Да получи он хоть красные рога с хвостом, мог бы одной левой избавиться от шуточного проклятия...

– Это будет даже любопытно... – профессор изящно спрыгнул с подиума, взял меня за локоть и потянул в центр зала.

Да что за невезение!

Все тут же на нас уставились. Кое-кто даже поперхнулся и закашлялся. Здесь были и другие нелепые пары, составленные с помощью шутливых фантов. Но иллюзий я не питала: сейчас внимание целой Академии было приковано ко мне и моему «партнеру». Чутье подсказывало, что это будут обсуждать всю следующую неделю. Так просто мой позор никто не забудет. Надо же было так вляпаться!

– И что вам любопытно? Полагаете, я не умею танцевать? – надменно спросила я, по-прежнему отказываясь верить в происходящее.

– Ну должны же вас были хоть чему-то научить в том бесполезном заведении. Помимо десятка магических способов очистки фамильного серебра. Нет, я имел в виду другое. Зная ваше паталогическое упрямство и своеволие... Любопытно, способны ли вы в принципе уступать и подчиняться, хотя бы в избранных ситуациях.

Он решил соблюсти все формальности, отчего это выглядело еще комичнее. Профессор отвесил мне короткий шутливый поклон и выставил вперед руку ладонью вверх, предлагая себя для танца. Ожидалось, что я положу на нее свою,

но я стояла столбом и не могла шевельнуться. Сознание бунтовало, уговаривая, что это сон, и в реальности такого кошмара никогда бы не случилось.

Чувствуя себя зверьком, угодившим в силки, я жалостно помотала головой. Карпов смотрел насмешливо и вопросительно. Гнева в нем не ощущалось, – похоже, ему по правде было любопытно.

– Не волнуйтесь, мисс Дэлориан. Я не кусаюсь.

– Верится с трудом... – еле дыша, прошептала я, вспомнив, что при первой встрече он мне напомнил графа Дракулу.

Издав горестный вздох, я положила свою ладонь на его. Какая горячая! Второй рукой Карпов придвинул меня за талию и крайне недобро усмехнулся. Музыканты заиграли один из старинных великосветских мотивов. В «Эншантели» этот танец мне даже нравился...

– Вам ведь знакомы правильные движения? – выдал мужчина, окинув разочарованным взглядом плавно закружившиеся пары. – Только не врите.

– В «Эншантели» хорошая хореографическая школа, сэр, – смутилась я. – Но здесь этот танец никто не учил, и будет неправильно...

Договорить я не успела. Пренебрежительно фыркнув, Карпов крепче ухватил меня за талию и потащил по диагонали через весь зал. Я даже понять ничего не успела, а мы уже летели в старинном, всеми забытом танце, набирая скорость

на поворотах, кружась и едва не сбивая с ног прочие пары.

Уже через минуту я умудрилась запыхаться, хоть и старалась не отставать. И где он этого нахватался? С таким знанием программы «Эншантели» и светских танцев Демон мог бы сойти за воспитанницу французской школы. Разве что был слишком широк в плечах, груб, несносен и еще... мужчиной.

Танцевал он превосходно – уверенно, точно, без лишних движений, деликатно управляя мной и умело лавируя в толпе учеников. Так, как полагалось бы первокровному франту, всю молодость проведенную на балах. Словом, не оставил мне и шанса на сопротивление.

Первое время я была сосредоточена, потом считать шаги надоело, и я полностью доверилась... ну да, этому чудовищу. Стало очевидно, что он знает повороты лучше меня. Едва я сдалась и выключила голову, как танец начал приносить удовольствие. Что было невероятно странно, учитывая, какой жуткий монстр держал меня за талию.

Несколько раз я ловила на себе его взгляд. Карпов изучал мое лицо с таким странным выражением, будто я ему кого-то напомнила. Могу поклясться, в уголках демонических губ мелькала настоящая улыбка. Когда музыка стихла, и мы остановились, я, наконец, смогла перевести дыхание. Профессор даже не запыхался: казалось, он мог кружиться так весь вечер.

– Интересно. Прямо удивительно, – пробормотал он.

Решив изобразить галантного кавалера, Карпов за локоть повел меня в сторону стола шестикурсниц.

– Что? – все еще сбивчиво дыша, взглянула я Демону в лицо.

– Оказывается, на свете существуют варианты общения с вами, от которых можно получать хоть какое-то подобие удовольствия.

Весь путь я ловила на себе потрясенные и сочувствующие взгляды. Джен, неизвестно как оказавшаяся за нашим столиком, сияла отчаянными зелеными блюдцами на снежно-белом лице. Пит – виновник моих проблем, будь он неладен, – стоял поодаль, растерянно почесывая рыжий затылок. Кажется, всех удивляло, почему я до сих пор жива – после такой-то выходки.

Примагниченная чьим-то откровенным рассматриванием, я обернулась – и снова нырнула в прозрачные глаза светловолосого аристократа. Елисей едва уловимо подмигнул и приподнял бокал – на этот раз в нем плескалось что-то зеленое и, без сомнений, тоже недозволенное.

***

Ядреное зелье, острым кирпичом упавшее в голодный желудок и побеспокоенное сумасшедшим танцем, скрутило внутренности в витой рог. Хотелось есть. Хотелось лечь. И сбежать из-под прицела сотен глаз – тоже хотелось. Задышавшись от волнения, я продралась через липкую пелену исследующих взглядов и вышла из зала в фойе. Прислонилась лбом

к ледяному витражному окну, за которым дерзко полыхал закат.

Где-то вдалеке, будто спрятанные под толстой периной, раздавались звуки музыки, звон бокалов и веселые голоса. Дверь периодически хлопала, кто-то уходил, кто-то возвращался. На лестнице я заметила удаляющуюся фигуру в черном пиджаке. Следом вышли Осворт и Карамзина: преподавательница недовольно размахивала руками и что-то гневно втолковывала моему куратору. Не желая ни с кем общаться, я отошла вглубь коридора.

– Ты чего здесь топчешься, Анна? – неожиданно выглянула из тренажерного зала госпожа Боулз. – Вот странная девушка! Все на танцах, а тебя тянет к спортивным снарядам.

Белинда уже успела сменить темно-синий шелк, в котором рассекала по танцевальной площадке с Бероевым, на практичный серый спортивный костюм.

– Ну, вы тоже здесь! – в ответ улыбнулась я.

– Я принимала посылки. Да и решила сбежать, пока еще кто-то не пригласил. Старовата я уже для таких танцев, – заговорщически подмигнула женщина. – Хочешь, покажу? Уверена, ты оценишь.

Белинда вызывала во мне бодрящий коктейль положительных эмоций. Несмотря на приличный возраст, она всегда была подтянута, весела и энергична. Короткие медные с проседью волосы топорщились в разные стороны, добавляя даме сходства с добродушной ежихой. Но не стоило обманы-

ваться на ее счет: зеленые глаза были остры, как наточенные кинжалы, и протыкали насквозь.

Пару раз я слышала, как госпожа Боулз откровенно кокетничала с моим крестным, и уверилась, что в молодости они тесно дружили. Ну и, самое главное, она была дестинкой. И эта «чернокровка» одна из немногих смела давать отпор Артуру и резко ставить его на место. Ох, как бы я хотела в старости быть на нее похожей! Если доживу, конечно – что, помня извечные угрозы крестного, маловероятно.

Следуя за Белиндой, я протиснулась в приоткрытую дверь тренажерного зала. У входа высилась симметричная гора, сложенная из длинных деревянных ящиков в основании и пустых картонных коробок сверху. Придирчиво осмотрев знакомое помещение, – сколько пота я тут уже успела пролить и сколько достоинства потерять! – я почти сразу заметила Ее.

Она висела вдалеке, одинокая и манящая. Такие я видела лишь в американских магических каталогах, и – Боже! – мне захотелось немедленно сменить платье на форму и побежать тренироваться.

Боксерская груша Пандора-87. «Для максимально мотивированных тренировок». Изобретена понятно в каком году шведской волшебницей по имени Пандора Магнуссен. Так было написано в том злосчастном каталоге, над которым я пускала слюни все лето. И как она хороша! Блестящая серебристая обивка груши отражала все вокруг, хамелеоном впи-

тывая в себя обстановку. Но это был не главный ее секрет.

– Можно попробовать? – с возбужденным придыханием прошептала я. Если бы госпожа Боулз ответила «Нет», я умерла бы на месте. Но, к счастью, она кивнула.

Подойдя к груше, я ласково провела по ней ладонью. Кожу защипало, между нами возникла магическая «химия» – снаряд получал информацию о моем внутреннем мире, переживаниях, терзаниях. Ох, надеюсь, это приватно!

Металлическая поверхность Пандоры-87 вздыбилась волной, затем успокоилась... и на меня с нее уставилось знакомое лицо. До чего же противное! Жесткие бледно-зеленые глаза; светло-русые волосы, невымытыми патлами падающие на угловатые плечи; тонкие губы, сложенные гадкой ухмылкой... Тело предало меня. Ноги стали подкашиваться, руки задрожали.

– Долго думала, заказывать или нет... Опасная вещь. Некоторые слишком увлекаются виртуальной мстью, забывая о реальных радостях, – со знанием дела пробормотала Белинда. – Кого ты в ней видишь? Небось, какого-нибудь ненавистного профессора?

– Удивительно, но нет... – прошептала я, испытывая острое желание забиться в темный угол и там, в уютной тишине, бороться со своими страхами. – Это одна девочка из прошлого. Ее звали Тильда.

– Есть над чем поразмыслить, да? – понимающе похлопала меня по плечу Белинда.

– Я была уверена, что давно справилась с этим кошмаром, – сбивчиво пролепетала я. – Но сейчас, снова видя ее... такую настоящую... не могу шелохнуться.

– Некоторые люди продолжают терзать нас даже тогда, когда мы перестаем о них помнить. Ударь! Груша здесь именно для этого.

Я замотала головой, не желая прикасаться к серебрищейся поверхности.

– Я не в форме. Во всех смыслах.

– Давай, Анна! Ты сильнее своих врагов... особенно внутренних, – ободряюще прикрикнула госпожа Боулз.

Нервно выдохнув, я сделала неуверенный замах... и голым кулаком шарахнула по боксерской груше. Импульс честной боли прошелся по костяшкам пальцев, мышцы наполнились радостным предвкушением. Ненастоящая Тильда карикатурно скорчилась, на ее щеке появился фиолетовый синяк – результат моих усилий.

– Отличный удар! Жаль, мне не видно, – опечалилась тренерша. – Вот, держи. За отважную победу над внутренним врагом.

Белинда протянула ко мне кулачок, из которого на ладонь выпал огранный сапфир. Поощрительный камешек грел пальцы не хуже, чем удовлетворение, расплзавшееся по мышцам.

– Можно еще ударить?

– Только перчатки надень, – благодушно кивнула госпожа

Боулз, – а то нежные пальчики...

Ее слова потонули в громоподобном свисте, разлетевшемся по Академии. Послышался перепуганный вопль, топот нескольких пар ног за дверью... Это был сигнал тревоги.

Глава 10. Тигр, тигр, жгучий страх

– У-у-у-у-у-у!

Сигнал тревоги усиливался, разрывая барабанные перепонки. Теперь к нему примешивался волевой шепот крестного, проникавший в сознание. Он велел оставаться всем в трапезном зале, запереть двери и не выходить оттуда, что бы ни случилось. Госпожа Боулз выскочила в фойе, я с опаской побежала следом.

В высокие витражные окна пробивался закат, застилая цветастым ковром белый мраморный пол. Сумеречную мглу, царившую на улице, прорывали яркие всполохи. На улице толпилось несколько человек, среди них я узнала фигуры Осворта и Карамзиной. С запредельной щедростью они осыпали заклятиями какое-то существо, яростно бившееся на лужайке перед Академией. Я пригляделась и замерла: в диком смертоносном танце перед преподавателями извивался огромный саблезубый тигр-людоед.

– Вернись в зал и запри дверь! Не выходи оттуда! – зашептала мне госпожа Боулз.

Ее мышцы напряглись, лицо приняло сосредоточенный вид – пожилая тренерша готова была ринуться в бой.

– Пойдите, вы же не собираетесь... – пробормотала я дрожащими губами и схватила ее за локоть.

– Сама доброта. В наши дни такая редкость, – препода-

вательница погладила меня по щеке и благодарно положила руку на плечо, а затем вдруг легонько щелкнула по носу и подмигнула. – Иной раз и доброта таит в себе опасность! Не волнуйся обо мне... Я же не всегда была тренером по физкультуре!

Госпожа Боулз недобро усмехнулась, и ее глаза вновь наполнились холодной решимостью. Ободрительно улыбнувшись мне, она выскочила за дверь, бросив напоследок: «Запрись в зале, девочка!»

Ледяная корка ужаса сковала тело, я не могла шелохнуться. Будто в замедленной съемке я видела, как Белинда присоединилась к кучке профессоров и принялась извергать из жезла огненные заклятия. Тигр скалился и рычал, выбивая когтями искры из земли. Величественное и пугающее зрелище. От которого хотелось держаться подальше.

Судорожно вздохнув, я торопливо пошла в тренажерный зал, но на полпути остановилась. Чей-то холодный взгляд скользнул по спине, заставив съежиться и обернуться. По инерции я сделала спиной шаг назад, другой... и замерла. Метрах в двадцати от меня, с другой стороны коридора, стояло Существо. Такое, с большой буквы... и само немаленькое.

Густая белоснежная шерсть перемежалась тонкими темно-серыми полосками. Прозрачные глаза сияли сапфировым льдом. Из огромной фыркающей пасти выдавались два длинных, в пару ладоней, клыка, и у меня не возникало сомнений

в их остроте. Второй тигр-альбинос был чуть ниже того, что развлекался на улице – «всего-то» метра полтора в холке. И эта дикая тварь алчущим взором смотрела мне в глаза.

Столкнувшись с ним взглядом, я уже не смогла отвернуться. Будто загипнотизированная, я продолжала игру в гляделки, пытаясь вспомнить хоть что-то с уроков Валенвайда и дриады. Тигр сделал мягкий, вальяжный шаг мне навстречу, уверенный, что не побегу. Какие шансы удрать – на каблуках и в длинном платье, по отполированному каменному полу?

Сердце грозило вывалиться из грудной клетки. Я чувствовала себя кроликом, заглянувшим в глаза змеи и увидевшим там свою смерть.

– Не моргайте, мисс Дэлориан. Не прерывайте контакт, – послышался позади густой спокойный голос.

Чуть не упала в обморок от облегчения, что не одна в чертовом фойе. Пусть хоть с Демоном... Хоть с академическим монстром... Зато не одна.

– Вы все делаете правильно. Просто смотрите.

Судя по звуку, Карпов был на самом верху лестницы, а я стояла у ее подножия, чуть в стороне – обычно этим коридором я ходила в больничное крыло. Тигр сделал пару ленивых шагов и издал усталый рык. По мраморному полу пронесся прохладный поток воздуха, но заледенела я не из-за него.

– Только не бегите... Иначе будет много крови, а отмывать ее с мрамора – занятие неблагодарное, – зловеще пошутил профессор.

Странно, мне показалось, что его голос прозвучал чуть ближе, но я не слышала шагов. Снова дунул ветер, стелясь по полу, поглаживая щиколотки и обволакивая пятки...

Тигр жадно ел меня льдисто-синими глазами, с клыков сочилась прозрачная слюна. Судя по всему, в красном платье я выглядела крайне аппетитной и притягательной. Для хищников. Размеренной поступью монстр двинулся вперед. Он не спешил, намереваясь растянуть удовольствие и поиграть с глупой, непуганой жертвой.

Прохладный ветерок всколыхнул юбку и забрался под материю. Затылок окатило горячим дыханием. Спереди возникла рука и аккуратно, но требовательно потянула назад. Карпов крепко прижал меня к себе: пришлось сильно постараться, чтобы сделать вдох. Правую ладонь с палочкой он выставил перед нами.

– Не дергайтесь.

Я и не собиралась. Наоборот, еще сильнее прижалась спиной к живому, теплomu телу. Затылок уперся в горячую шею, пахнущую летними травами. Тигр возмущенно огрызнулся... Недовольно тряхнул головой, разглядев неожиданную помету... Фыркнув, освежил воспоминания об остроте клыков... И в грациозном прыжке бросился вперед.

Сердце пропустило пару ударов. Как выглядит смерть? Холодные глаза-сапфиры и белесая, изрезанная серыми прожилками шерсть.

Профессор сделал резкий взмах, и с именного жезла со-

рвалось несколько капель крови. Они зависли в воздухе и закружились в причудливом танце. Вспыхнула и погасла, растворяясь в эфире, цепочка золотых символов. Паутинка кровавых бусин, уменьшенных и размноженных, завертелась все стремительнее, все шустрее... Капли соединились рыжими всполохами и электрическими разрядами молний, и образовали огромный магический щит. Невозможно красивый, в человеческий рост, наполненный северным сиянием в оттенках заката.

Заклинательный танец завершился как раз вовремя: тигр с разбегу врезался в щит и с возмущенным рыком отлетел к стене. Тут же вскочив на ноги, повторил попытку. Снова, и еще... И опять... С ревом, шумом, топотом врезаясь и вгрызаясь в алое сияние.

Монстр бросался на магическую защиту с таким остервенением, что оставлял в ней видимые прорехи. Но после седьмого прыжка, стоившего щиту нескольких рваных ран, зверь заскулил и отошел назад. Самосохранение взяло верх: шерсть, местами подпаленная, пахла гарью.

Но порадовалась я рано. Изъеденный и разодранный щит замерцал... и погас.

Профессор самозабвенно выругался и, резко дернув за локоть, завел меня к себе за спину. В растерянности сделала шаг назад. Нащупав левой ладонью мои пальцы, Карпов рванул обратно – так, что я щекой впечаталась в его спину. Второй раз за вечер!

– Не отходи.

У меня не было времени подивиться внезапному фамильярному обращению – тигр, обнадеженный нашей беспомощностью, во весь опор рванул навстречу.

Понять, кто побеждает в смертельной пляске льда и пламени, было трудно. Заклятья, шепотом насылаемые на хищника, были мне не знакомы. Некоторых зверь не замечал, и подбирался совсем близко, клацающая клыками перед лицом профессора. Из-за других отпрыгивал назад, принимался поскуливать и недовольно фыркать.

Минут через пять жуткой бойни, наполненной рычанием, огненными всполохами и топотом мохнатых ног, я кое-что заметила. Тигр упорно пытался обогнуть Карпова и добраться до меня. Казалось, Демона он воспринимал просто как неприятную помеху, которую можно и обойти.

– А вы ей понравились! – подтвердил мои удручающие мысли профессор.

– Ей? Это самка?

– Разумеется. Причем очень молодая. Крепкая, красивая, умная... Но ужасно упрямая, гордая и непослушная. Никаких авторитетов! Боюсь, она плохо кончит.

– Вы сейчас точно о тигрице? – с горькой иронией прошептала я.

– О ком же еще? – хмыкнул профессор и сильнее сжал мои пальцы, начавшие дрожать особенно заметно.

Еще через пять минут перепуганный мозг посетила новая

мысль, совсем не обнадеживающая. Этот бой будет продолжаться вечно. Шерсть тигрицы напитана антимагией – половина заклятий отскакивала, остальные не причиняли ей заметного вреда. И зверь, и Карпов выглядели измотанными, от меня же толку не было вообще. Сейчас моя жизнь зависела только от того, кто из них сдастся первым.

Пару раз хищнице удалось подобраться совсем близко – со зловещим рыком ее гнусное дыхание докатилось до моего лица. Показалось, что тигрица оцарапала профессора когтями – легко, но болезненно. Он яростно рыкнул в ответ, послав порцию отменных заклятий прямо в пасть. Но почти все они отскочили.

– Вам ее не одолеть, – обреченно прошептала я. – Слишком крепкая броня.

– Просто тяну время, – в голос Карпова слышалась усталость. – У нее есть уязвимое место, на спине. Не беспокойтесь. Рано или поздно с той стороны коридора кто-нибудь появится, она обернется, и я прикончу эту тварь.

– Она не обернется, сэр, – вдруг совершенно ясно осознала я. – Она хочет меня.

Тело Карпова ощутимо напряглось. Он обдумывал мои слова, но был настороже: тигрица выискивала удобный момент, чтобы обмануть.

– Вы мне доверяете, мисс Дэлориан? – вдруг зашептал профессор.

– Разумеется, нет!

Хмыкнув, он легонько сжал мои пальцы.

– Сейчас вы побежите в больничное крыло, не оглядываясь. Очень быстро. Постарайтесь не упасть.

– Не думаю, что это хорошая... – возмущенно начала я, но осеклась.

Тигрица подняла голодные синие глаза, обрамленные гладкой белой шерстью, и издала крайне агрессивный рык. Ободряюще сжав мою руку в последний раз, профессор убрал ладонь и властно скомандовал:

– Беги!

Не в состоянии послушаться – будто он на мгновение подчинил себе мой разум, – я развернулась и понеслась прочь по коридору. И почти сразу услышала позади гулкий топот тяжелых, мохнатых лап.

Пробежав изрядное расстояние, я все-таки оглянулась. Царапая когтями мрамор, тигрица буквально летела за мной, легко отрывая тушу от пола... Зрелище заставило припустить еще быстрее. Я послушалась одного монстра и согласилась стать наживкой для другого... И где в это время был мой мозг?

Вспомнилась булыжная мостовая в Париже. Судьба моя – бегать в юбках и на каблуках от разного рода чудищ. Нога поехала, колени запутались в платье, и я с размаху полетела локтями на каменный пол. Приземление было столь болезненным, что я заскулила. А потом вспомнила, что это ненадолго, – ведь через пару секунд меня сожрут, – и даже обна-

дежилась.

Я приподнялась на отбитых руках, развернулась, чтобы посмотреть в лицо смерти... Искаженная злобой белая морда летела прямо на меня. Из рта вырвался жалкий стон, за который мне тут же стало стыдно. Ладно, пусть ест. Чтоб ей подавиться. Зато зеленую слизь отскребать больше не придется.

В последнем прыжке тигрица изогнулась дугой, разверзла пасть в остервенелом рыке... и с остекленевшими глазами приземлилась в полуметре от подола платья.

– Цела? – зашептал профессор, в падении присаживаясь на пол рядом со мной и обеспокоенно заглядывая в лицо.

Я ошарашенно кивнула. Меня не съели? Как же так... Несколько ссадин, ушибов и синяков не могли сойти за серьезную травму.

– А вы? – прохрипела в ответ, глотая слезы.

Откинувшись на спину, он растянулся на холодном полу, прикрыл глаза и протяжно выдохнул. Вид у Карпова был изрядно потрепанный и изможденный. Ниже локтя рукав рубашки разорвало в клочья, по запястью неспешно текла струйка крови. Но, на удивление, мы оба были живы.

– Спасибо... Что не дали умереть.

– Вообще-то я отправил вас на верную смерть. Разве не заметили?

Мужчина послал мне в лицо недоумевающий взгляд.

– Так это был ваш грандиозный план по избавлению от

меня?

– Да. Но он провалился, – горестно сдвинув брови, Карпов ухмыльнулся в потолок. – Как и все предыдущие.

– У вас будет время придумать новый, – истерично засмеялась я, счастливая уже от того, что могу дышать и шевелиться. – Рано или поздно, у вас получится. Я уверена.

Завороженно глядя, как кровь капает с его руки на белый мрамор, я не заметила приближения крестного и преподавателей. Хуже всех выглядела Карамзина – вся в пыли и копоти, будто единолично воевала с огнедышащим драконом.

Зеленовласая мисс Эмеральд присела на пол рядом с головой тигрицы и сочувственно запустила длинные пальчики в белую шерсть. Ее платье золотистой лужицей растеклось по мрамору. Госпожа Боулз была цела, раздосадована и в бешенстве извергала словесное пламя на Артура:

– Как можно было допустить, чтобы два опасных зверя пробрались на территорию Академии. Я давно говорила тебе поставить в лесу магические силки!

– Уймись, Бэлли. Сомневаюсь, что они пришли лесом. И рекой они тоже не плыли. Кто-то перенес их ко входу, – устало бормотал крестный. Он стоял в ступоре рядом с бездвижным телом яростной тигрицы и взволнованно глядел на меня. – Анна, девочка...

Его глаза, подсвеченные застывшими слезами, выражали тысячу эмоций. Ладно, надо признать, он обо мне беспокоился! Крестный подал обе руки и помог встать на дрожащие

ноги. Вообще-то я бы еще посидела. Или даже полежала. Вот прямо тут.

– Андрей... – облегченно выдохнул Артур, будто только сейчас увидел профессора на полу позади меня. – Уведи ее отсюда. Немедленно!

– Куда? – резко и деловито бросил Карпов, поднимаясь с прохладного мрамора.

– В Пункт связи. Остайся с Анной, пока я не приду. Я тебя очень прошу, – пробормотал крестный, ожидая, что профессор начнет сопротивляться. Но мужчина быстро кивнул.

К компании потрепанных и взбудораженных дракой магов подошел старик Эйвери и с удрученным вздохом оглядел место происшествия. Сейчас он был детективом, а не охранником. Даже форменный сюртук стража сменил на коричневый брючный костюм. Как сказал бы отец, заявился «в гражданском».

Мелкие морщинки, изрезавшие его лицо острым скальпелем, приняли озадаченную позу. Эйвери внимательно осмотрел тигриную тушу, бросил беглый взгляд на рукав профессора, из-под которого продолжала капать кровь. Пристально оглядел меня и, удовлетворенно крикнув, принялся почесывать белую макушку, превращая в мочалку аккуратно собранные в хвост волосы.

– Хорош препираться, – на всякий случай велел он и без того примолкшей публике. – Эдак мы до второго пришествия темной армии Блэра тут стоимся... Давайте-ка

мадемуазель покажет, где стоял тигр... Можете идти, бесстрашная мисс? Смотрю, ваши волосы до сих пор не побелели, хотя им уж давно пора.

Голова гудела то ли от пережитого ужаса, то ли от падения, и я пошла в другой конец коридора неспешно, чтобы не растряссти остатки «малинового желе». Указала в точку на полу, где впервые заметила тигрицу.

– Лужа, – пробормотал Эйвери, присел на корточки, мазнул пальцем по мрамору и без лишней брезгливости стряхнул с него прозрачную слизь. – Слюна. Значит, стояла... и ждала? Интересно, кого... Мисс Дэлориан, как вы вообще тут оказались?

– Случайно. Я ушла с танцев и бродила по Академии. Заглянула в тренажерный зал. Потом мы выбежали на шум и увидели бой на улице. Трапезный зал был заперт изнутри, и я пошла в спортивный. А она... Тигрица... Стояла прямо тут. И смотрела.

– В фойе больше никого не было? – старик вытер палец о брючину и покачал головой.

– Только профессор на лестнице... Но он позже подошел.

– Интересная схема. Один снаружи, один внутри... – себе под нос бормотал детектив. – И без жертв обошлось... Но были две возможные. Случайно или прицельно? Вас сюда точно никто не звал?

Эйвери помахал вокруг меня жезлом, пристально посмотрел в глаза. Я покачала головой. Случайность. Почти траги-

ческая.

– Следов внушения нет, «Имморой» не поили... Только легкий флер побуждения к действию, совсем свежий. Андрейка, ты баловался?

– Немного, – хрипло признал профессор. – Ее ж с места не сдвинешь...

– Сам ты целью быть тоже не мог. Только идиот отправит тигра против нашего Андрея Владимировича. Значит, для отвода глаз... Все разбежались, попрятались, заперлись. Твори, что хочешь. Арти, есть сейчас в Академии что-нибудь ценное?

– Кое-что есть.

– Проверь это немедленно! – переполошился детектив.

– Я и так вижу, что оно на месте, – с грустной улыбкой пробормотал крестный. – Разве что слегка напуганное и помятое.

– Любопытное наклеивается дельце, – многозначительно кивнул начальник охраны.

Карпов, так же, как и я, решивший, что полюбопытствовать можно позже, а сейчас лучше убраться подальше от мертвой туши, вцепился в мое запястье и потянул к выходу.

Глава 11. Пункт связи

С телепортирующим заклинанием мы перенеслись на незнакомый порог симпатичного небольшого дома в пару этажей. Особняк стоял прямо посреди поля, и его краснокирпичные стены горели пламенем в рыжих всполохах заката. На много километров вокруг – и влево, и вправо, – стелилась высокая желтая трава. Кое-где горделиво топорщились островки осиновых рощ, давая пристанище мелким животным.

– Мы все еще в России? – сдавленно прошептала я, отходя от сумасшедшего по скорости телепорта.

– Разве это имеет значение? – удивленно ответил Карпов, стукнул палочкой по массивной дубовой двери и властно толкнул ее внутрь.

В Пункте связи – как назвал это место крестный – было пусто. Мы миновали гостиную, освещенную прощальными лучами солнца, и оказались в просторной кухне. Профессор по-хозяйски открыл дверцу кухонного шкафа и выудил оттуда древнюю механическую кофемолку и жестяную банку с ароматными зёрнами.

– Раз уж нам предстоит какое-то время провести в раздражающей компании друг друга... – неуверенно пробормотал он, и принялся засыпать зёрна в старинный агрегат.

– Давайте сюда, – выступила я с неожиданным для себя

предложением и мягко вырвала кофемолку из рук профессора. – Сварю вам кофе в качестве благодарности за спасение жизни.

– А есть шанс, что я от него не умру?

Карпов недоверчиво скривил рот, и захотелось хлопнуть его деревянной мельницей по высокомерной физиономии.

– Вы сначала попробуйте, а потом ворчите. Чему-то меня в «Эншантели» все-таки научили, – дерзко пробубнила я, смолола кофе и принялась колдовать над медной туркой.

Пока я виртуозно махала палочкой над пахучим варевом, профессор успел найти пару чашек и поставить на кособокий деревянный стол. Затем закатал рубашку, открыл кран и запустил правую руку по локоть под ледяную струю. Раковина окрасилась красно-розовым. Вздохнув от мысли, что чудесный процесс будет безвозвратно испорчен, я сняла турку с огня и отставила в сторону.

– Так кофе не варят, мисс Дэлориан, – едко заявил профессор; от его глаз не укрылись мои манипуляции.

– Знаю! – я едва не всхлипнула от обиды: после тигриной встряски ужасно хотелось выпить что-то горячее и бодрящее. – Так обрабатывают вашу чертову рану. Тут есть аптечка?

Удивленно уставившись на меня, Карпов кивнул на сервант с другой стороны кухни. Тот был набит разномастными склянками со снадобьями и мазями. Просто сокровищница! Стало быть, в Пункте связи часто появляются пострадавшие.

– Не то чтобы я сильно хотела вас спасти, сэр, – проворчала, выживая из аптечки заживляющую мазь, волшебный антисептик и стопку саморегулирующихся повязок, – но госпожа Пламберри меня убьет, узнав, что я не оказала первую помощь преподавателю.

– Тогда, конечно, ваш неожиданный энтузиазм обоснован, – криво усмехнулся Карпов.

Насильно усадив его на деревянный стол, я еще выше закатала рукав рубашки. Тигрица умерла не напрасно: в отличие от прочих желающих, ей-таки удалось захватить с собой приличное количество плоти Мрачного Демона. Я видела замах, который делала эта тварь. Он казался легким, невесомым... Однако, три борозды, оставленные когтями, были откровенно глубокими.

– Вы крепко вляпались, – подавляя дурноту, пробормотала я. – Возможно, даже придется прогулять несколько занятий... Вот студенты расстроятся!

– Даже не надейтесь, – красноречиво хмыкнул преподаватель, явно планируя отыгаться за эту шутку на следующем же тесте по снадобьям.

Но он не на того напал. Сейчас в моей власти была его изодранная рука и пара пыточных орудий: и мазь, и антисептик прилично жгутся при глубоких порезах. Вот и проверим, кто посмеется последним!

Крепко ухватив левой ладонью его локоть, я принялась щедро поливать антисептиком развернутую рану. Кровь

опасно зашипела и задымилась, Карпов поморщился... Но я надеялась на более веселое шоу! Со вторым порезом случилось то же самое: мышцы хладнокровного лица лишь слегка дрогнули, едва едкое средство коснулось кожи. Третья попытка не оставила сомнений: профессор был крепким орешком. Вчера мне довелось обрабатывать таким же антисептиком ссадины старшекурсника-«зазнайки» – так он вопил, словно вчера родился.

Расстроившись, я принялась накладывать на порезы мазь, мою последнюю надежду. Никакого эффекта! Черт, она даже мне разъедала подушечки пальцев, хотя была призвана заживлять и обезболить... Я знала, что профессор – бесчувственный тип, но не настолько же?

– Развлекаетесь? – с ухмылкой спросил Карпов, заглядывая в мои недоумевающие глаза. – Не волнуйтесь, вы и впрямь доставляете мне страдания... Не смертельные, но все-таки. Если вас это как-то порадует.

– Еще как порадует! – фыркнула я, некстати заливаясь краской от того, что он прочитал коварные мысли.

Но вместо удовлетворения испытала непривычный прилив сочувствия. Подняв к губам его руку, я зачем-то осторожно подула на рану. А затем аккуратно, возмутительно ласково упаковала кровоточащие борозды под саморегулирующую повязку и опустила драный рукав рубашки на место. Ну вот, не бывать мне садисткой. Никакого к этому таланта!

– Кофе?

Я подняла лицо на Карпова. Он смотрел как-то странно. И, пожалуй, испуганно.

– Кофе... – прохрипел профессор, продолжая прожигать меня потрясенными глазами.

Отвернувшись к плите, я спиной ощущала недоумевающий взгляд. Так удивился, что мне стало его жалко? Ну, поддалась душевному порыву. С кем не бывает? Мне и самой было неловко от мысли, что пожалела чудовище. Но сегодня этот монстр спас мне жизнь, поэтому я имею право побыть сентиментальной и доброй. Одну минуту.

С печальным вздохом вылив неудавшуюся партию кофе в раковину, а намолочила новый и поставила на огонь. На этот раз поклялась себе не отвлекаться на ерунду и сделать все так, как учили в «Эншантели». Наконец, нос наполнился правильным ароматом, и я разлила напиток в подготовленные чашки.

Опасливо заглядывая в свою кружку, Карпов сделал глоток... и одобрительно хмыкнул. Ну надо же! Хотя в чем-то я добилась признания.

– Лучше бы вы так виртуозно варили снадобья, мисс Дэлориан, – проворчал профессор и уселся на ближайший стул.

Я не стала занимать второй, предпочитая смотреть на Карпова сверху вниз.

– Тогда у вас не было бы повода унижать меня на занятиях, и это сделало бы вас несчастным, – язвительно буркнула

я. – Что это был за щит? Тот, красный?

– Щит Эйлерона, – скупое ответил преподаватель, с блаженствующим видом потягивая горячий кофе. Не переборщила ли я с внеплановой заботой?

– Почему нас таким не учат?

– Потому что некоторые болваны из Большого Совета Академии считают, что подобная магия связана с темной материей, – без должного пафоса заявил Карпов, но мне все равно стало жутко.

– А она связана?

От мысли, что я только что вживую видела настоящее темное колдовство, по спине побежали мурашки.

– Вообще-то да. Опосредованно. Щит Эйлерона стоит на стыке двух материй, напитан ими обеими, – профессора явно развеселил мой испуганный вид. – Правильно делаете, что боитесь. Я ужасно страшный, опасный и недобрый волшебник.

– Крестный утверждает, что вы самый сильный маг за последние сто лет.

– Вот и не стоит мне перечить, упрямая мисс, – демоническим голосом провозгласил Карпов. – Впрочем, турнира не проводили... Темная материя бывает полезна, если используется для защиты. Эксперименты с ней под запретом потому, что некоторые амбициозные маги не могут остановиться и переходят границы дозволенного.

– А вы... переходили?

– Я делал много сомнительных вещей, мисс Дэлориан. В молодости и по глупости, – его черные глаза спокойно встретились с моими. – И да... Я не раз переходил эту черту.

– Убивая людей?

Голос мой отчего-то осип, бессовестные губы задрожали.

– Нет, я никогда не использовал темную материю для убийства. Она слишком жестока, мучительна... и несет боль ради боли. Она оскверняет душу. Я вовремя остановился и ограничил себя лишь полезной, защитной областью.

– Я видела брызги крови перед тем, как возник щит...

– Вся подобная магия основана на крови. Волшебник должен принести жертву, чтобы получить доступ к темной материи, – Карпов достал из кармана свою палочку и протянул мне. Она была не так славно отполирована, как моя, гораздо толще, грубее и тяжелее. Словом, истинно мужская. – Проведите пальчиком. Там сверху на рукояти есть бороздка...

Послушно погладив большим пальцем шероховатый выступ, я возмущенно ойкнула: кожу проткнул невидимый шип. Присмотревшись, увидела, что в палочке имеется тонкий неглубокий канал, ведущий к наконечнику, – и сейчас по нему медленно ползла капелька моей крови.

– Могли бы просто сказать, – проворчала я, возвращая коварный инструмент мрачному владельцу и машинально облизывая раненый палец.

– Так нагляднее, – ухмыльнулся Карпов, и я сразу забыла о жалости. – Именно поэтому маги, увлекающиеся темной

материей, предпочитают жезлы-талисманы. Запястные браслеты, кастеты, кольца... В них тоже встроены шипы, некоторые имеют прямой доступ к крови хозяина. – Я поморщилась, представив, какво ходить с иголкой в коже постоянно. – Меньше движений, выше скорость колдовства...

Входная дверь тяжело скрипнула, и послышались торопливые женские шаги. На пороге кухни, недовольно стряхивая с плаща капли дождя, появилась симпатичная женщина лет тридцати пяти.

Она была существенно ниже меня, зато считалась фигуристой. Из-за мелких мимических морщинок дама выглядела чуть старше своих лет, но это добавляло ей шарма. Ее темно-каштановые волосы влажной копной расстилались по плечам. А теплые медово-зеленые глаза внимательно разглядывали «пришельцев» – то есть нас.

– Андрюша? – мягким, с журчащими переливами голосом пробормотала она. Я прыснула от неожиданности: это было самое нелепое обращение к Мрачному Демону из всех, что я слышала. – Собрание только в воскресенье... Не думала тебя тут застать. Вы уже ужинали?

По моей личной шкале удивления, хозяйка дома выглядела не слишком пораженной. Значит, неожиданные гости в Пункте связи были привычным делом. Бросив мокрый плащик на спинку стула, она деловито направилась к холодильнику, выудила из него солидных размеров утятницу и отправила в духовку.

– Мы ненадолго, только Артура дождемся, – объяснил наш визит профессор. – Это мисс Дэлориан. Самая несносная ученица Академии.

– Джулия, – с добродушной улыбкой представилась женщина.

– Анна, – пролепетала я, окончательно сбитая с толку.

Мы вломились в ее дом, а она планирует кормить нас ужином!

– Добро пожаловать в Пункт связи, – с шутливым церемониальным жестом произнесла хозяйка и искренне засмеялась. – Ну, давай помогай, Анна. Сейчас подойдут еще люди, и все, как один, голодные. Говорите, Артур тоже будет? Значит, на шесть персон.

Опешив от лавинообразного дружелюбия, я не сразу поняла, что за помощь требуется женщине. Затем Джулия указала на полку с посудой и на темный проем в стене. Я заглянула внутрь – через арку от нас во мраке пряталась просторная столовая.

– Наверху в первой по коридору спальне есть вещи на девушку твоего возраста, – ласково прошептала женщина мне на ухо. – Можешь переодеться, чтобы чувствовать себя как дома. И не смущать остальных. А потом уже накрывай на стол.

Оглядев свое облачение, я охнула. Вообще-то Карпов мог и сказать, насколько истрепалось платье после сражения с неистовой тигрицей. Юбка была мятой и кое-где даже дра-

ной; одна из красных бретелек оторвалась и висела на ниточке. Во всей этой беготне я не заметила, что половина ткани волочится за мной «королевским шлейфом».

Благодарно кивнув, я отправилась разыскивать лестницу на второй этаж. Снова миновала гостиную – пожалуй, самое уютное место в Доме. Перед камином лежал пушистый ковер с пестрым восточным узором, длинный бордовый диван растянулся вдоль окна, а в углу стояла пара мягких кресел. Рядом с ними висело высокое зеркало от пола до потолка в резной деревянной раме, казавшееся очень древним.

В нише над мраморной каминной полкой располагался портрет рыжеволосого семейства. На переднем плане выделялись два поразительно похожих детских лица – мальчики были близнецами.

Лестница нашлась тут же, сбоку от входной двери. Устало взобравшись на вершину, я увидела коридор с рядом закрытых дверей. Он завершался ненадежной лесенкой, ведущей на чердак. В первой спальне обнаружился неприличных размеров шкаф, набитый разномастной девчачьей одеждой. Некоторая была консервативной и форменной, другая – домашней и удобной.

Я выбрала фланелевую рубашку, бордовую в бежевую клетку, и голубые джинсы свободного кроя, которые оказались ожидаемо коротки. В шкафу нашлись шерстяные носки толстой вязки: не раздумывая, я заменила ими свои туфли, из-за которых едва переставляла ноги. В довершение образа

закатала рукава по локоть и завязала рубашку узлом внизу живота, придав себе сходства с какой-нибудь американской фермершей. Был шанс, что крестный меня не узнает и оставит в покое, хотя бы на этот вечер.

Когда я спустилась, по кухне вовсю разлетались ароматы грядущего ужина. В духовке что-то пыхтело и булькало. Внутри возбужденно завертелся голодный зверь: он вспомнил, что с самого обеда не видел и хлебной крошки. Профессор что-то увлеченно обсуждал с хозяйкой дома, огромным поварским ножом разрезавшей пышный пирог. Мотнув головой в знак несогласия, он глазами зацепился за меня.

– Что вы так смотрите? – буркнула я, переминаясь с ноги на ногу.

– Пытаюсь понять, что вам идет больше, – без сарказма ответил Карпов.

– И?

– И не могу. Но в этой одежде вы выглядите обманчиво безобидной. И еще... уютной.

Слова прозвучали как комплимент, но, может, в демоническом видении это было оскорблением? Достав из серванта шесть тарелок, я принялась готовить стол к приходу гостей. И кого принимали по вечерам в Пункте связи?

Вместе с Джулией мы водрузили в центр стола раскаленную утятницу, в которой заманчиво побулькивало жаркое. Рядом встало блюдо с пирогом – пока никто не видел, я отщипнула кусок и определила, что начинка была рыбной. Кар-

пов наблюдал за хлопотами издалека, мрачной тенью при-слонившись к стене.

– Боже, как вкусно пахнет! А мы принесли вина, – с порога закричал незнакомый женский голос, разбавив звуки су-еты, исходившие от входной двери. – И захватили с собой Артура... и кое-кого еще. Ты обрадуешься, Джулс!

Хозяйка выглянула в коридор, слышались радостные и удивленные возгласы. Профессор не шелохнулся, но на его лице заиграла кривая ухмылка, будто он по одному шороху определил всех пожаловавших в дом гостей. Встретившись со мной глазами, Карпов молча кивнул в сторону двери, предлагая посмотреть на пришедших.

Робко выйдя из кухни, я оглядела толпящихся на пороге людей. Статная фигура крестного не привлекла моего внимания. Зато я с удивлением обнаружила в числе гостей своего куратора, по-отечески нежно обнимавшего незнакомую женщину. Это она кричала про вино, ради которого я сейчас же готова была с ней подружиться.

Джулия зажала в крепких объятиях какое-то миниатюрное создание, из-под ее рук виднелась только копна медных волос. Но я безошибочно определила их владелицу.

– Джен?

Подруга выпуталась из ласкового плена и ехидно улыбнулась.

– Юная мисс Абрамс была так обеспокоена происшествием с тиграми, что прохожу мне не давала, – проворчал крест-

ный. – «Куда вы увезли Анну, когда она вернется»... Пришлось взять с собой. Джулс, займись ее воспитанием, с меня одной несносной барышни достаточно.

– Тогда... на семь персон! – оптимистично заявила Джулия и снова стиснула Дженни в объятиях.

– Тебе идет моя рубашка! – рассмеялась рыжая бестия, в очередной раз выскользнув из женских рук и по-хозяйски пройдя в гостиную. По пути она пихнула меня в бок и замахиваясь подмигнула. – Чего глядишь, будто я привидение? Это родовой дом семейства Абрамс, тетя Джулс – мой магический опекун.

Она деловито махнула в сторону портрета над камином.

– Джулия приглядывает за мной последние семь лет, с тех пор... ну, как умерли родители. Она была женой дяди Нестора. На портрете он справа. А может слева. Черт, они так похожи с отцом! – грустно рассмеялась Дженни, разглядывая рыжеволосых мальчиков. – Нестор и Никон Абрамовы.

– Постой, ты же Абрамс?

– Они оба женились на англичанках и, уехав, сменили фамилии. Я долго жила в Лондоне, но после случившегося... Словом, нам с тетей захотелось перебраться в какое-то место, которое напоминало бы о них. Этот крошечный особнячок принадлежал не то моему деду, то не прабабке. Скучно тут не бывает! Я знала, что рано или поздно ты здесь объявишься. Твой крестный тут часто бывает, да и профессора захаживают.

До меня окончательно дошло, что Дженни – моя крошечная недалекая подружка! – была осведомлена о делах Артура куда больше, чем я.

– Профессора? – шепотом переспросила я рыжую бестию, убедившись, что толпа гостей выдвинулась в столовую. – И Карпов тоже? Что у них тут за дела?

– И он, и Осворт, реже Карамзина... Тут бывают и многие другие маги-миротворцы, в дни собраний. Ты поймешь все... со временем. Теперь это не просто дом Абрамсов, а Пункт Связи МОСа – Магической Организации Сопротивления. Ромул с Мелиссой иногда остаются ночевать, у них комната на втором этаже, рядом с моей.

В нескольких ее фразах было столько неудобоваримой информации, что я опешила. Сопротивление, миротворцы, собрания, ночевки, преподаватели... Что, черт возьми, творится в этом русском магическом сообществе? Я потрясла головой, надеясь уложить новые факты стопочками, но они все равно развалились в разрозненную кучу.

– Что происходит, Джен?

Я глупо захлопала ресницами и тут же возненавидела себя за это.

– У нас тут вроде как... война, – тихонько добила меня подруга.

Подбитой уткой я упала на бордовый диван, оказавшийся невероятно удобным.

– Война?!

Слово несло в себе столько ужаса, крови и боли, что, произнеся его вслух, захотелось хорошенько вымыть рот с мылом. И прополоскать вином.

– Меня на собрания не пускают. Доносятся какие-то куски разговоров... В позапрошлом воскресенье слышала, как твой крестный говорил, что пока противостояние «тайное» и «позиционное». Что враг... ну, «собирается с силами и не хочет предпринимать решительных действий». И еще он сказал, что «зверь вышел из многолетней тени», и теперь охотится за каким-то сокровищем.

Какая-то чепуха... Если в магическом мире неспокойно, это должно проявляться хоть в чем-то! Но все идет своим чередом. Холодное солнце устало греет по утрам; птицы оглашают воздух сонным осенним щебетом; деревья планомерно стряхивают на землю листву... Даже экзамены и контрольные проходят по расписанию: как раз через три дня меня ждет очередной тест по снадобьям. Разве война – не повод отменить хотя бы его?

– Пойдем! – Джен за запястье потянула меня в сторону столовой. – Потом все поймешь. И мне заодно объяснишь. Ты же знаешь, у меня всего одна извилина.

Когда мы вошли в столовую, Артур и миссис Абрамс обсуждали что-то на повышенных тонах. Еще недавно такая добродушная, Джулия выглядела взвинченной и яростно спорила. Речь шла про тигров: миссис Абрамс сомневалась, что в Эстер-Хазе можно свободно приобрести целую пару, и

настаивала, что тех вывезли из Индийской пустоши.

– Действовала целая организация, Артур! И ты понимаешь, о ком я. Если они добрались до твоей академии и выступили в открытую, то мы ошиблись насчет... – увидев нас, Джулия приглушила голос, и конец фразы я не расслышала.

Застыв каменной горгульей, Карпов стоял все в той же точке у стены и думал о чем-то своем. Темноволосая женщина с красивыми, крупными чертами лица – как я поняла, это была Мелисса, жена моего куратора, – сухо кивнула ему и прошла за стол. Профессор ответил так же сдержанно, не выплывая из тревожных мыслей.

– Ну что ты встал мрачной тенью! Небо не обвалится, если ты немного расслабишься и поужинаешь с нами, – покачав головой, весело заявил Осворт и по-дружески хлопнул Карпова по плечу.

Тот недовольно поморщился, но затем ухмыльнулся.

– Может и не обвалится, Ромул... Но гарантий не даю.

У меня отвалилась челюсть: не было сомнений, вне Академии профессора были добрыми приятелями. Это надо было осмыслить где-нибудь в тихом, укромном месте. Без свидетелей.

– Рад видеть вас живой, мисс Дэлориан!

Осворт подошел и по-отечески потрепал меня по голове, взлохматив и без того спутанные волосы. Его легкая фамильярность вызывала симпатию.

– Это не моя заслуга, сэра, – скромно пробубнила я и при-

землилась на стул рядом с Дженни. Аромат жаркого спутывал мысли, давно не была такой голодной. – Похоже, профессор Карпов передумал скармливать меня троллям.

– Решил повременить – не значит, что передумал, – съязвил Демон и последним уселся за стол напротив меня. – Я еще не определился.

Про тигров не вспоминали – видимо, чтобы не портить аппетит. Но мой оголодавший организм готов был слушать хоть про казни египетские, лишь бы никто не додумался отобрать у него третий кусок пирога. Когда я потянулась за добавкой жаркого, Карпов красноречиво хмыкнул. Пришлось пожать плечами, вложив в этот жест все, что я думаю о видовом различии нормальных девушек и дриад, питающихся птичьими порциями.

– Из-за дурацкой тигрицы я забыла тебя спросить про Макферсона! – с набитым ртом на всю столовую заявила Джен. Интересно, прямолинейность и беспардонность как-нибудь лечатся?

– А что с ним?

– Вы танцевали!

– Мало ли с кем я... – вовремя прикушенный язык не позволил закончить фразу. – Это было сегодня?

– Ты головой стукнулась? Только что рваное платье переодевала, – Джен покрутила вилкой у виска, чуть не выковыряв единственную извилину.

– Красное.

- Стукнулась, – пришла к плачевному выводу подруга.
- Знаешь, что мне сказал Энди?
- Ммм?
- Цвет крови привлекает хищников.

***

Крестный разрешил остаться в Пункте связи до понедельника: и ему спокойнее, и мне вместе с Джен не скучно. Гости постепенно разбредались. Я ждала, пока рыжая мерзавка освободит ванную, в которой она заперлась полчаса назад, и исследовала дом. На втором этаже, напротив нашей спальни, нашлась еще одна комната – не то кабинет, не то библиотека. Пользовались ей нечасто, на подоконнике покоился сантиметровый слой пыли.

– Вот бы на моих занятиях вы были так же сосредоточены, – вкрадчиво прошептал Карпов мне в затылок, заставив подскочить на полметра от неожиданности. – Что такое? Оранжерейное создание вдруг осознало, что мир – не конфетная фабрика и не парк развлечений?

Пропустив мимо ушей очередную колкость, я снова уставилась в окно. А потом подумала, что неплохо бы получить информацию из первых рук. Пусть даже демонических.

– Что это за война?

– В мире всегда найдутся те, кто хочет сделать его лучше, чище, правильнее... насильно, – задумчиво проговорил Карпов и тоже поглядел в непроглядную тьму.

– Почему ее никто не замечает?

– Вы очень юны и весьма наивны, – Карпов осуждающе поджал губы. Как будто молодость была неприличной болезнью, которую я умудрилась подцепить самым постыдным образом. – Полагаете, война – это всегда сражения, кровь ручьями, всполохи заклятий, вопли, смерть? Вроде битв, изображенных на картинах в Академии?

– А разве нет?

– Зачем? Если волшебники достанут свои жезлы и выступят в открытую, то разрушат половину планеты. Магия недалеко ушла от ядерной бомбы.

– И как победить в войне, в которой никто не сражается? – я недоуменно проморгалась, будто в глаз попала неслабая такая соринка.

– Знаниями. Тот, кто владеет информацией, выигрывает бой до его начала. Наше противостояние больше напоминает забег с препятствиями... В котором все ищут одно и то же.

– И что, вы и эти... «маги-миротворцы»...

– Агенты магического сопротивления, мисс Дэлориан, – спокойно поправил преподаватель. – Мы пытаемся разгадать ближайшие планы противника и понять, как далеко он продвинулся... к своей цели.

– Вы знаете ее? Их цель?

Тело вдруг охватило тревожным возбуждением, будто я только сейчас нащупала верную ниточку, дернула за нее и жду, затаив дыхание, что же произойдет.

– Достаточно вопросов. Это не ваша забота, мисс Дэлори-

ан. У вас есть проблемы посерьезнее мирового противостояния волшебников.

– Какие же? – пробурчала разочарованно, пальцы мысленно еще сжимали шелковую нить, оборванную и болтавшуюся в воздухе.

– Грядущий тест по снадобьям. Который вы, без сомнений, завалите, приготовив вместо пристойного зелья очередные сопля тролля.

Лицо профессора сохраняло хладнокровие, и я не поняла, то ли это такая зловредная шутка, то ли он серьезно считает дурацкий предмет моей основной проблемой. На всякий случай, смеяться не стала.

– У вас совсем нет жалости, – буркнула я, демонстрируя ему ушибы на запястьях и локтях, оставшиеся после неудачного торможения на мраморе.

– А вам нужна жалость? – Карпов изучающе заглянул мне в глаза.

К горлу подступило странное, неприятное чувство. Как будто из сознания попыталось вынырнуть какое-то воспоминание, но его что-то блокировало, и вместо четкой мысли рождалась лишь тошнота. Я продолжала смотреть в равнодушное лицо мужчины, и оно начинало расплываться, меняться... Он точно кого-то мне напоминал, но я не могла определить, кого. Не понимая, что со мной творится, я разозлилась и пробубнила:

– Нет, сэр, разумеется, не нужна. Тем более от вас.

Развернувшись на шерстяных пятках, я мягкой походкой направилась в коридор. Хотелось еще раз посмотреть на комнату Джен и обратиться подальше от жуткого типа.

***

– Как думаешь, почему за столом никто не заикнулся о произошедшем?

– Зачем портить аппетит? – философски заметила Джен, стаскивая махровое полотенце и переоблачаясь в домашний велюровый костюмчик нежно-голубого цвета.

– Я не про тигров, а про Карпова.

– А, удивляешься, что ему не стали воздавать хвалу, поднимать бокалы за героический подвиг и все такое? Думаешь, Демону впервой палочкой махать перед носом магической твари?

– Неправильно это. Он мне жизнь спас, а никто даже слова не сказал, – зевнула я, забираясь на двуспальную кровать и пряча замерзший нос под одеялом. – Как будто им все равно.

В дверь тихонько поскреблись, и на пороге появилась Мелисса. Заходить она не стала, притулилась к косяку.

– Не все равно. Простите, шла в соседнюю спальню, услышала разговор, – извинилась женщина. – Если бы кто-то обмолвился о героическом спасении прекрасной девы, Карпов тут же вскочил бы из-за стола и растворился в воздухе. Не любит он такой болтовни, не в его мрачном характере, – по лицу Мелиссы пробежала тень неприязни, но она быстро натянула на нее прикрывающую улыбку. – Это все знают, вот

и молчали. Но мы рады, что ты жива.

***

Следующим утром за завтраком Джулия попросила мою палочку. Соединив в кулаке со своей, сдвоенным жезлом она вывела на входной двери незнакомый символ. Он вспыхнул золотом, померцал секунду и впитался в древесину.

– Это ключ, Анна. От Пункта связи. Теперь эта дверь для тебя всегда открыта.

Глава 12. Вспышка

Демон был прав.

Во вторник я завалила очередной тест по снадобьям. Эпично, мощно, с размахом.

И да, у меня опять получились «сопли тролля», густые и изумрудно-зеленые. Хотя в описании значилась «светло-бирюзовая жидкость с прозрачностью слезы».

Если с травами удавалось худо-бедно находить общий язык, то за зельеварительным столом мозг отключался. Словом, со снадобьями не складывалось. Это была роль на сопротивление, и пришло время сдать сценарий обратно. Горестно вздохнув, я поскреблась в дверь ректорского кабинета.

Строгое лицо крестного смягчилось, едва он поднял глаза от газеты. Жаль, мне нечем было его обрадовать. Не рискуя оказаться в опасной близости от Артура, я плюхнулась в кресло у стены.

– Я отказываюсь от «Магической медицины» и прошу перевести меня... Ну, куда-нибудь... – робко начала я неприятный разговор. – На «Преподавание», например. Туда, где не надо варить зелья с прозрачностью слезы.

– Хм... – только и сказал Артур.

Затем он черканул что-то на двух бумажках и жезлом закрутил их в волшебном вихре. Записки с хлопком исчезли,

и крестный уставился на меня пронзительными орлиными глазами. Молча.

Через пару минут на пороге кабинета появился Карпов, за ним расторопно просунулась в дверь сердобольная госпожа Пламберри. У профессора вид был недовольный и уставший, у Мари – озабоченный и воинственный.

– Что, оранжерейная мисс, уже прибежали жаловаться? – едко спросил Демон.

Он отошел вглубь кабинета, к окну, и черным коршуном встал за спиной крестного.

– Наоборот, сэр, решила последовать вашему совету и сменить специализацию, – сердито призналась я. – Не знаю, зачем крестный вас побеспокоил!

– «Мудрое» решение... – Карпов продырявил меня глазами насквозь. – Очень в духе трусливой воспитанницы «Эншантели».

– Я не трусливая! – привычно рыкнула в ответ. – У меня нет способностей к этим вашим... снадобьям. Все равно не сдам промежуточный экзамен в конце года.

Нервно всплеснув руками, Мари пронеслась через весь кабинет. Но направилась она не ко мне и даже не к крестному. Подлетев к Демону, она схватилась за лацканы черного пиджака и хорошенько потрянула. Я в шоке сползла по спинке кресла, но Карпов даже не шелохнулся.

– Нельзя губить природный талант! – грозно заявила госпожа Пламберри.

– О чем ты, Мари? – лениво подал голос профессор, не пытаясь отбиваться от пожилой докторши.

– Анна – прирожденный лекарь. Повязки в руках танцуют, мазь едва жжется... Простые прикосновения исполнены такой нежности, что без всяких снадобий приносят облегчение! – широко распахнув серые глаза, объяснила Мари. – Ты просто не видел, Андрей.

– Может и видел, – вполголоса буркнул Карпов. – Но что ты от меня хочешь?

– Если ты из-за своего упрямства загубишь девочке жизнь... – Добрая докторша насупилась и уткнула руки в бока, выпустив, наконец, смятый пиджак. – Эти зелья и травы! Да половина врачей не умеет их готовить, покупают в аптеках! А Анна не сдаст экзамен и не подтвердит специализацию, и путь в медицину будет закрыт.

– И причем тут мое... «упрямство»? – недоуменно поглядел на нее Карпов. – Не я запер ее в «Эншантели» на шесть лет.

– Но ты... ну... способен помочь, – Мари вдруг резко сникла и уставилась на профессора с мольбой. – Мог бы обучать ее дополнительно. Восстановить пробелы за прошлые курсы.

Инициатива наставницы была фантастически неуместна, и я чуть совсем с кресла не упала. Начав хватать ртом воздух от возмущения, – мало мне в жизни страданий от Мрачного Демона! – я не успела возразить. За меня это сделал Карпов,

бровь которого стремительно поползла вверх.

– Ты уже один раз пошутила, Мари... Очень остроумно.

И на этом хватит.

К моему удивлению, докторша вспыхнула и замялась. Да что не так было в той воде?

– Ну, прости... Я это зря. Не удержалась.

Устало выдохнув, Карпов бросил на меня странный взгляд.

– Я об этом еще пожалею... Ладно.

– Что «ладно»? – с изумленной надеждой в голосе пролепетала госпожа Пламберри.

– Я готов обучать мисс Дэлориан дополнительно. Скажем, пару раз в неделю, по вечерам. На большее у меня нет времени. Ты довольна?

Демон сверкнул на Мари глазами, и пожилая дама отчаянно закивала. Что до меня, то я от неожиданности поперхнулась собственным сердцем.

– При условии, что упрямая мисс сама изъявит желание заниматься. Со мной.

– Она не изъявит! – огрызнулась я и мотнула головой.

Добровольно я в эту петлю не полезу, придется запихивать силой.

– Я за вами бегать не собираюсь, мисс Дэлориан. Даю неделю, чтобы принять решение и высказать свое желание. Потом предложение отменяется.

Крестный с довольным видом откинулся на спинку кожа-

ного кресла и потер морщинистые руки, как будто сам придумал «гениальное» решение. Хотя за все время сказал только «Хм» и даже жестами не участвовал в перепалке. Это было очень... по-ректорски.

***

Что бы там ни думала обо мне Джен, но головой я стукнулась давно, и с тех пор «малиновое желе» пришло в норму и прилично функционировало. Так что я даже размышлять о предложенных дополнительных занятиях не собиралась. Оправданный риск от откровенного самоубийства я пока отличаю.

Хотя бросать медицину, особенно после слов Мари о мифическом таланте, было обидно. Впервые за шесть лет появился шанс доказать, что и выпускница «Эншантели» чего-то стоит... Кому? Я и сама не знала. Впрочем, один мрачный вариант торчал на поверхности.

Мысли свои я заняла совсем иными вещами. Достала из-под подушки потрепанный блокнот в синем переплете и открыла посередине. Вчера я вписала в него три загадки, на которые не нашлось ответов.

Шесть лет в «Эншантели». Почему и от кого меня прятали?

Печать запрета Аманды. Какую тайну охраняет?

Преследователь в парижской подворотне. Кто он и чего хотел?

Рука сама взялась за перо и вписала рядом слова Артура о

том, что «в мире случаются недоразумения». Стоило ли добавлять сюда появление дестинского дара и смерть родителей, я не знала. Связи не было, но интуиция кусала за пятки и подталкивала к блокноту, заставляя в уголке вписать и эти два факта.

А еще магическая война, о которой говорили Джен и, будь он не ладен, Карпов. И враг, который вышел из тени и ищет сокровище. И огненная сфера в первый день учебы. И случайные тигры в Академии... И жуткие пророчества Дорохова. Стоп! Все это никак не могло быть звеньями одной цепи.

Объявить себя причиной всех бед в мире – отличный повод наведаться в психлечебницу. Этаким «комплекс гвоздя в ягодичной мышце мироздания». Но железная извилина никак не могла ухватить, какие факты относятся к моей тайне, а какие – к чужим. В итоге плюнула и выписала на отдельный лист все странности, происходившие вокруг. Даже для дурацкой истории с обезволивающим вином нашлось крошечное местечко.

А что, если я – какой-то заколдованный вселенский магнит для неприятностей? И все, кто рядом, подвержены опасности?

Тогда прятать меня где-нибудь подальше от невинных жертв – оправданный шаг. Например, в горах, или в темнице строгого режима, или в лаборатории в роли подопытной мышки... Но вместо себя я спрятала блокнот – под подушку.

***

У смертельной пляски с саблезубой тигрицей был один положительный эффект. Из-за происшествия в фойе все позабыли о другом, не менее опасном танце. Из неудачницы, выудившей самый худший лот из зачарованного цилиндра, я превратилась в невинную жертву обстоятельств. Даже скользкий Бехтерев, крутившийся теперь подле Джен, примирительно заметил, что я «неправильная дестинка» и Судьбе, как видится, на меня начхать.

Если кто и задавал вопросы, то только связанные с размером лап и клыков, цветом глаз и запахом из пасти. И лишь Энди, выловивший меня в среду после лекции Осворта, поинтересовался самочувствием.

– Сильно перепугалась? – заботливо спросил Макферсон, когда мы отошли подальше от толпы.

– До чертиков, – призналась я парню. – Она была такой громадной.

– У тебя теперь аллергия начнется на диких кошек, – хрипло пошутил Энди.

– Ты был прав начнет красного платья и хищников... Ее я точно привлекла.

– Прости, я совсем не то имел в виду. А получилось глупо. На уроке Валенвайда Энди занял соседний стул, всем видом намекая, что теперь планирует меня охранять. Если не от тигриц, то хотя бы от престарелых вампиров.

Бледный старец рассказывал о темном воинстве Августуса Блэра, обрушившемся на магический мир двести пятьде-

сят лет назад. Мотивы харизматичного забияки, похитившего сердце графини Воронцовой, а потом нагло вынудившем ее выбирать сторону, остались для меня загадкой. Вампир что-то говорил про возвращение к истоку Магии, очищение первой крови, восстановление сломанных даров и скрепление черного волшебства.

Но меня больше волновали две красивые руки, сцепленные в замок в полуметре от меня. И темные волоски, виднеющиеся из-под манжет белой рубашки.

Вспомнилось, как утром встреченный мной в фойе Эйвери признался, что "хвостов" не нашли. То есть тигриные, конечно, остались при хищниках, а вот детективные...

– Магический след умело подчищен, обрывается сразу у порога. Злоумышленники действовали грамотно, – сетовал Айзек, меряя размашистыми шагами парадный коридор. – Не удивлюсь, если среди них был маг-дрессировщик или работник заповедника... А то и службы отлова волшебных тварей.

Словом, очередной тупик.

Было ли мне страшно и тревожно? Конечно. Но не из-за тигрицы: ее вдруг стало жаль. Еще одна жертва обстоятельств, кем-то пойманная и запертая в клетку.

Нет, меня беспокоили слова Дженни о войне. Вот только страх был необычным. Холодным, расчетливым, рациональным. Голова понимала, что нужно бояться, и мозг услужливо посылал сигналы на выработку правильных гормонов. Я

мыслила трезво и спокойно, а моя неслучившаяся истерика возмущенно побулькивала под коркой льда.

И когда я превратилась в замороженный полуфабрикат?

Не то, чтобы меня совсем не интересовало долгое и счастливое будущее. Мне нравилось дышать, переставлять ноги по влажной земле, вслушиваться в трескотню сонных птиц... Просто все эти эмоции, некогда сильные, поступали дозированно. Будто их кто-то прикрыл пуховым одеялом или обмотал в толстый слой застывающего парафина.

Только Карпову удавалось выводить меня из себя настолько, что кулаки чесались. Только в перепалках с ним кровь бурлила, сердце заходило в потном галопе, рот наполнялся вспененной слюной... Рядом с ним я чувствовала по-настоящему сильно. Ярко, живо, яростно. Внутри плясал огонь, растапливая лед и заставляя стекать по артериям прозрачными струйками.

Последний раз меня что-то так же сильно волновало шесть лет назад. Тогда Тильда «наказала» Ребекку. Двенадцатилетняя я всерьез раздумывала стащить у завхоза топорик и пойти вершить месть.

Я даже пробралась ночью во двор. Подслеповатый месье Рошан застукал меня в сторожке, служившей хранилищем для всякой ненужной дребедени, с топором наперевес. И заржал как конь. А потом отобрал орудие мести, выволок за ухо и тащил так до самой спальни. Лишь перед дверью нашептал:

«Поправится твоя подружка, не дури. Порыдает неделю-две и забудет. Ты слишком мелкая, чтобы воевать с целой армией. Глупая пташка. Не подпали крылышки. Вот вырастешь... Свалишь из этого гиблого места... Там уж войю сколько хочешь».

И вот – в магическом мире война. Настоящая, а не воображаемая. А я все еще крошечная, хрупкая птаха, не способная высечь боевую искру из игрушечного жезла.

Перед прикрытыми глазами встала зловонная пасть тигрицы... Но кому скажи – не поверят: ни злости внутри, ни обиды. Только легкий испуг, смирение и равнодушие.

И все-таки, когда я так замерзла?

Три месяца в интернате лишь всколыхнули угасающее пламя. Леденеть я начала намного раньше. Гибель родителей была глупой и нелепой. Чем больше я о ней думала, тем сильнее удивлялась. Не настолько мы богато жили, чтобы привлечь внимание вооруженного грабителя! А отец... Вот зачем он стал играть в Рэмбо и разряжать в того типа обойму резиновых пуль? Я даже не знала, что у него есть оружие. Мой интеллигентный папа хоть и имел рост под два метра, но был мирным, как травоядный динозавр!

Чувство вины тоже успело притупиться. Той ночью я сбегала в соседний дом к подруге: Вив подарили игровую приставку, и нам не терпелось ее протестировать. Это был первый раз, когда Судьба решила меня защитить, не подумав о других.

Утром нас разбудила мадам Виэль, вся всклокоченная, дерганная, с визгливо срывающимся голосом и с серыми тенями в половину щек... За ней в девичью спальню вошло трое мужчин в форме. Никогда не забуду, как абсурдно они смотрелись в розовой комнатухе.

Уже потом я узнала, что драка случилась в моей спальне. Так законники поняли, что должен быть еще ребенок, и принялись искать по всей округе.

Грабитель заплутал в лабиринтах дома, отец побежал защищать дочь... Может, даже успел порадоваться, что я нарушила запрет и сбежала к Вив. Вернуться к себе мне не разрешили. Поэтому от прежней жизни у меня остались только лиловая пижама с серыми кроликами, бордовая лента для волос и белые кроссовки. И кусочек льда, разраставшийся в сердце.

А потом...

Бурный магический всплеск сменился апатией.

Шесть лет в «Эншантели» слились в одно вязкое, серое, пресное пятно. Механическое существование. Жизнь с опцией круиз-контроля: нажал кнопку и катишься вперед, не меняя скорость даже на крутых поворотах. Раз в два месяца я писала тете, послушно наряжалась в присланные платья и почти не интересовалась волшебным сообществом, в которое случайно угодила. Изредка меня разбирало любопытство, я отправлялась на какую-нибудь магическую экскурсию... Но уже через час оно угасало, и я спешила в свою ра-

ковину.

Кажется, я привыкла, что в моей жизни или не происходит ничего, или, если уж что-то случается, то запредельно гадкое и страшное. Судьба-покровительница? Да что вы говорите? Не будь так грустно, я бы даже посмеялась.

Я снова перевела взгляд на руки Энди. Он был расслаблен, вальяжен, уверен, и рядом с ним в тело просачивалось спокойствие. И подняла глаза и задумчиво ему улыбнулась. Ладно, кое на какие бонусы Судьба все-таки расщедрилась.

***

После незабвенных фокусов, продемонстрированных Карповым на первом уроке «Магического противостояния», утро понедельника у всех начиналось с панического мандража. Но вариантов не было, и все понуро плелись в кабинет практической магии.

На этот раз Демон предложил разделить на две команды. За секунду до того, как он разбил толпу струей алого дыма, Дорохов выдернул меня из кучки девиц и перетащил на свою половину. Я не стала расстраивать усталого аристократа, объясняя, что тем самым он подложил своим соратникам огромную свинью. В итоге я, Елисей, Вика и «пышногрудая Сюзии» оказались по одну сторону баррикад, а Бехтерев, Рашель и Кристина – в команде противников.

– Высечение молнии! – гулко провозгласил Карпов. – На доске – формула атакующего заклинания «Иклериа». Она простая, вся сложность – в точности и последовательности

движений. Чуть меньше скорость выпада, чуть ниже укол – и ничего не выйдет.

Ух ты, карманный электрошок! То, что нужно Милым Ле-ди против злодеев из темной подворотни.

– Чтобы вас мотивировать, придадим занятию дух состязания, – продолжил Демон. – Ученик, первый высекавший электрическую искру из жезла, приносит победу всей команде.

– А какой приз? – воскликнула Сюзанна.

– Отсутствие наказания, мисс Бэггинфорт. И, если мне все понравится, принесший победу студент получит черный камень. Проигравшая команда сегодняшней вечер потратит на уборку кабинета зельеварения.

Послышались стоны и охи, а меня разобрал смех: я уже столько раз отдирала ползающую слизь, что лишняя пара часов мне жизнь не испортит. Даже фирменный секрет могу раскрыть, как с ней быстрее сладить.

– Мощностъ удара молнии напрямую зависит от опытности мага и силы жезла. Поэтому, будем надеяться, что до убийства сегодня не дойдет, – сдобрил черным юмором и без того невеселую перспективу Демон и принялся показывать порядок движений. – Резкий круговой замах, выпад снизу, укол на двенадцать часов. Формула произносится частями, пошаговая инструкция на доске.

Следующие полчаса я провела в дыму и копоты, лившимся из жезлов вокруг. Палочки плевались какой-то черной

субстанцией, извергали сажевые облака, брызгали соленой жижей... Вика даже умудрилась вызвать рой комаров, который тут же вылетел в окно. Искр не было.

– Пауза! – объявил Демон и подошел со спины к Кристине Конюховой. – Каждому покажу один раз, не запомнили – ваши проблемы.

Крепко обхватив руку моей соседки, Карпов принялся чертить в воздухе круговой узор. Судя по накотившей бледности, Крис планировала упасть в обморок. Едва профессор отошел, девушка прислонилась к стенке и тяжело задышала. Следом досталось Рашель: ее бросило в жар, щеки по оттенку сравнялись с краснотой волос, пальчики задрожали... И мисс Рид выронила палочку.

– Как неловко... Уверен, с тряпкой в кабинете зельеварения выйдет лучше, – ехидничал Карпов, направляясь к очередной жертве.

В течение пятнадцати минут я наблюдала тысячу и одно проявление ужаса от прикосновений Мрачного Демона. Кто-то белел, кто-то синел, кто-то зеленел... У парней холодели руки и подкашивались ноги, девицы норовили терять то палочки, то сознание, а одна, прикрыв рот ладонью, выскочила за дверь.

В нашей команде тоже нашлись слабонервные. Вика Добрева шарахнулась, покрылась розоватыми пятнами и стала задыхаться еще до того, как профессор к ней притронулся. В итоге Карпов махнул рукой и пошел дальше. Дорохов пе-

ренес экзекуцию стойко, но едва Демон отошел, брезгливо передернул плечами. Сюзанна кусала губы и что-то нервно лепетала, в итоге вырвала руку на половине замаха.

Мне даже любопытно стало, какой вариант изберет мой слабохарактерный организм. Но реакция оказалась непредсказуемой. Никакой. Наверное, во время танца у меня образовался стойкий иммунитет. Ладонь у Демона была горячей и мягкой. Током он не бился, кровь не пил, энергию не вытягивал. Я даже смогла сосредоточиться на движениях.

– С началом формулы – резкий замах по кругу, выпуклый, ажурный, – тихо бормотал он, удивленно приподняв бровь и сжимая мое запястье.

Прикосновение отдалось теплом и напомнило о чем-то важном, давно забытом. Странное чувство, как и в Пункте связи, вдруг окутало сознание. Кто-то другой вот точно так же держал мою руку и что-то показывал. Тот же самый, кто говорил со мной о жалости и сострадании. Кто? Какой-то мужчина. Но не отец... И не крестный... Почему я не помню его лицо?

«Замах по кругу... Выпуклый и ажурный...»

В глазах потемнело. Слова доносились откуда-то изда- лека, они звучали приглушенно, погребенные под ворохом ненужных воспоминаний. Под другими – одинокими, холод- ными, грустными, – лежало одно, но очень теплое. Оно рва- лось на поверхность, барахтаясь, путаясь в чужих голосах... Кто этот человек? Почему я его забыла?

Лица нет, только голос. Вот он, льется из темноты, бархатный, густой, смеющийся... Теперь его хорошо слышно.

«Глупая, ты не знаешь, как выглядит круг?»

Не издевка, а добрая шутка. Звонкий девичий смех, суета, шуршание тканей...

«Дурак! Конечно, знаю. Но мне страшно»

«Будешь бояться магии, трусиха, – останешься жить в шкафу»

«В этом?»

«Да хоть даже и в этом...»

«Тогда я очень, очень боюсь магии!»

Кто ты? Почему я тебя не помню?

Золотое свечение, выпрыгнувшее из жезла, окрасило мрак рыжим всполохом... На секунду вспыхнуло огнем красивое, молодое лицо... Совсем, на первый взгляд, незнакомое, улыбающееся. Выходит, в моей жизни данным давно был еще один мужчина, – не крестный и не отец, – и он знал, что я волшебница?

– Вы тоже планируете упасть в обморок, мисс Дэлориан? – строго вернул меня к действительности Мрачный Демон, вырвав из теплого детского воспоминания.

В растерянности я обвела глазами зал. В руке пусто. Палочка на полу. Уронила!

– Простите, мне... Голова закружилась. Покажите еще, пожалуйста, – сишло пробормотала я, подняв жезл, встряхнувшись и собрав в кучку остатки «малинового желе».

Задумчиво хмыкнув, Демон все же соизволил еще раз показать цепочку действий. А затем предложил повторить самой, но уже с формулой. Пока он стоял над душой, ничего не получалось, но стоило Карпову отойти... Наконечник палочки заискрился голубым и с уколком послал тонкий, зыбкий, но определенно электрический лучик. На противоположной стене осталась крошечная выбоина, сила удара была невеликой. Дорохов довольно присвистнул, Вика облегченно выдохнула.

– Ваш «игрушечный жезл» на большее и не способен, я не зря упоминал мощность палочки, – заворчал вернувшийся профессор, не слишком ошарашенный моим успехом. – И все-таки это была «Иклерия». Поскольку я не до конца удовлетворен результатом, предлагаю выбрать что-то одно. Или отсутствие наказания для команды, или черный камень – лично вам.

Демон-Искуситель! Он же с самого начала это задумал! Представлять белоручку Сюзи, отдирающую вонючую зелень от столов, было приятно... Но Вике и Елисею я такой участи не желала.

– Команда, сэр, – грустно выдохнула я, упустив, по всей вероятности, свой единственный шанс заполучить агат в коллекцию.

Довольно усмехнувшись и объяснив проигравшей команде, что ожидает ее после ужина в месте скопления зеленой слизи, Карпов покинул кабинет. Я разочарованно принима-

ла поздравления и дружеские тычки от внезапных соратников и глядела на захлопнувшуюся дверь... Как вдруг, не до конца еще понимая, зачем это вытворяю, выскочила в коридор и побежала следом.

Глава 13. Черный тюльпан

Меня пинала Судьба, гнала интуиция... и тот человек из воспоминания. Откуда-то я точно знала, что он не хотел бы, чтобы я бросила начатое и отказалась от медицины после первой же трудности. В голосе из темноты было столько тепла, столько веры в меня, в мою силу... Я его забыла, но предавать не хотела. Может, он и сам меня давно не помнит. Может, и нет уже на свете того искренне смеющегося молодого мужчины. Кто знает? Столько лет ведь прошло.

– Стойте! – Догнав стройный черный силуэт, я схватила Карпова на локоть и не особо вежливо развернула к себе. – Я согласна на ваши чертовы дополнительные занятия.

Дыхание сбилось после внеплановой пробежки, грудь ходила вверх-вниз по умопомрачительной траектории, половину лица застилала выбившиеся пряди. Теперь я боялась, что он откажется, – слишком уж грубо отозвалась о его предложении неделю назад.

– Ммм? – Карпов сделал вид, что не понимает, о чем я. Тем не менее, не ушел, а смотрел выжидающе и с издевкой.

– Ладно... Да... Я изъявляю свое желание их посещать, – покорно пробормотала я, сдувая со лба упавшие волосы.

Продолжая тяжело дышать, я смотрела в упор на хладнокровное лицо. Ни один мускул не дрогнул! Мрачной статуей

Демон застыл в ожидании и никуда не торопился. Фыркнув, я собрала волю в кулак.

– Я хочу заниматься дополнительно. С вами.

Надменно задрав подбородок, Карпов прищурился и оценивающе глянул на мою раскрасневшуюся, запыхавшуюся физиономию. Его губы дрогнули в мимолетной улыбке, но затем лицо снова застелило холодом. Задумчиво проведя пальтерней по своим черным волосам, профессор кивнул – сухо и равнодушно, – развернулся и пошел прочь. Через секунду стены коридора донесли его слова:

«По понедельникам и средам, в семь вечера, в моем личном кабинете. Это четвертый этаж, мисс Дэлориан. Опоздаете или прогуляете хоть раз – и больше можете не появляться. И да, сегодня – понедельник».

***

Вечером того же дня я на ватных ногах поднялась на четвертый этаж и встала перед подозрительно обычной деревянной дверью, ведущей в логово монстра. В этой части коридора было пустынно: никто из «зазнаек» не стремился оказаться в опасной близости от собственного куратора. Робко постучав, дернула ручку и просунула голову в кабинет. Пусто.

Благоразумная часть меня предложила сбежать, пока не поздно. Или хотя бы подождать под дверью. Но Французская Дура, беззаботная Милая Леди и литр малинового желе, засевшие в оранжерейных мозгах, взяли руководство телом на себя. Так что я вошла внутрь.

У самого входа стоял чистенький зельеварительный стол с колбами и хрустальной чашей, рядом с которой громоздилась стопка книг. «Занимательная ботаника для юных волшебников», «Магические снадобья, 1 курс», «Волшебные травы и их свойства, 1 курс», «Как приручить дикие растения: справочник первокурсника». Профессор приготовил мне развлечения для тринадцатилетних.

Пустой продолговатый кабинет манил сокрытыми секретами. Что за скелеты прячет Карпов в своем шкафу? Может, именно он хранит тайну, способную меня убить? Миновав пыточный столик, я тихонько прошла вдоль серванта со склянками и коробками и приблизилась к рабочей зоне. Аскетично и практично – двух слов для описания комнаты преподавателя достаточно.

Лампа на столе освещала старинную рукопись с набросками диковинных растений, стопку чистой бумаги и изящную серебряную шкатулку. Нагло усевшись в профессорское кресло, спиной к окну, я оперлась локтями о столешницу и принялась усердно бороться с любопытством. Драгоценная коробочка в демоническом логове смотрелась вызывающе странно...

Крышка распахнулась с мелодичным звоном. В обитой черным бархатом полукруглой нише лежал крошечный стеклянный сосуд с агатовой пробкой, наполненный чернильного цвета жидкостью. Временно оглохнув для голоса разума, я позволила рукам потянуться и взять симпатичный бутылек.

На нем был выгравирован цветок тюльпана. Какая восхитительная, тонкая работа! Густая жидкость маняще перекатывалась по стенкам сосуда, оставляя за собой маслянисто-радужный след.

Аккуратно выкрутив пробку, я поднесла ее к носу, и легкие наполнил дивный цветочный аромат. Узнаваемый запах распустившихся тюльпанов сочетался с терпкими нотками бергамота и почти неуловимым гвоздичным нюансом. С крышки упала черная капелька и оставила предательскую кляксу на белой бумаге. Вот черт! Если попадусь – мигом на корм троллям отправят...

– Медленно закройте сосуд и положите на место. Постарайтесь не пролить, мисс Дэлориан, – загробным голосом проговорил Карпов, тенью возникший в дверном проеме.

Я вздрогнула, и с пробки на чистый лист упала еще пара капель. Профессор выругался так громко и закручено, что душа ушла в пятки.

– Я сказал медленно, Анна! – нервным рыком огласил кабинет Мрачный Демон и стремительно подошел к столу. Его лицо стало блее обычного, из-за чего глаза показались зияющими черными дырами.

Плотно сжав задрожавшие губы, я аккуратно завинтила крышку, сунула сосуд в шкатулку и с незапланированно звонким хлопком ее закрыла. Кажется, профессор собирался меня убить, не дожидаясь прихода троллей. Я виновато уставилась на испорченную кляксами бумагу: неужели эти

капли были такими ценными?!

Ухватив заляпанный лист за краешек, Карпов бросил его на старый металлический поднос и поджог искрой из именного жезла. А затем снова выругался, суровее прежнего. Озадаченно взлохматив черные волосы, мужчина упал в кресло для посетителей, слегка прикрыл глаза и уставился на меня из-под опущенных ресниц.

– Я делал в жизни много ужасных вещей. Отвратительных, постыдных, бессовестных. Но наказание в виде вас, мисс Дэлориан, кажется чрезмерным даже для меня, – сипло пробормотал профессор после минутного молчания. – Видит бог, за всю практику преподавания вы – первая ученица, без спроса вошедшая в Мой кабинет, усевшаяся за Мой стол и залезшая в Мои вещи. До этого вечера желающих не находилось.

– Подвал номер два? – прошептала я, скривившись в извиняющейся улыбке.

– Это был «Черный тюльпан». Самое смертоносное зелье на планете, – безжизненным голосом проговорил Карпов и в неопределенном жесте махнул перед собой рукой. – Убивает одна капля. В течение пары секунд, едва попадет на кожу или в рот. Рецепт давно утрачен... В мире осталось всего несколько таких сосудов.

Дурнота накатила так резко, что я пошатнулась в кресле и едва не улетела на пол. Если он не блефует, я могла умереть... трижды?

– Какого черта оно так вкусно пахнет? – оскорбилась я лицемерием со стороны смертельного зелья.

– А по-вашему, яды должны вонять аммиаком или сероводородом?

– Могли бы хоть череп нарисовать, а не тюльпан! – продолжила хрипло возмущаться, борясь с тошнотой. – Зачем вы вообще такое храните?

– На случай, если будете мне сильно досажать, – язвительно проворчал Карпов. – Берите учебники и идите читайте. До среды – по две главы из каждой книги. Думаю, на сегодня зелий хватит с нас обоих.

Не веря, что осталась безнаказанной за опасную выходку, я на ватных ногах бросилась к зельеварительному столу. Сунув увесистую стопку учебников подмышку, направилась к двери...

– Стойте. Вместо наказания хочу получить от вас одну услугу, – окрикнул профессор. Он уже сидел за своим столом, листая дряхлую рукопись. – Вы сказали, яд вкусно пахнет? Признаться, я уже пару дней не решаюсь открыть... Слишком много магов умерло в средние века от нелепой неосторожности и при странных обстоятельствах. Существует поверье, что «Черный тюльпан» сам избирает жертву, если считает ее достойной кары. Был ряд занятных случаев, когда погибал отравитель, а намеченная цель невероятным образом выживала.

Дыхание предательски перехватило, ладони превратились

в ледышки.

– Возможно, вас оно решило помиловать – на первый раз, – криво ухмыльнулся Карпов. – И уж коли вы умудрились заглянуть в глаза смерти... Снова... Опишите аромат своими словами. Чтобы мне не пришлось рисковать жизнью и ставить под удар ваш единственный шанс сдать промежуточный экзамен по снадобьям.

– А вы считаете себя достойным кары?

Я заглянула в черные глаза. В них плескались отголоски боли и вины, прикрытые глянцевым налетом равнодушия.

– Вне всяких сомнений, мисс Дэлориан. Так что, поможете с описанием?

– Оно пахнет тюльпанами, бергамотом и немного гвоздикой. Аромат утонченный, цветочный, глубокий, не приторный. Получились бы прекрасные духи – жаль, что от них пришлось бы сразу умирать, едва нанесешь на кожу...

***

Густой мрак осеннего вечера плотным покрывалом стелился за окнами Академии. Мерный треск соседок, болтавших обо всем и ни о чем, служил приятным фоном для унизительного чтения учебников Карпова. Вчера после истории со смертоносным зельем я не смогла осилить ни строчки, и приходилось спешно наверстывать. В увеселительной ночной программе также значились конспекты для Осворта и Валенвайда, отложенные на последний день, и сочинение для зеленевласой дриады.

Рашель принялась шумно высмеивать Ваню Караваева, припоминая его нелепый вид на балу. Оказывается, парень давно пытался за ней ухаживать, и даже рискнул попытаться счастье с дурацким цилиндром. Соседки плавно свернули на тему танцевальных фантов, обсуждая наиболее смешные пары, лапы и хвосты... Чувствуя, что вот-вот они подберутся к моему фиаско, я бросила в сумку учебники и тетради и с виноватой улыбкой выскользнула в коридор.

В эту же секунду в противоположном его конце мелькнула узнаваемая фигурка Присциллы Пруэтт. Опять свидание? Вот неугомонная! Ладно, сегодня мне проблем и без зеленоглазого дьявола в юбке хватает. Но в следующий раз обязательно прослежу. Из вредности и в качестве мести за злосчастный цилиндр.

План моего побега из Академии созрел сам собой. «Эта дверь для тебя всегда открыта», сказала Джулия. Отличный повод проверить, работает ли выданный ключ.

Оказавшись на обдуваемом всеми ветрами пороге краснокирпичного дома, я поежилась и поскорее стукнула жезлом в дверь. Та послушно отворилась, приглашая меня в темное, тихое и абсолютно пустое пространство чужого дома. Идеальное.

Заварив себе кофе и разведя огонь в камине, я разбросала на ковре конспекты и устроилась на бордовом диване со «Справочником первокурсника».

Лимит в два главы из каждой книги был определен верно:

ровно на этом месте каждый раз начинали закрываться глаза. Отложив усвоенную «Занимательную ботанику», я сладко зевнула... да так и замерла с открытым ртом.

В пыльном воздухе гостиной, подсвеченный пламенем из камина, стоял укутанный в черное пальто Демон. На мое счастье, не настоящий, а академический. Минуту назад его тут не было. Не слепая, заметила бы. И дверь не хлопала.

– Вы как сюда попали? Мимо порога?

Я часто поморгала, не уверенная, что вижу реального человека. Из-за трех часов чтения я вполне могла сойти с ума.

– «Мрачным Демонам» не писаны законы мироздания, – с трагическим пафосом заявил профессор и сдобрил фразу едкой ухмылкой. Кажется, он был в курсе своего прозвища, и не слишком расстраивался по этому поводу.

Деловитой походкой Карпов прошел на второй этаж, а через пару минут спустился оттуда с парой старых карт и снова заглянул ко мне.

– Вам не следует сегодня здесь находиться, мисс Дэлориан, – бросил профессор, застыв в дверном проеме. – Давайте я провожу вас в Академию. Эйвери уже запер двери.

– Не нужно, я останусь тут, – сварливо пробормотала я, притянула следующий томик занимательного чтения и потрясла в воздухе пачкой тетрадей. – У меня насыщенная программа на эту ночь, не хочу мешать соседкам.

– Ваше упрямство выйдет боком... когда-нибудь. Ночь – время для чудовищ. И для крепкого сна, – заявил профессор

и подошел к окну. – Красивая. И Зловещая.

Полная луна дружелюбно заглядывала в гостиную, застилая пол серебряным ковром. Ничего пугающего я в ней не находила.

– Просто красивая. Вечно вы сгущаете краски.

Карпов с интересом глянул на меня, прищурившись и откинув голову назад, а затем ехидно улыбнулся.

– Ладно, это будет даже забавно. Пишите свои конспекты, упрямая мисс. Спокойной ночи.

Мрачный тип растворился в воздухе так же, как появился: даже моргнуть не успела. Ну точно демон.

***

После третьей чашки кофе и двух глав «Волшебных трав», я поняла, что, если не встряхнусь, то усну прямо на коврик, как пригретая дворняжка. Соорудив на диване пирамиду из тетрадей, книг, карандашей и палочки, я встала и подошла к окну. Роскошным блином в черном небе торчала Луна. Наверное, когда ты мрачный внутри, то и снаружи все тебе кажется зловещим, пугающим... На деле же пейзаж выглядел великолепно: спокойно и умиротворяюще.

Ровно до той секунды, пока я не перевела взгляд на выкошенный участок поля за окном, чем-то напоминавший ухоженную лужайку. Сердце сделало последний удар, кувыркнулось и окаменело.

Из темноты на меня глядели два огненно-желтых глаза. Таких ярких и острых, что раздирали ночь на куски.

Те волки, что бродят по вольерам в зоопарках, совсем другие. Этот был крупнее, мощнее и красивее, с прижатыми к голове ушами и золотисто-желтой шерстью, пронизанной серебряными нитями. Зверь сделал пару шагов вперед, силась получше рассмотреть застывшую у окна фигуру. Затем издал грозный рык и осклабился.

Я зажала рот обеими ладонями, чтобы сдержать вопль, хотя его все равно бы никто не услышал. Спина покрылась ледяной испариной, губы задрожали... Так не бывает... не бывает... чтобы после тигров сразу волки... И на этот раз я была точно одна.

Тряхнув лохматой головой, волк фыркнул и снова уставился на меня, не моргая. Могла поклясться, на его морде было написано негодование и возмущение. Он взрыл когтистой лапой землю, и снова рыкнул. А затем кивнул мордой в сторону входной двери. Предлагал впустить его? Или выйти самой? Ага, сейчас, уже бегу.

С тихим стоном я опустилась на пол и прижалась к стене. Если меня чему и научила история о Красной шапочке, так это тому, что нельзя приглашать волка в дом. Вот только его запустил кто-то другой. Потому что через две минуты зверь вальяжной поступью вошел в коридор, просунулся в проем гостиной и с недобрый оскалом снова уставился на меня.

Палочка валялась у камина в стопке тетрадей, убежать на ватных ногах я далеко не могла. Трясущейся рукой смахнула с щек слезы, обхватила колени и крепко зажмурилась. Если

он планирует меня сожрать, пусть делает это быстро.

В нос ударил аромат мокрой шерсти, и что-то мягкое уткнулось в ноги. Послышался суетливый шорох и ерзанье. Приоткрыла один глаз: волк улегся мохнатой мордой прямо на мои ступни и что-то жалобно, почти по-человечески проскулил.

– Ты не собираешься меня есть? – сосредоточенно сдвинув брови, сипло спросила неожиданного косматого гостя.

Тот гневно фыркнул и поглядел, как на сумасшедшую. То ли намекал, что на диете, то ли считал напуганных до чертиков старшекурсниц невкусными.

Стараясь не шевелиться и едва дыша, я застыла белоснежной греческой статуей – уверена, кровь как раз отлила от кожи для довершения сходства. Минут через десять волк сомкнул веки и принялся похрапывать, издавая моментами какие-то скулящие смешки. Похоже, ему снилось что-то веселое.

Это был мой единственный шанс на побег. Медленно и филигранно, как заправской медвежатник, я вытянула правую ступню... Зверь тут же недовольно поднял голову, басисто рыкнул и переместил ее на мои колени. Ах, да чтоб тебя!

Он недобро оттопырил верхнюю губу и продемонстрировал ряд желтоватых зубов. Похоже, требовал извинений. Хотел, чтобы погладила? Может, у лохматого парня хронический недосып, а я его потревожила. Смирненно опустив дрожащую руку на морду, я едва ошутимо провела пальцами по

шерсти. Она оказалась не жесткой, а шелковистой, точно после собачьего шампуня с кондиционером. Да и пахло от него приятно, не какой-нибудь мокрой псиной...

Волк с довольным видом поплотнее ткнулся головой в ладонь. Судорожно выдохнув, я запустила пятерню в густую шерсть и ласково потрепала вокруг ушей. Да, это ему понравилось. Огромный дикий пес что-то блаженно прорычал и благодарно посмотрел в глаза. Взгляд был таким человеческим, что я легко могла разобрать эмоции. Невольно улыбнувшись, – будто не сидела в обнимку с опасным хищником, – я погладила увереннее. Черт, у меня даже собаки никогда не было, а тут целый волк!

Так мы и провели остаток ночи, укутанные лунным серебром, сочившимся из окна в гостиной. Зверь прижимал меня к полу лохматой головой и не давал удрать. Я нежно поглаживала его шелковистую шерсть. Рядом с ним было тепло и почти уютно. Настораживали только огромные клыки, то и дело выглядывавшие из пасти. Они были отменной остроты.

В янтарных глазах мелькало смутно знакомое выражение. И к рассвету я перестала его бояться.

– Это из-за Луны, да? – шепотом пролепетала я, глядя на звериную морду.

Волк внимательно уставился на меня, ослабилась и согласно кивнул. Из окна упали первые лучи солнца, и мохнатое лицо начало приобретать черты человека. Зверь пригнулся, тихонько рыкнул и со знанием дела двинулся по лест-

нице на второй этаж. Я тоже поднялась, отряхнулась и пошла на кухню. Теперь это мой девиз: «В любой непонятной ситуации – вари кофе!» После столь шокирующей новости мне нужна была ударная доза стимулирующего напитка.

– Ну как, вы уже достаточно напуганы, чтобы ответственнее относиться к моим урокам?

На пороге кухни, в драных джинсах и потертом бордовом свитере, стоял мой куратор. На щеках профессора Осворта еще оставались клочки золотистой шерсти, улыбка напоминала волчий оскал.

– Подумала, если сварю кофе, вы передумаете меня есть...
– не слишком уверенно пошутила я.

Преподаватель отрывисто рассмеялся, издавая какие-то лающие звуки, и залихватски почесал себя за ухом.

– И давно с вами такое?

– С рождения, мисс Дэлориан. Мать была первокровной волшебницей, так что вервольф я только наполовину.

– А вы пьете какие-нибудь снадобья?

– От чего?

– Ну... От желания есть людей?

Вопрос даже мне показался глупым, но что поделаешь.

– Никогда не пробовал, но не думаю, что люди такие уж вкусные, – обдал меня порцией черного юмора профессор Осворт. – Мне не нужны «лекарства». Разумная, человеческая половинка всегда бодрствует, даже под шерстью. Но мне нравится отпускать поводок и вести дикую, животную

жизнь. Временами.

– Вроде как «высвободить внутреннего зверя»? – добродушно рассмеялась я.

– Верно. В дни полнолуния мы с Мелиссой перебираемся в Пункт связи. Здесь вольготно и безлюдно. По ночам я выбегаю из дома на прогулку. Дверь заговорена и сама открывается передо мной, чтобы я мог зайти внутрь и переодеться.

– Но вы же чем-то питаетесь? Когда бегаете по полям?

– Мне нравятся кролики, – застенчиво пробормотал Ро-мул и машинально почесал короткие, подернутые сединой волосы. – Но здесь водятся только зайцы... Тоже ничего, но жестковаты.

От мысли, что Осворт вгрызается в свежую заячью плоть, начало подташнивать.

– Вы точно не собираетесь меня съесть? – решила я окончательно прояснить ситуацию и вручила преподавателю чашку кофе.

– Нет, Красная Шапочка, – уже совсем по-человечески рассмеялся мой зубастый куратор. – А если вы еще и завтрак приготовите... Знаете, я совершенно беспомощен в бытовых вопросах, а Мелисса с Джулией уехали до выходных.

***

Пока жарила яичницу с беконом, убедила Осворта зачесть мне конспект задним числом. Сам ведь пригвоздил косматой мордой к полу и не дал выполнить задание! А вот сочинение для дриады он за меня писать отказался.

– Как провели ночь, упрямая мисс? – с порога спросил Карпов, с подозрением втягивая воздух, идущий из сковороды. – Неужто не встретили никаких чудовищ?

Демон опять бесшумно материализовался в Пункте связи, с теми же картами в руках. Но глаза его выдали: профессор зашел не бумажки вернуть, а послушать историю с жуткими подробностями и кровавым финалом. Или обнаружить мое хладное, изгрызенное тельце.

– Только вас, сэр, – задиристо хмыкнула я.

Не хотелось признаваться, что меня до истерики напугало ночное происшествие. Сто раз я успела пожалеть, что не послушалась скверного парня и не пошла с ним в Академию. Как ни крути, он успешно проучил меня за упрямство.

Насупившись, Ромул негодуя глянул на Карпова и прорычал почти по-звериному:

– Тебе не кажется, что это жестокая шутка?

– Во-первых, я предлагал ей уйти...

– Не слишком настойчиво, – вставила я.

Было обидно, что он силой не утащил меня из Пункта связи, чтобы оградить от столкновения с вервольфом.

– Во-вторых, некоторым строптивым мисс полезно немножко испугаться.

– Немножко? – Челюсти Ромула грозно щелкнули. – На меня давно не смотрели с таким ужасом!

– Ну, считай, что побывал в моей шкуре, – невесело ухмыльнулся Карпов. – У меня полкласса в обморок попадало

на «Магическом противостоянии».

Это и я могла подтвердить. Падают, еще как. Краснеют, бледнеют, задыхаются. Выбирая из двух монстров, я бы тоже предпочла чесать за ушком куратора. Ах вот, кстати, что за скелеты в шкафу...

– Элоди Брукс даже стошнило в понедельник, – согласно кивая, «поддержала» я профессора. – Она еще час в уборной торчала, вся зеленая.

Тяжело вздохнув, Осворт примирительно хлопнул по плечу Карпова и умоляюще уставился на сковороду.

– Да погодите ж вы одну минуту. И как миссис Абрамс рук на всех хватает... – проворчала я, осознав, что у меня целых два голодных рта, и один из них вообще волчий. – Неужели зайцев не было?

– Был один, но такой шустрый... Не поймал, – мечтательно выдохнул Ромул, и я позавидовала его насыщенной жизни.

Бегаешь себе по лесу, лисиц за хвосты дергаешь, росой умываешься... и никакой тебе зеленой слизи по вечерам. Разделив содержимое сковороды на две равные части, плюхнула завтрак в тарелки и поставила на кособокий стол. Карпов недоуменно вздернул бровь.

– Полагаю, вы зайцев ночью тоже не ловили, – кивнула я на смятые карты. – Не беспокойтесь, если я решу вас отравить, выберу что-нибудь пооригинальнее.

Сама же отправилась в душ – стереть с лица бессонную

ночь и смыть запах волчьей шерсти, страха и пота.

***

Профессоров я застала уже в гостиной, задумчиво склонившихся над потрепанной картой. Побросав в сумку конспекты и натянув кофту, я тихонько направилась к выходу. Озорной голос Осворта застал меня на пороге гостиной.

– У вас очень нежные пальчики, мисс Дэлориан. Уверен, вы достигли бы больших успехов в сфере приручения магических тварей, – заявил куратор. – Только не рассказывайте Мелиссе, умоляю. Она нервничает, если я позволяю себя гладить кому-то, кроме нее.

– Гладить?! – в искреннем недоумении прохрипел Карпов, и я смущенно закашлялась.

– Ты не знаешь, чего лишен... – сипло рассмеялся Осворт и в который раз хлопнул мрачного товарища по спине.

Профессор озадаченно покачал головой и уставился на меня.

– Вы его погладили? Вместо того, чтобы воспользоваться палочкой и послать в клыкастого зверя парочку крепких заклятий?

– Он выглядел дружелюбным, сэр. Такие добрые, грустные глаза... – Губы сами растянулись в ехидной улыбке: растерянный вид Карпова меня развеселил. – Поверьте, вас бы я гладить не стала.

Глава 14. Ночь для чудовищ

Джен в постели была не одна, и я застыла, представив, как из-под ее одеяла сейчас вынырнет черноволосый Бехтерев и вгонит меня в краску. Но над подушкой возвышались две рыжие головы, сосредоточенно глядевшие в книгу. Кажется, подруга изменяет мне не только с горделивым Антоном.

– Ани, это Элайза Рид, моя соседка.

– Рид? Сестра Рашель? – удивилась я, безуспешно пытаюсь найти фамильное сходство.

– Мы с ней совсем разные, – подтвердила мой вывод худенькая девушка, вальяжно откидываясь на подушку. – Она живет в книжках, а я предпочитаю реальность.

Личико Элайзы было сплошь покрыто веснушками от лба до подбородка, но это ее не портило, лишь добавляло самобытности. Золотые брови и ресницы, янтарные глаза, карамельный румянец, бронзовый пожар в волосах... Если старшая сестра – с красной гривой и алебастровой кожей – выглядела утонченно, то младшая являлась ходячим солнцем.

– У нас завтра письменный тест по «Волшебным травам», – выдохнула Дженни, намекая, что если у меня нет тайного оружия против Демона, то пора откланяться.

Сочувственно кивнув, я отправилась в библиотеку, сжимая подмышкой оставшийся учебник с двумя непрочитанными главами. Мне бы это оружие через час и самой не по-

мешало.

***

На зельеварительном столе лежал потертый пергамент, исписанный аккуратным мелким почерком. Рядом стояла коробочка с подготовленными ингредиентами – какие-то разноцветные порошки, жидкости, камни, сушеные листья и корни, запечатанные в колбы и баночки. Одним словом – потенциально новая порция «соплей тролля».

Приоткрылась смежная дверь, и из спальни вышел профессор. Вид у него был не слишком отдохнувший, и потому недовольный. Я вспомнила, что с самого утра ни разу с ним не столкнулась, – невиданная редкость.

– Вы мне дорого обходитесь, мисс Дэлориан, – устало прохрипел Карпов, натягивая пиджак на смятую рубашку. Для человека, всегда одетого как на парад, – отутюженного, гладковыбритого и сияющего чистотой, – это был верх расхлябанности. – Сегодня кого-то из нас ждет веселье. Надеюсь, что меня. Но вдруг вам повезет... Читайте внимательно и приступайте.

Опустив глаза на пергамент, я увидела заголовок: «Иммо-ра».

– Сэр, это... Оно? То самое? Вы говорили, зелье слишком сложное для учеников.

– А вы ожидали, мы будем компот из одуванчиков по вечерам варить? Сложное, потому что студентам негде взять вот это, – от потряс перед моим носом бутылком с надписью

«Кровь суккуба». – В качестве мотивации предлагаю сделку: если правильно приготовите, разрешу попробовать на себе. Если ошибетесь... Это зелье имеет свойство взрываться.

Восторженно прикусив язык, я принялась читать список ингредиентов. О да, теперь я была жестко мотивирована! Мысль о том, что смогу заставить злобного преподавателя танцевать под свою дудку, пьянила. Это же Рождество какое-то!

– Смотрю, вам понравилась идея? В голове уже родился коварный план, как использовать эффект «Имморы»? – ехидно поинтересовался Карпов.

Он него не укрылось мечтательное выражение лица, с которым я вытряхивала в хрустальную чашу порошок Сахарного Миндаля.

– Тысяча планов... Один другого лучше, сэр. – Я мысленно огласила кабинет демоническим хохотом. – Вы правда... дадите попробовать? Если правильно приготовлю?

Насмешливо сверкнув черными глазами, он кивнул. Господи, дай мне мозгов ничего не перепутать! Ну, пожалуйста!

Включив внимательность на максимум, я выискала в коробке остальные ингредиенты и шеренгой выставила их по краю стола. Кровь суккуба, порошок Ламинарии Безвольной, слабый спиртовой раствор, корень Девятисила Могучего, сушеные листья Калгана Летнего.

Подкоптив в чаше миндаль, я щедро плеснула в него спиртом. Следом шла очередь крови суккуба и листьев Калга-

на, которые я принялась пинцетом выуживать из стеклянной колбы. И использованные ингредиенты убирала назад в коробку, чтобы не напутать.

Пергамент, исписанный аккуратной рукой Карпова, услужливо пояснял:

«Проткните кожу девятисильного корня серебряным стилетом, наделенным магией древних рун, и позвольте соку окропить дно хрустальной чаши».

– Кхм, профессор... – замявшись, окрикнула я Карпова, с отсутствующим видом стоявшего у окна. – Стилет... С силой древних рун... Что за зверь такой?

– Возьмите в серванте. Верхняя полка, черный футляр, – не оборачиваясь велел преподаватель.

Высокий шкаф со стеклянными дверцами был доверху забит разномастной магической дребеденью: бутылками с таинственным содержимым, запечатанными коробами, незнакомыми механическими приборами, металлическими шка тулками... Все это громоздилось друг на дружке, намереваясь при неудачном движении рухнуть на пол.

Верхнюю полку занимали книги. Между ними торчал кожаный футляр, старательно перемотанный красным шелковым шнуром. Внутри покоился острый, как шпага, стилет. Длинное серебряное лезвие было исчерчено незнакомыми символами, ажурную рукоять украшали рубины. Опасная штука, но какая красивая!

Сжав стилет в кулаке, я подняла его над невинным кор-

нем, собираясь нанести тому смертельную колотую рану.

– Стойте... Это же не нож для льда! Поранитесь так. – Карпов с обеспокоенным видом подошел к столу и перехватил мою руку за запястье. – Положите корень на ладонь, а стилет возьмите как столовый прибор. Протыкайте аккуратно и медленно... Ну, как будто проверяете мясо на готовность.

– Вы намеренно используете кулинарные сравнения? Чтобы поиздеваться и напомнить мне про «Эншантель»? – проворчала я с возмущением.

– Разумеется, упрямая мисс, – над ухом проговорил Карпов, стоя позади и зажимая моими пальцами стилет в правильном положении. – Должен же я тоже получать удовольствие от наших занятий?

Своей рукой он твердо обхватил мою и направил лезвие под углом в корень Могучего Девятисила. Укол – и на ладонь хлынул густой фиолетовый сок, стекая по запястью в рукав.

– Ровно десять капель в чашу. Считайте, иначе взорвется, – выдохнул Демон в мой затылок, выпустил руку и отошел обратно к окну.

Стряхнув положенное число капель в хрустальный сосуд, я старательно помешала снадобье. Оно получилось симпатичного бордового оттенка, с синеватыми разводами. Совсем не похоже на сопли тролля. Самое время придумывать наказание для профессора.

Торопливый стук в дверь прервал злокозненные фанта-

зии. В проеме показалась аристократичная головка Карамзиной. Дама деловито просунулась в кабинет, без особого удивления кивнула мне и направилась к Карпову.

– Андрей, ты уже в курсе? – дерганым, нервным голосом спросила преподавательница.

– Да, я пол ночи и весь день этим занимаюсь, – туманно ответил профессор.

– Мне стоит принести соболезнования?

– Не нужно, Ксения. Это в прошлом.

В высоковольтном напряжении две фигуры застыли у окна, спинами развернувшись ко мне.

– Смерть Кристиана меняет все! – взволнованно шептала Карамзина в плечо профессора. – Вот, что агентам удалось найти. Рукописи утрачены!

Она потрясла перед ним пустыми кожаными переплетами с тисненными гербами по центру.

– Не думаешь же ты, что Кристиан смог первым их обнаружить? Что в семнадцать, что в тридцать лет он был просто богатым и смазливый болваном.

– Арчибальд оставил ему подсказки, – неуверенно пробормотала Карамзина.

Домешав зелье, я приподнялась на цыпочках, чтобы лучше рассмотреть герб на переплете.

– И ты веришь, что старику Ловетту было дело до его гулящего внука? Мисс Дэлориан, прижмите свои ушки обратно к голове, – Карпов резко развернулся и одарил меня ухмыл-

кой «злого полицейского». – Будете отвлекаться, что-нибудь перепутаете. И веселиться буду я.

Насупившись и поджав губы, я уткнулась в пергамент. По плану был порошок ламинарии, одна унция. Добавить воды и держать под магическим пламенем пять минут, помешивая в среднем режиме.

– Их удары слишком точны, Андрей. Они опережают нас во всем. Такой сплоченности в Братстве не было со времен Арчибальда, – нарушила вязкую, тусклую тишину Карамзина. Ее шепот звучал взволнованно, но твердо. – За все последние годы арканы не доставляли стольких проблем, сколько за этот месяц... Что-то изменилось.

– Какие выводы ты готова сделать?

– Артур прав: у арканов появилась Голова. К оракулу не ходи!

Ксения Игоревна опиралась обеими ладонями о подоконник, будто без этой поддержки давно упала бы. Никогда не видела сдержанную аристократку в столь растрепанных чувствах.

– Есть идеи, кто мог сплотить вокруг себя стадо лицемеров и эгоистов?

– Ни одной. Хотя... – Карамзина подняла голову и вдруг озорно улыбнулась. – За тобой бы они пошли.

– Какая честь! – фыркнул Демон и опять бросил недобрый взгляд в мою сторону.

Все-все, прижала! И не только уши. Кажется, внутри во-

обще все сжалось от давящего напряжения, повисшего в кабинете.

Пока я колдовала над зельем, преподаватели перебросятся еще парой фраз и глубокомысленно замолчали.

– Готово! – удовлетворенно заявила я, наслаждаясь ровным бордовым оттенком свежеприготовленного зелья. И предвкушая расправу.

– Минутку, Ксения Игоревна. Нужно убедиться, что мисс Дэлориан снова с чем-нибудь напортачила, – злорадно оправдался перед Карамзиной профессор и направился ко мне.

Наклонившись над чашей, Карпов втянул воздух и поморщился. Я сникла и вопросительно подняла брови.

– Как я и думал... Не тот цвет и аромат. Что-то вы забыли, – преподаватель разочарованно тряхнул волосами и отошел на пару шагов назад. – Или порошок ламинарии, или кровь суккуба. Вспоминайте.

– Я точно использовала и то, и другое!

– Вы уверены? Готовы дать за это пальчик на отсечение? – язвительно прошипел Демон и кивнул на мои сжатые кулачки.

Опустила глаза на зельеварительный стол: «шеренга ингредиентов» не опустела. С горделивым видом там стоял пузырек с кровью суккуба, намекая на мою оплошность. Странно, я помнила, как брызгала пять красных капель в чашу и убирала сосуд в коробку... Не приснилось же?

– Мисс Дэлориан! Вы ведь планируете стать врачом? Представьте, что от этого зависит жизнь пациента, – раздраженно воскликнул Карпов. – Вы уверены? Спрашиваю в последний раз!

– Нет, сэр... Наверное, я отвлеклась, – виновато пробормотала я. Слякка с кровью была тому доказательством.

– Тогда исправляйте свою ошибку. Сейчас же! – срывающимся голосом рявкнул профессор, и сердце упало в пятки.

Спешным движением я открыла пузырек и выпустила пять капель в чашу. Жидкость зашипела, забулькала, загустела и сменила цвет... на темно-зеленый! Ничего не понимая, подняла глаза на Карпова. Он довольно усмехнулся, отступил еще чуть-чуть и зажмурился. Я отпрыгнула назад... Но было поздно. Раздался громовой взрыв, и шипящая изумрудная слизь разлетелась по кабинету, придав потолку, стенам и полу экзотический оттенок.

– Вы... Вы... Знаете, кто вы? – гневно засопела я, отплевываясь смердящей гадостью и стряхивая ее комьями с лица.

Приоткрыв глаза, увидела, как губы профессора растягиваются в сладостной усмешке. Вот гад! И почему мне все время достается зеленая вонючая слизь? Эта хотя бы не ползала.

– Я тот, кто внимательно следил за всеми ингредиентами. В отличие от автора данного произведения, – он красноречиво кивнул на свои брюки, до колен заляпанные зеленой дрянью. – Надеюсь, вы уберете за собой?

– Разумеется, – сквозь зубы процедила я. – Рада, что вы повеселились, сэр.

– На твоих занятиях никогда не бывает скучно, Андрей Владимирович! – неодобрительно поджав губы, бросила Карамзина и направилась к выходу. Ей тоже досталась порция слизи: малосимпатичным пятном та размазалась по серой шерстяной юбке.

Карпов сделал пару шагов в мою сторону и с серьезным видом проговорил:

– Не позволяйте другим сбивать себя с пути, если уверены в своей правоте.

– Самое время для мрачной нотации! – не слишком вежливо буркнула я, продолжая отряхиваться и отплеиваться от бракованного зелья.

– И никому не доверяйте, – пропустив мимо ушей мою реплику, добавил Карпов.

– Даже вам?

– Мне – в особенности, – демонически рассмеялся мужчина.

***

Удрученно поохав, я достала именной жезл и принялась резвыми взмахами соскребать слизь с зельеварительного столика.

– Ладно, упрямая мисс, – нарушил гневную тишину профессор. – Мне вы можете доверять.

Демонстративно не заметив его примирительную попытку

ку, я в обиженных чувствах продолжила прибирать кабинет. Стол уже был чистым, но все вокруг... Пожалуй, проще было построить новую Академию.

Спустя полчаса колдовства с губкой и половой тряпкой, я решила прервать мыслительный процесс Мрачного Демона. Помогать он не планировал. Сидел на подоконнике и задумчиво водил пальцем по пустому переплету, оставленному Карамзиной.

– Вы мне выдадите когда-нибудь черный камешек?

– А вы так его хотите? – с ехидной улыбкой глянул профессор в мою сторону.

Зеленая слизь с противным шмяканьем капала с платья, пачкая только что очищенный пол. Вид у меня был жалкий.

– Хочу, – расстроено призналась я.

В моей полудрагоценной коллекции уже был зеленый от Осворта и синий от Белинды. Но черный стал бы ее венцом: он считался самым полезным после золотого.

– Может быть. Я подумаю над этим, – с игривой хрипотцой проговорил Карпов. – Некоторые вещи нужно заслужить, мисс Дэлориан.

Да он меня откровенно дразнит! Я демонстративно закатила глаза, не планируя поддаваться.

– Такие, как доверие, например?

– А я ваше еще не заслужил?

Высокомерный профессор глянул с интересом.

– Может быть. Я подумаю над этим.

***

Еще через час о взрыве «Имморы» напоминали только изумрудные пятна на моем платье и штанах профессора. Я устало свалилась в кресло для посетителей, всем видом демонстрируя, что никуда идти не в состоянии и, если кому-то вдруг мешаю, то он может тащить меня на ручках. Все равно темно, и позора никто не увидит.

Я даже задремала минут на двадцать, – сказалась бессонная ночь в обнимку с вервольфом. Но когда открыла глаза, Карпов все так же сидел на подоконнике, с печалью взирая на пустые переплеты.

– Вас это беспокоит? Что-то личное?

– Да. И да. Поговорите со мной о чем-нибудь. Отвлечите, – оторвался от несуществующей рукописи профессор. – Вас ведь в «Эншантели» учили вести бессмысленные светские беседы?

– Как раз между варкой конфитюров и штопаньем носков, сэр. Погода нынче чудесная! – фыркнула я и кивнула на черноту за окном. – Как вы заставили меня побежать от тигра?

– У меня есть небольшие способности к ментальному воздействию. Что-то вроде слабого дара. Или проклятья. Как вам угодно, – без прикрас объяснил Карпов. – Телесный контакт желателен, но необязателен. С «Имморой» получается лучше, когда человек подготовлен, обезволен. А без нее – лишь кратковременный, неглубокий эффект. Для экстренных ситуаций.

– То есть вы можете заставить меня делать все, что угодно? Прямо сейчас?

– Это строго наказуемо, мисс Дэлориан.

– А то вас когда-нибудь волновали вопросы законности и этичности...

– Могу.

– Прыгнуть из окна? Опустить руку в горячий кофе? Раздеться? Добровольно пойти на съедение к троллю?

– Сказал же. Могу.

Почему мне не страшно? Я должна уже забиться под стол и замотаться с головой в одеяло из фольги.

– Значит, тогда, с вином, вы меня обманули. Ни у кого так с одной капли «Имморы» не получилось бы.

– Приукрасил. С капли – нет. Но после пары бокалов, поверьте, вы бы все с себя сняли и вприпрыжку поскакали до Академии.

– Зачем же вы...

– Хотел напугать. Иногда бояться полезно.

Напугать, ага. И заодно раздеть в темном переулке.

– В деревне я использовал эффект «Имморы» минимально, только как пропуск в голову. В остальном – исключительно дар. И действовал грубо и неаккуратно, чтобы вы осознали происходящее, возмутились и попытались сопротивляться. Человек, околдованный «Имморой», не задается вопросами, не орет в гневе, не смотрит в ужасе на свои пальцы... Он просто делает. Еще и с улыбкой.

– А если действовать аккуратно?

– Тогда вы не заметите влияния.

– Покажите, – включилась в беседу Французская Дура. –

Заставьте меня что-нибудь сделать. Но так, чтобы я не осознала.

– Зачем вам это?

– Хочу испугаться еще сильнее.

Карпов спрыгнул с подоконника и потянул руку к моему запястью.

– Вы же говорили, контакт не обязателен...

– С какой-нибудь мисс Добревой – хоть с другого конца коридора кричи. А с вами без контакта не получится. Я еще в деревне понял, а в фойе убедился. Сильная воля. Поэтому и «Иммора» вас сразу не взяла.

***

Вкусный, пьянящий ночной воздух щекотал ноздри. Ветерок игриво трепал волосы, распавшиеся по плечам. Я стояла в космической черноте, крыльями расправив руки. Тело страстно желало полета, и нога собирались сделать шаг в бездну...

Узенький карниз напомнил, что подо мной – четыре этажа. И крыльев у меня нет. Но в сравнении с обещанной радостью полета это казалось сущей ерундой.

– Боритесь, – строго заявил густой голос над ухом.

Не хочу сражаться. Я не воин, и правопорядок выбрала из чувства протеста. Парить в воздухе – вот мое истинное

желание...

Или не мое? Твою ж... Я дернулась и чуть не соскользнула вниз.

– Умница. Я держу, не бойтесь.

Жесткий ремень, обмотанный вокруг талии, и крепкая лапа под ним на спине, – это вся страховка? Карпов стоял рядом на подоконнике, у закрытой створки.

– Теперь достаточно страшно?

– Я больше никогда, никогда, никогда не буду вам перечить, сэр, – прохрипела, царапая каблуками скользкий карниз.

– Что-то не верится.

– Почему окно?

Свежий воздух казался уже не таким вкусным. Я бы предпочла подышать чем-нибудь более пыльным, кабинетным...

– Вы сами подсказали мне четыре варианта. До троллей идти далеко, горячего кофе под рукой не нашлось...

– Снимите меня отсюда.

– А волшебное слово?

– Снимите меня отсюда, черт вас раздери!

– Выглядит так, будто вы мне все-таки доверяете, упрямая мисс, – пришел к очевидному выводу Карпов, за талию затаскивая обратно в теплый уют демонического логова.

– Похоже на то, сэр, – обескураженно покачала головой. – И ничему-то меня жизнь не учит.

***

Следующий вечер я снова провела в тиши библиотеки, штудирюя очередные главы из учебников для первокурсников.

– Тоже записалась в секцию «Детской литературы»? – улыбнулась мне Розмари Блум, устраиваясь за соседним столом.

Рози кивнула на свою стопочку бумажных сокровищ. «Основы ментального воздействия», «Магическая символика», «Кулинарный практикум волшебницы», все – за второй курс.

– Видела бы ты мое расписание... – выразительно подняла бровь девушка и задорно тряхнула платиновыми волосами, в которые был вплетен алый цветочек гибискуса. – Там предметов тридцать, если не больше. К счастью, половина на самостоятельном изучении.

– Как так получилось, что ты попала в Академию только в шестнадцать?

– Сразу после всплеска... Не у всех же он в двенадцать случается, – буркнула Роззи, и я стушевалась.

Наверное, надо было спросить хоть раз, как она стала дестинкой. Или такими вещами неприлично интересоваться? Тогда и о себе пришлось бы рассказать.

– Тебе не хочется про это, да? – угадала мои мысли «цветочная» мисс. – Я видела несколько раз, как ты ворочаешься по ночам. Кошмары?

– Ага.

– Мне тоже первый год снились. Говорят, это из-за всплеска. Прорыв магии фиксирует в сознании последние часы обычной жизни. Приходится переживать неприятные мгновения снова и снова. Такая плата за дар...

– Что с тобой случилось?

– Авария, – скупно бросила мисс Блум и отвернулась. Но, помяв с минуту страницу книги, добавила: – Старший брат позвонил из бара, попросил забрать его. Я взяла вторую отцовскую машину и поехала в город. Мы жили в получасе езды, на ферме.

– В шестнадцать за руль?!

– В небольших американских городах и в пятнадцать за баранку прыгают. До школы пешком два часа топтать, расстояния-то большие, – удивил меня «Цветочек». – Я неплохо водила на ферме, но в город сама никогда не выбиралась, брат до школы подвозил. А тут перепугалась, голос у него странный был. Будто в проблемы попал... Ну и поехала.

– И ты забрала его из бара?

– Его и пару пьяных дружков, живших по соседству. Они умудрились повздорить с местными байкерами, бородами мужиками. Словом, убирались мы оттуда быстренько и со свистом. Ребята настояли, чтобы поехала другой дорогой, мимо их ферм. Я нормально вела, но это дерево... Как раз на повороте лежало.

– Врезалась?

– Нет, испугалась и свернула. Я видела тот столб, знала,

что летим в него. А как очнулась, долго понять не могла, почему лежу на траве со всеми мальчишками... живыми... метрах в двадцати от дымящейся машины. А та – всмятку, размазалась по столбу. Мне потом долго еще то дерево снилось, и крик брата, и выкрученный до упора руль...

– Ты перенесла всех из машины?

– Так вышло. Карамзина говорит, всплеск очень мощный был, вот и рванула всей накопленной магией. Но телекинетика мне до сих пор не дается, да и пространственные перемещения с трудом... Так что это была одноразовая акция. А ты что сотворила?

– Устроила потоп. Кипятком.

– Телекинез и дистанционный нагрев? Здорово.

Ага. Тильда была в восторге.

***

Лязганье металла раздавалось в ушах бодрым военным маршем. Соратницы Тильды развлекались, пиная стенки душевых и поколачивая кафельную плитку. Одна, особо ретивая, ударила трубой о стальной вентиль, и голову наполнил тревожный звон.

Мучительница стояла ближе остальных и заворуженно помахивала железным прутом, словно волшебной палочкой. Снега капала кровь, расплываясь по мокрому полу и розовым ручейком стекая в сливную канавку... Сосредоточенное выражение некрасивого лица намекало, что Тильда выбирает место для следующего удара. Первый – несильный, царапа-

ющий, – пришелся выше виска, и пульсирующая боль застигла сознание.

– Как ты посмела, наглая девчонка? – Белокурая девица, не знакомая с шампунем, нацелилась прутом на колени. – Он мой! Это уже решено.

– Я не знала... – жалко промямлила я, хотя это не имело значения. Унижаться перед ней не хотелось, но все мое храброе упрямство убежало в слив вместе с ручейками крови. – Итан сам подошел.

– Твоя подружка уже поплатилась за непослушание. Хотя, может, ей даже понравилось наказание? – мерзко загоготала Тильда, и внутри полыхнул гневный огонь. – Но для тебя у нас заготовлено кое-что особенное... Да, девочки? Итан – не виновник, а жертва... Ты слишком симпатичная, это мешает мыслить разумно.

Заполнив ванную дьявольским хохотом, словно едим газом, Тильда сделала замах, я зажмурилась...

...И проснулась. Пот крупными каплями скатывался со лба, тело било дрожью. На этот раз все зашло дальше обычного. Почему не получилось стряхнуть кошмар раньше?

Сердце отчаянно колотилось, контрастируя с тишиной спальни комнаты. Соседки мирно дремали, ночь за окном близилась к оптимистичному финалу.

Выпутавшись из смятого мокрого одеяла, я натянула толстовку поверх тонкой майки и прямо в пижамных штанах вылезла в коридор. Внутри все клокотало, я хотела мести...

и знала, где ее можно получить.

Парадное фойе встретило гулким вздохом. Мирно посапывая, Академия крепко спала – вся, от витражных окон до мраморных полов. В тренажерном зале тоже было тихо, но светло. Кто-то забыл погасить лампы и запереть дверь?

В предвкушении расправы со своим внутренним демоном, я двинулась к зовущей Пандоре. Хотелось наяву увидеть отталкивающее личико гнусной Тильды и наподдать ей как следует. В своих мстительных устремлениях я не сразу заметила, что в зале присутствует кто-то еще.

Как вкопанная, я встала в паре метров от турника. На нем бездвижно, вниз головой, висело тело, держась коленями за перекладину. Руки были скрещены на застывшей груди, глаза закрыты. Мелькнула мысль, что он так спит. А почему нет? Вроде бы у летучих мышей так принято. Не зря же Демон при первой встрече напомнил мне графа Дракулу.

Да Судьба, верно, шутит! Если мы и дальше будем с ним сталкиваться среди ночи в самых неожиданных закоулках вселенной, рано или поздно поползут непристойные слухи.

Я едва не рассмеялась в голос. Но потом оценила масштаб проблем, который мне светил, если профессор откроет глаза, и медленно попятилась к выходу. Я заставляла себя переставлять ноги, но взгляд не желал отрываться от неподвижной фигуры. Он точно дышит? Может, подойти и потыкать палочкой?

Ноги сделали несколько шагов вперед. Джен права, автор-

ство большинства моих проблем принадлежит мне самой. На эксклюзивной основе.

Запах пота намекнул, что я подошла слишком близко. Разум истошно орал, что пора удирать. Но ступни будто приклеились к полу – попробуй, оторви.

Серая футболка преподавателя слегка задралась, обнажая твердый живот. Вот этого еще не хватало! Я мысленно дала себе отрезвляющую пощечину, а следом – еще две. Вообще не помогло. В итоге я пнула себя за безвольность, скосила голову набок и принялась рассматривать причудливую татуировку, спиралью уходящую под пояс спортивных штанов. Змея? Или китайский дракон?

Вспомнив все существующие нормы приличия, я принудительно перевела взгляд на лицо. Оно было необычно расслабленным и словно окаменевшим. Присутствовало что-то от восковой фигуры. Но скульптур не был лично знаком с профессором и не подозревал о его скверном характере, и потому изобразил мужчину умиротворенным.

Я уже собиралась поднести воображаемое зеркальце к его рту, как вдруг Карпов сделал медленный вдох и, не открывая глаз, ворчливо пробормотал:

– Вы когда-нибудь перестанете шастать по Академии в темное время суток, мисс Дэлориан? Я уже говорил вам...

Прикусив язык от неожиданности, я ойкнула и виновато забормотала:

– Я помню, сэр. Ночь – время для чудовищ. Как вы поня-

ли, что это я?

– По запаху.

– Вы знаете, чем я пахну?

– Да.

Я безотчетно понюхала сгиб локтя, но ничего не ощутила – кожа как кожа. Хотя, к стыду своему, сама помнила, что рядом в Карповым постоянно мерещился луг, залитый палящим солнцем. Но сейчас все перекрывал крепкий аромат мужского пота. Не противный, а, скорее, терпкий.

– И чем?

– Неприятностями.

Из-за того, что профессор висел вниз головой, ухмылка вышла отменно корявой.

– И как же пахнут неприятности?

– Весенними первоцветами. Чистым воздухом. Снегом. – Он, наконец, приоткрыл глаза и уставился на меня внимательными черными щелками. – И немного – мылом с цветочной отдушкой. Вы родились в марте?

– В апреле, сэр.

Согнувшись пополам и крутанувшись на перекладине, профессор грациозно прыгнул с турника. Стоило опустить глаза. Или отвернуться. Или под землю провалиться, например. Мокрый от пота, Демон стоял в полуметре от меня в свободных черных штанах и серой футболке, облепившей атлетичное тело. Да черт бы побрал... этого Черта!

Привычные рубашка и пиджак многого недоговаривали.

Нет, Карпов ничем не напоминал моего тренера по тайскому боксу, которым летом любовалась вся округа с Элизабет во главе. Тот был накачан в духе пляжного спасателя – так и хотелось обмазать маслом неприлично выпуклый рельеф и выпустить побегать по побережью. Демоническое же тело было просто очень подтянутым, худым, сухим и крепким.

– Какого... вам это надо? – Я бесцеремонно ткнула пальцем в каменную мышцу на плече, призывно выглядывающую из-под рукава футболки. Откуда-то вспомнилось, что она называется двухглавой. – Вы же самый сильный маг за последние-сколько-то-там-лет...

– А вам зачем? Я замечал, как гневно вы колотите бедную грушу.

Карпов дернул затылком в сторону Пандоры-87.

– Это другое... Я так борюсь с внутренними демонами, – ворчливо объяснила я Демону «внешнему». – Тренировки помогают примириться с прошлым.

На этих словах лицо мужчины болезненно дрогнуло. Он странно глянул на меня, а потом сдвинул брови.

– Мне не помогают. Хотя я тоже пришел, чтобы кое с чем примириться, – вдруг честно признался Карпов, последние пару дней ходивший с отсутствующим видом. – И кого вы в ней видите?

– Одну девочку.

– Из кошмаров?

– Это не просто сны. Они настоящие.

– Я понял. По вкусу. И по боли.

Стало не по себе от мысли, что во время темного соединения он умудрился нахлебаться моих слез, перемешанных с кровью. Ощутить боль, страх... и слабость. И насмотреться на мучительницу во всей красе. Это было слишком интимно. В замешательстве тряхнула головой и пробормотала:

– Не буду вам мешать.

– Оставайтесь, упрямая мисс. Скоро рассвет, и чудовищам пора спать.

Ленивой походкой он пересек тренажерный зал и выскользнул за дверь. Я уставилась ему вслед, шокированная тем, что Карпов не скормил меня троллям за легкомысленную ночную прогулку.

***

Я искренне попыталась настроить себя на мстительный лад, но ничего не вышло. Выветрилось. Образ противной Тильды испарился из сознания, замененный куда более неприличным и... ладно, да, внешне весьма привлекательным.

Горестно выдохнув, – прости, Пандора! – я вышла следом за Демоном и направилась в больничное отделение. Позаимствую у Мари пару капель успокоительного и – в кровать.

Но не спалось, оказывается, не только мне. Темный силуэт, призывно виляющий бедрами и крадущийся в подвальные помещения, вернул мстительный настрой. Присцилла проскользнула мимо местной «Кунсткамеры» и направилась

к хозяйственным комнатушкам. Я пошла следом.

Метлы и швабры, сложенные в углу неказистым букетом, ворох тряпок и пирамидка жестяных ведер в дряхлом распахнутом шкафу... Эта каморка явно не была тайной комнатой для свиданий. Чем бы ни занималась мисс Пруэтт в Академии по ночам, романтического подтекста это не имело.

– Думаю, это все-таки мое дело! – резко бросила я в спину нарушительницы. Присцилла хищно обернулась и выставила перед собой жезл. – Что бы ты ни замышляла за спиной у моего крестного...

– Полагаешь, у тебя есть шансы против меня? – зашипела девица, забиваясь в темный угол и ногой задвигая туда же обычного вида коробку с кучкой полотенец внутри.

– Что у тебя там? Выкладывай! Я устала от idiotских загадок и давно перестала что-либо понимать! – истерично рывкнула я, выходя из себя. – У всех в этой Академии по чертовому скелету!

Нервно переминаясь с ноги на ногу, дьяволица сверлила меня глазами. Путей к отступлению она не искала и явно не собиралась бросать в каморке свое сокровище. Но и делиться тайнами не спешила. Я приготовилась к драке: лицо Присциллы горело решимостью наподдать мне по первое число.

– Ты мне не нравишься, – вдруг выдала она. – И доверия не вызываешь, дестинка. На дружбу не рассчитывай.

– Похоже, что я набиваюсь тебе в приятельницы? – фыркнула я и повыше подняла палочку. – Что в коробке?

– Сама посмотри. Если осмелишься.

Девушка сделала два шага в сторону, освободив проход к темному углу. В коробе ничего не шевелилось и не рычало, это обнадеживало. Незаметно ущипнув себя для храбрости, я приблизилась к сокровищу. Тряпки как тряпки! Но под ними...

Я так и села, где стояла. Буквально – мешком картошки плюхнулась на холодный каменный пол и подобрала под себя ноги. Во-первых, я была в шоке. Во-вторых, так было удобнее разглядывать нечто, выглядывавшее из коробки.

– Ты планируешь вырастить дракона? – приснула я вроде как с издевкой, а сама восторженно прикусила губу и попыталась утихомирить сердечко, исполнявшее чечетку.

Голубое яйцо в бордовых мраморных разводах было чуть больше страусиного. И до драконьих размеров сильно не дотягивало. И все-таки от него за метр разило магией. Внутри точно сидело волшебное существо.

– Чье оно?

– Не знаю. Я его украла, не спросив, кто внутри, – выдавила «паинька».

Если бы я уже не сидела, то в этот миг моя пятая точка определенно нашла бы опору. Нет, насчет Присциллы я не питала иллюзий. Ей до «хорошей девочки», как мне – до победительницы Финального поединка... Но воровство?!

– Там кто-то живой, – тихо добавила преступница. – И он мерзнет.

Это я уже и сама поняла: на поглаживание ладонью яйцо отозвалось мелкой дрожью. За пару минут игры в гляделки я успела прикипеть к новому неизвестному подопечному. Мне просто не хватает проблем по жизни!

– Жди тут, – выдохнула я, толком не осознав, что вот-вот вляпаюсь в очередные неприятности, да еще и в компании надменной «азнайки».

Через пять минут я вернулась с термо-пледом, которым в больничном отделении укрывали окоченевших пациентов.

– Это будет получше твоих тряпок. Теперь выкладывай, у кого ты его украла. И, пресвятые, зачем?! – пробубнила я в сторону ошарашенной Присциллы, заботливо укутывая бордово-голубое нечто.

Вообще-то оно и яйцо напоминало лишь отчасти – было не овальным, а идеально круглым. Скорлупа гибко проминалась под подушечками пальцев и слегка просвечивала. Зеленоглазая фурия присела рядом и с изумлением принялась щупать терморегулирующее покрывало.

– Теплое... – заторможено прошептала она. – А я месяц ломаю голову, как его согреть! То палочкой, то водой...

– Зачем ты его украла?

– Подслушала в Деревне разговор двух мерзких типов. Мол, за такое сокровище им отвалят по мешочку голдэн-хазов. Что столь редкий, вымирающий, и, быть может, вообще последний в роду экземпляр украсил бы любой Магический заповедник. И даже жаль, что существо будет томить-

ся в частной коллекции старого извращенца. Но заказ есть заказ, – поведала девица. – Я не выдержала... люблю животных.

Я медленно выдохнула: вот так вляпались.

– Плед надо проверять раз в пару дней, а то температура собьется. Регулятор тут, – проинструктировала ненавистную «азнайку».

– Мы все равно не друзья! – на всякий случай предупредила Присцилла.

– Согласна.

– У нас союз...

– По спасению черт-знает-кого...

Глава 15. Необходимая жертва

– О тебе скоро легенду сложат! – заявил Дорохов, возлежавший на подоконнике четвертого этажа и наблюдавший за моими попытками вломиться в запертый кабинет. – Ты единственная, кто добровольно входит в эту дверь.

– Я еще и выхожу оттуда, почти живой и иногда даже чистой, – заулыбалась я.

Сегодня Елисей был другим. Ни туманного взора, ни девичьей свиты, на фирменной усталости, добавлявшей шарма аристократу. Что-то подтолкнуло меня к парню, рисовавшему жезлом морозные узоры на окне. И куда он торопится? Еще только осень... Сразу вспомнились его слова о Рождестве.

– Мммм... Ты ведь не помнишь ничего, верно? О своих пророчествах? – не спросила даже, а утвердила я.

– Каких пророчествах, сеньорита?

– Ты мне два раза говорил странные вещи. О будущем. Только смотрел мимо, насквозь...

– Такого со мной еще не бывало, – вдруг резко подобрался аристократ.

– Откуда ты знаешь?

– Мне бы сказали. В отличие от бабки Фелисити, у меня нет пророческого дара, – убежденно помотал головой Дорохов. – Нет, в транс я еще не бывал. И память не терял. Обыч-

но я осознаю все, что делаю... Только не понимаю, зачем.

– Звучит грустно.

– На деле еще грустнее, – усмехнулся парень.

Я снова покосилась на запертую дверь кабинета. Через пару минут наступит семь вечера. Вероятно, требование не опаздывать относилось исключительно к моей скромной персоне...

– Похоже, Демон про тебя забыл, – неодобрительно фыркнул мой собеседник, будто удивляясь, как можно запомнить о столь важном визите.

В опровержение его мыслей мне в щеку с разгона врезалась теле-маго-грамма.

«Оранжерея №4».

– Смена пыточных декораций, – объяснила я Дорохову и пошла за теплым плащом.

***

Вредный Демон... Специально дождался, пока я начну лбом выламывать дверь его кабинета, и лишь потом соизволил пригласить в оранжерею. Запахнув поплотнее плащ и натянув на лоб капюшон, я вылезла в уличную тьму. Встретить у входа и проводить? Куда там! Сами топайте, Милая Леди, вас же хлебом не корми, дай походить на каблуках по мрачным тропинкам...

Туфли почти сразу увязли в какой-то жиже: днем прошел дождь, и дорожки развезло. На следующем шаге я поскользнулась и чуть не растянулась на влажной лужайке. Спасибо

чьей-то руке, больно ухватившей меня за локоть и вернувшей в вертикальное положение. Из темноты вынырнула озабоченная серая физиономия.

– Ани! Ты куда в такую слякоть... Да еще по темноте?

– А ты – откуда, в такую слякоть и по темноте? – с прищуром глянула я на парня. – Я не слышала, как ты подошел...

– Опять в сыщика играешь? – добродушно рассмеялся Энди, так и не отпустивший мой локоть, но хватку, слава богу, ослабивший.

В лицо прилетела вторая теле-маго-грамма.

«Чем дольше вы заставляете меня ждать, тем больше будет жертв».

Подождет! Надо было заранее предупредить, а не мариновать под дверью кабинета.

– Ты как будто грязный... И поцарапанный... А это что, шерсть? Ты где валялся?

Я силилась рассмотреть Энди в сумеречной мгле, но увидела лишь пару розовых ссадин на лбу да серое пятно на щеке. Смятая рубашка растегнута, пальто небрежно наброшено на плечи. В ежике волос застряло несколько подгнивших листьев и какой-то белый пух.

– Да почти там же, где чуть не повалялась ты... – подмигнул Макферсон, а затем состроил серьезную мину. – Это секретная информация и не подлежит огласке. Жаль, я надеялся застать тебя на дежурстве, предъявить пару царапин и попроситься на чашку кофе. Даже знаю, где госпожа Плам-

берри хранит свои запасы.

– Да ты, никак, частый клиент?

Потерла ладонью его холодную щеку, пытаюсь стереть болотную грязь. Похоже, парень прохаживался по лесу.

– Постоянный.

– Мне нужно идти, Энди...

Хотелось еще поболтать, но испытывать терпение Карпова – плохая идея. Вот так, ради целительского будущего, приходится жертвовать отношениями мечты в настоящем.

– Так ты не расскажешь, куда бежала? – Макферсон лучисто улыбнулся, и я снова забыла о Демоне.

Парень выпустил, наконец, мою руку и принялся выуживать листья из своих волос. Но локоть тут же крепко схватил кто-то другой.

– Очень, очень много жертв... – прошипел на ухо грозный голос, пробравший до мурашек.

– П-простите, – запнулась я и закашлялась. – Я чуть не упала в этой грязи, а Энди...

– Я все видел. И слышал. И чуть не упали вы пять минут назад.

Я покорно опустила плечи и прощально улыбнулась Макферсону. Не факт, что мы свидимся вновь... Приговор зачитан, осталось привести в исполнение.

– Зачем вы вернулись к Академии? – ворчала я, расплзаясь ногами на дорожке к четвертой оранжерее и безуспешно пытаюсь высвободить свой локоть из железной хватки. – По-

смотреть, как я растянусь на этой чертовой грязи?

– Представьте себе, подумал, что вас надо встретить и проводить, – недобро пробурчал профессор.

***

– Сегодня начнем отсюда, – сухо заявил Карпов, пропуская меня перед собой в четвертую оранжерею.

Никогда не была в теплицах в темное время суток. В сумерках осеннего вечера растения выглядели пугающе необычно. Профессор подбросил несколько световых шаров к потолку и сунул мне в руки смятый пергамент со списком ингредиентов.

«Сомния»

Снадобье для восстанавливающего сна. Применяется для стремительной магической реабилитации пациента после перенесенных травм и операций.

Ингредиенты: Псевдоеж Листошерстный – 12 волосков с луковицами, сухой порошок Мелиссы Усыпляющей – 0,5 унции, Паслен Пугливый – сок 8 свежесобранных ягод, Кровь Дракона Китайского – 1 капля.

– Знакомьтесь, Псевдоеж Листошерстный, – ткнул пальцем Карпов в лохматый шар черничного оттенка. – «С луковицами» – значит, не отрезать, а выдергивать.

Псевдоеж напоминал пушистого котенка, свернувшегося в клубок в цветочном горшке. Его листики были тонкими, нитевидными и шелковистыми на ощупь. Мохнатое тельце слабо колыхалось – будто растение дремало и временами

вдыхало во сне.

– И какой к нему подход? Чем опрыскать, чтобы этот милый шерстяной комок меня не сожрал?

– Просто дергайте... Псевдоежи – покладистые растения, не в пример вам, мисс Дэлориан, – не упустил возможности вставить колкость профессор.

Ухватив пальцами волосок, я дернула. «Котенок» жалобно пискнул, взлохматился и улегся обратно.

– Ему же больно, сэр! – запоздало догадалась я.

– И? Собирайте. Нужно еще одиннадцать.

Закусив губу, я дернула следующий, – по тельцу Псевдоежа пробежала дрожь. На третьем волоске он заскулил, и у меня опустились руки.

– Я не хочу больше этого делать.

– Это необходимая жертва. Вашим пациентам тоже будет больно после операций, а другого способа приготовить «Сомнию» не существует.

С четвертым вырванным волоском растение захныкало – почти по-человечески. В моих глазах застыли слезы, готовые сорваться на щеки.

– Планируете стать врачом... И как же вы собираетесь резать пациентов? – надменно бросил Карпов, искоса наблюдая за моим лицом.

– Обезболивающее... – проворчала я, дергая пятый листоволос.

«Ежик» в голос раскричался. Бедняга!

– Для него не всегда есть время и возможность. Вы должны быть готовы причинить боль. Ради спасения жизни.

– Я не такая бессердечная, как некоторые... – Совсем сникнув, я погладила растение подушечками пальцев, и оно начало подрагивать от удовольствия. Кажется, ему нравилось. – Прости, малыш, мне надо еще немного.

Ласково почесав темную «шерстку», я мягко дернула сразу два волоска. Псевдоеж не сразу сообразил, что блаженство кончилось, и пискнул едва слышно. Используя фирменную академическую тактику «кнутов и пряников», я, поглаживая и почесывая, с горем пополам раздобыла оставшиеся волоски. Карпов наблюдал за этими нежностями с интересом, но, слава богу, не встревал.

– Ну, кого будем мучать следующим? – без энтузиазма спросила я.

– Не обольщайтесь... На этот раз жертвой будете вы. Как я и обещал.

Загадочно ухмыльнувшись, профессор подвел меня к двухметровому деревцу, стоявшему в кадке на полу. Это – кому гигантскому помидору, усыпанному гроздьями овальных черных ягод, наподобие винограда или оливок. Табличка гласила: «Паслен Пугливый». Растение выглядело миролюбивым и каким-то... обычным. Оно не разговаривало, не дышало, не плевалось, не брыкалось... Просто росло. Я бы не удивилась, встретив его в человеческом огороде.

Не успела я тронуть пальцами гроздь, как ягоды с диким

визгом полопались, окропив белую блузку синим соком. Вот тебе и обычное растение.

– У меня скоро одежда закончится из-за ваших занятий! – недовольно проворчала я. – И как их собрать, если они взрываются от прикосновения?

– Нужно напугать, мисс Дэлориан. Паслен станет защищаться, и кожа у ягод затвердеет, – совершенно серьезно объяснил Карпов. – Проблема, да? Вы совсем не страшная.

– Вы же, помнится, меня боялись? – съязвила я, пытаюсь стереть синие пятна влажной тряпкой. Не тут-то было. Похоже, рубашка идет на выброс.

– Боюсь... с Пасленом тот же фокус не пройдет, – задумчиво пробормотал Карпов. – Приступайте.

Легко сказать: «Напугайте растение». Я прикрикнула, потопала ногами, рассказала в красках, как я принесу топор и срублю его под корень... Даже секатором перед листьями помахала! Никакого эффекта. Через десять минут я окончательно вымоталась и устало вздохнула:

– Да какой же он «Пугливый», если ничего не боится?

Встав позади, Карпов вынырнул головой из-за моего плеча и мрачным, загробным голосом сказал:

«Бу!»

Растение тотчас затряслось, резные листья склеились веерами. Оливкоподобные ягоды покрылись толстой рябью, словно броней. Все еще стоя за моей спиной, профессор протянул руку и тронул гроздь. С грозным, воинственным кли-

чем твердые «виноградины» снарядами полетели в меня.

– Ой! Да чтоб вас! – заорала, выставив вперед ладошки.

Теперь я была обеспечена синими пятнами не только на рубашке, но и на коже. А ведь только начало вечера!

– Как я уже говорил... Иногда приходится чем-то жертвовать, – довольно поглядывая на меня, сыпал нравоучениями мучитель. – Сок нужно взять сейчас, из свежесобранных. Пока дойдем до кабинета, ягоды расслабятся и полопаются.

Раздраженная и взвинченная – ух, как я его в эту минуту ненавидела! – я собрала с пола отвердевшие плоды и высыпала в серебряное корытце. Поставив рядом стеклянный графинчик, я вооружилась коротким ножом с острым лезвием, закругленным наподобие когтя. Нервно скovyрнув плотную кожицу, выдавила первую ягоду в сосуд.

– Вам следует действовать аккуратнее. Порезетесь, – равнодушно бросил Карпов. Не слишком-то его волновало мое благополучие.

Остервенело распотрошив вторую ягоду, – вот гад, намеренно подставил меня под град разгневанных «пасленов»! – я выдавила и ее.

– Предупреждаю: так вы отрежете себе пальцы. Нож острый.

Третья ягода получила глубокую колотую рану в черное брюшко. Нет, ну можно же было отойти в сторону! Чертов Демон! Ах... Твою ж...

Лезвие соскользнуло на ладонь, проковыряв в ней до

тошноты глубокоую борозду. Я вскрикнула и выронила нож, быстро зажав рану мокрой тряпкой, лежавшей поблизости. Она тут же пропиталась кровью насквозь. Как же больно! Плотно закусив губу, я едва слышно заскулила.

С удовлетворенным выражением «я же вам говорил» Карпов уставился на мои страдания. Ни один мускул на хладнокровном лице не дрогнул. Равнодушная сволочь.

– Что такое, мисс Дэлориан? Опять ждете жалости? – будничным тоном проговорил профессор, буравя черными льдинками. – Сами виноваты в случившемся.

Кровь просочилась через тряпку и принялась капать на пол. Я обмотала ткань вокруг ладони и сильнее придавила свободной рукой.

– Идите в больничное отделение и разберитесь с этой проблемой. Мари обработает рану. Потом понимайтесь в кабинет. Занятие еще не окончено, – отрывисто проинструктировал Демон. – Оставшийся сок, так и быть, я для вас подготовлю.

В воинственном расположении духа я набросила на плечи плащ и дерганым размашистым шагом потопала по темной дорожке назад в Академию. Будь у меня две здоровые руки, я бы его задушила.

***

Больничное отделение встретило тишиной. Кабинет Мари был заперт, постояльцев не наблюдалось. Ну, точно, чаевничает с Карамзиной – излюбленное вечернее развлечение

пожилых леди. Ничего, справлюсь самостоятельно.

Размотав алую ткань, сунула ладонь под струю воды. Кожу обожгло холодом, и я, не в силах больше изображать из себя гордое, терпеливое создание, дала волю слезам. Все равно в полутьме не видно.

– От обиды или от боли?

Резкий, отрывистый голос гулом прошелся по пустой больничной палате.

– А? – непонимающе подняла я заплаканную физиономию.

Карпов стоял на входе и, прищурившись, наблюдал, как кровавые ручьи текут в раковину с моей ладони.

– Слезы.

– Больно, – нехотя призналась я, потрясла рукой и замотала рану стерильной материей.

Начала подкатывать привычная дурнота, лоб покрылся холодной липкой испариной. Но ноги пока держали.

– Сядьте.

Кивнув на кушетку, профессор по-свойски принялся рыться в шкафчиках со снадобьями. Достав четыре бутылка – в двух из которых я узнала жгущийся антисептик и едкую заживляющую мазь, – он направился ко мне. Ох, черт...

– Не нужно, сэр, – с дрожью в голосе пролепетала я, предчувствую эпичную пытку. – Само как-нибудь заживет.

– Сказал будущий врач, истекая кровью...

Согласна, фобии для лекаря не самые уместные. Но я ка-

тастрофически не любила боль – ни «входящую», ни «исходящую». Это был мой самый мощный кошмар. Причем боялась я ее как-то дистанционно, заочно, на подсознательном уровне. Когда дело доходило до реальных травм – ссадин, ушибов, – я оказывалась на редкость выносливой и терпеливой. Попади я на консультацию к дипломированному мозгоправу, он бы быстро нашел зачатки зла в детских переживаниях.

Не приняв всерьез мой протест, Карпов взял новый лоскут стерильной ткани и свернул в несколько слоев. Затем плеснул на него понемногу из всех склянок и выжидающе уставился на меня.

– Давайте сюда.

Несогласно замотав головой, я спрятала руку за спину. Огласив кабинет издевательским смехом, Карпов насильно вытащил израненную ладошку и убрал ткань. Рана была изрядной глубины, перед глазами заплескались черные пятна. Демон вооружился лоскутом, смоченным в болезнетворных зельях. В ужасе зажмурившись, я из последних сил выдернула руку обратно и затряслась.

– Успокойся, Анна! – неожиданно рявкнул профессор, и я удивленно захлопала глазами.

Пока отходила от вопиющей фамильярности, он цепко обхватил кровоточащую ладонь и прижал лечебный компресс. Послышалось шипение, повалил дым... Но из ощущений –

лишь легкое покалывание. Почти приятное. Да и боль от ранения начала стремительно пропадать. А где все те круги ада, которые предполагалось пройти?

– Иногда, упрямая мисс, можно обойтись и без жертв, – тихо сказал Карпов, все еще крепко зажимая ладонь меж двух демонических лап.

– Как у вас это получилось?

– Добавил обезболивающее, – снисходительно объяснил профессор, – и снимающее раздражение. При обработке поверхностных ран они не положены. Но кое-кому и так сегодня досталось.

– Вы что, в прошлой жизни были врачом? – продолжила недоумевать я, все еще ожидая подвоха от подозрительной заботы.

– Нет. Но долгое время мне приходилось ухаживать за одним человеком. Seriously больным.

– За родственником?

– За другом, – смутившись, пробормотал в пол Карпов.

Кажется, ему не хотелось даже на секунду терять свое чудовищное лицо.

***

– Мы сильно отклонились от графика, – глянув на часы, проворчал Карпов и зажег настольную лампу.

Его кабинет встретил привычным запахом старых книг, сушеных трав и выделанной кожи. Поставив на зельеварительный стол колбу с волосками псевдоежа и графин с соком

пасленовых ягод, он забрался в свое кресло и с невеселым видом принялся разбирать высокую кипу бумаг.

– Сушеную мялису найдете в серванте, нижняя полка. Инструкция на столе, варите... – подавив зевок, пробормотал Карпов.

«Взбейте в густую пену свежесобранный сок Пугливого Паслена, совместив с тремя четвертями указанного количества усыпляющего порошка. Разбавьте проточной водой, добившись прозрачности синего сапфира. Введите в раствор по одному волоску Листошерстного Псевдоежа. Прогрейте под магическим огнем до их полного растворения. Добавьте каплю драконьей крови...»

– А кровь? Китайского дракона?

Даже мне, дестинке с сомнительными зельеварительными способностями, было известно, что она безумно редкая.

– Возьмите кровь Горгульи Индийской, вторая полка, – не отрываясь от чтения, недовольно пробормотал профессор. – Они взаимозаменяемые... в определенных случаях.

Четко выполнив инструкции – хотелось поскорее избавиться от мрачной компании, тем более, что настроение Демона стремительно портилось, – я вернулась глазами в пергамент.

«Окропив чашу кровью Дракона Китайского, оставьте зелье настаиваться в течение двух часов. Затем всыпьте оставшуюся часть порошка Мелиссы Усыпляющей и размешивайте пять минут до однородной синевы».

– Два часа ждать? – возмущенно воскликнула я. – Не могли найти снадобья попроще? Уже девять вечера! Мне тут что, ночевать?

Злобно сверкнув глазами, Карпов не удостоил меня ответом. Да что не так с этими бумажками? Не так много вещей способно вывести из равновесия хладнокровного монстра.

Не желая препираться, я поудобнее устроилась на стуле и приготовилась терпеливо ждать. Предупредил бы заранее, захватила бы подушку и спальный мешок. Но непоседливая натура внесла коррективы в идеальный план. Уже через десять минут мне стало так скучно, что я на стенку лезла.

– Научите меня Щиту Эйлерона, – предложила я и сама испугалась.

Изумленно дернувшись, Карпов отрицательно мотнул головой.

– Подобные заклинания в Академии запрещены. Я не имею права им обучать.

– Тогда чему-нибудь другому. Мне не нравится быть беззащитной... Да и невыносимо просто так сидеть и смотреть в дурацкую чашку.

– Мы занимаемся снадобьями, мисс Дэлориан... а не «чем-нибудь другим», – проворчал Карпов и гневно уткнулся в раздражающие его бумажки.

– Вам жалко? Зелью два часа настаиваться!

– Я занят! – рявкнул он, уже не пытаясь себя сдерживать. Профессор помахал в воздухе кипой листов. – Видите эту

красоту? Письменный тест первокурсников по «Волшебным травам». Почерк несносный, содержание и того хуже. Я по-мру к утру, пытаюсь разобрать эти каракули.

– Так вот почему вы такой злой! – рассмеялась я, умилившись столь нелепой причине взрывоопасности преподавателя.

– А то я обычно добрый, как Дед Мороз, – буркнул Карпов и устало потер пальцами брови.

– Давайте помогу разобрать почерк.

Не дожидаясь согласия, я подошла к окну и встала за плечом профессора. С минуту он сосредоточенно молчал, а затем протянул исписанный лист.

– Ну, попробуйте... Вот это – особенный шедевр. Больше похоже на иероглифы... Но в Академии не обучается ни одного китайца.

– Это французский, сэр, – заулыбалась я, увидев родные символы.

Заклятье взаимопонимания, витавшее в академическом воздухе, действовало и на письменную речь. Однако, как и в случае с устной, чужой язык воспринимался «с сильным акцентом» и при неразборчивом почерке виделся иероглифами.

– Хотите сказать, что можете это прочесть?

– Ага. Вот, слушайте: *«Снежнаягодник Пурпурный не используется в медицине, поскольку его плоды ядовиты, и их употребление ведет к неминуемой гибели пациента».*

– Достаточно. Как драматично! – Карпов вырвал листок, перечеркнул сочинение и большими буквами подписал сверху «Бред!». – А вы, мисс Дэлориан, что думаете о коварном растении?

– Я о нем... вообще не думаю, – понимая, что крепко вляпалась, заявила я.

В учебниках за первый курс, которые заставил меня изучать профессор, было что-то про семейство снежниковых. Но сейчас в голове хозяйствовала звенящая пустота.

– Хм... Третья глава, мисс Дэлориан. Ай-яй-яй! – Карпов глянул на меня через плечо с таким видом, будто собирался «выписать ремня». – Напрягите красивую головку и вспоминайте. Иначе заставлю сейчас писать такой же тест. И дай вам бог почерк получше этого...

Жалобно тряхнула волосами – в надежде, что в мозг с неба свалится умная мысль. Но пустота зазвенела еще громче.

– Там было что-то про временно парализующие свойства, – неожиданно из черноты сознания выплыла светлая идея. – И про снадобье мнимой смерти.

Удовлетворенно улыбнувшись, Карпов кивнул и сунул мне новый лист. В течение следующего часа стопка уменьшилась наполовину. Почти все бумажки обзавелись красно-речивыми надписями: «Кошмар», «Отвратительно», «Идиотизм», «Откровенная глупость», «Бред», «Ужасно». Лишь трижды профессор сжалился – после моей настойчивой мольбы, – и поставил «Нормально», «Пойдет» и «Почти хо-

рошо».

– Вы на меня дурно влияете, – беззлобно подметил Карпов, помахав перед носом листиком с «почти хорошей» отметкой. Настроение Демона было уже не таким скверным.

– Ваше общество мне тоже не идет на пользу, сэр, – парировала я, показывая ему заляпанную блузку, синяк на шее и перевязанную ладонь.

Хрустящий стук в окно – будто кто-то кинул мелкий камешек, – заставил прервать демонстрацию ущерба. Со стекла смотрело мое отражение, обрамленное чернильной ночью и странными фиолетовыми кудряшками. На уровне собственных глаз сияло два чужих – розово-карих, с золотистой паутинкой вокруг зрачков. Я испуганно отшатнулась. Неодобрительно фыркнув, – сегодня я показывала себя форменной трусихой, – Карпов спокойно отворил окно.

Деловито переступая кожистыми лапками, в кабинет ввалился... ламбикур! Полметра в высоту, с оранжевым клювом и темно-фиолетовыми кудрями перьев. Голову украшали смешные кисточки ушей, как у совы.

Одно дело – разглядывать фантастическое существо на картинке учебника, и совсем другое – наблюдать вживую. От потрясения у меня отвалилась челюсть.

Заведя за спину размашистые крылья, птица стала почти овальной. Она выжидающе глянула на Карпова, тот потянулся к ней пальцем и нежно помассировал над клювом, между глаз. Получив долгожданную порцию ласки, ламбикур до-

вольно зажмурился.

– Фридрих Кесслер шлет тебе нижайший поклон, Андрей Владимирович, – грудным голосом провозгласило существо, окончательно выбив почву из-под моих ног. Не многовато ли потрясений для рядового вечера?

– А больше он ничего не шлет, Джайлберта? – ехидно спросил профессор, ласково щелкнув ламбикура по клюву. Судя по кличке, это была самка.

– Шлет, шлет... Куда-то торопишься? Хотела тебя кое с кем познакомиться. Но ты не один. Тогда не сейчас.

Птица наклонила курчавое тельце к Карпову и что-то тихо зашептала в черноту волос. Видимо, секретную часть сообщения. Профессор слушал и машинально поглаживал пушистый загривок.

Глядя на эту фантастическую парочку, подумала: хоть с кем-то у Демона сложились... ну, почти романтические отношения. Да, хорошая шутка, жаль рассказать некому. Пока мозг переваривал нелепую мысль, ламбикура ревниво на меня поглядела, недобро сверкнув розовым глазом, – второй все еще жмурился от удовольствия.

– Мисс Анна Дэлориан, – формально представил Карпов. Я робко кивнула. Может, нужно было сделать реверанс или отвесить поклон?

Поглаживая фиолетовую шею – если таковая была в округлом пернатом тельце, – профессор выглядел иным. Почти что добрым, только на свой демонический лад. Я неволь-

но загляделась, как он нежничает с чудо-птицей.

Джилльберта снова пробуравила меня глазом, а потом издала странный грудной звук. Несмотря на очевидную враждебность, создание вызывало восхищение. Очень хотелось запустить пальчики в мягкую курчавую шерсть (я снова напомнила себе, что это перья!).

– Ладно... Если так жаждешь... Можешь потрогать... – флегматично заявила Джилльберта, скосив на меня открытый глаз.

Мысли... Точно! Они читают мысли. Ох, как неловко-то!

– Согласна, ужасно неловко... Я ему не расскажу, – горланно прикрякнула ламбикура и подставила свое пузо.

Не дожидаясь второго приглашения, я провела пальцами по забавному оперению. Больше всего оно напоминало магазинное боа, намотанное на большую дыню.

– Ммм... Какие нежные. Да, вот здесь, – расплылась в удовольствии пестрая гостья.

– Ромул тоже был в восторге, – проворчал Карпов, из-под черных ресниц поглядывая на меня.

– Фу, ты гладила эту псину?! Какой конфуз... Но, раз уж начала, не останавливайся. Андрей, что-то передать в ответ австрийскому зануде? – фамильярно спросило «чудо в перьях», настойчиво подставляя мне макушку с кисточками ушей.

– Скажи... Артур думает над решением. И у меня предчувствие, что оно нам обоим не понравится.

Удивленно открыв оба глаза, ламбикура с интересом взглянула на него, потом на меня. Кажется, подивилась, что он не стал шептать секретную информацию на ухо. И что такое жуткое задумал крестный?

– Останешься ночевать? – предложил птице Карпов, будто это была обычная практика. – Сообщение Кесслеру может подождать до утра.

– У меня дела, – виновато мотнула совиной головой его подружка. – Потом объясню... не при свидетелях.

– Изменяешь мне, Джи-Джи? – язвительно усмехнулся профессор, но во взгляде мелькнула самая настоящая ледяная ревность.

Закатив глаза, Джильберта издала грудное карканье, сильно напоминавшее смех.

– Только в рамках дозволенного.

Отстранившись от моих пальцев, в пару шажков ламбикура приблизилась к Карпову и ткнулась пернатым лбом ему в грудь. Постояв неподвижно полминуты, она резко расправила крылья и прыгнула с окна в темноту.

– У вас есть собственный ламбикур! – восторженно выдавила я, глядя в черную пустоту на улице.

– Скорее, это я есть у нее. У Джильберты отвратительный нрав. Похуже вашего, – с сентиментальной нежностью в голосе пробормотал профессор. Черти в его глазах веселились и танцевали. – Ну и как она вам?

– Невероятная.

– Уже поздно. Заканчивайте с зельем, – Карпов кивнул на хрустальную чашу.

Пока я доводила «Сомнию» до совершенства – вышло не так уж и плохо, – он порылся в серванте и достал потрепанную книгу.

– Вот, – сунул мне в руки старенький томик с закладкой посередине, – это «Сияющий щит». Крепкий, выносливый, огнеупорный, идеальный от ментальных атак. Изучите на досуге магическую формулу и схему движения. Щит проходят на пятом курсе, но осваивает его лишь один из десяти. На следующем занятии покажу. А сейчас пойдемте. Провожу до спальни.

– Я дойду, сэр, не беспокойтесь, – машинально прижав книгу к себе, пробормотала я.

– Провожу. Мало ли кому еще не спится в такой час.

Глава 16. Против правил

Эта среда была приятно-пугающей, хотя со стороны казалась обычной. Закатное солнце привычно просачивалось в окна парадного коридора. Гул ученических голосов, доносящийся из трапезного зала, тоже был рядовым. Но нет. Сегодняшний вечер был волнующим.

Приятным – потому что в Пункте связи намечалась вечеринка по случаю восемнадцатилетия Джен. Должна была прилететь Элизабет со своим женихом и поделиться свадебными планами. Восторженное предвкушение скреблось о ребра. По Лиз я скучала. Хотя первое впечатление эта кукольного вида умница произвела удручающее.

...Занудная, въедливая, дотошная до тошноты, правильная до зубовного скрежета, она стояла прямой струной позади мадам Буше и неодобрительно поджимала губки. Беспокойные золотые кудряшки были связаны в тугой пучок, серый блейзер застегнут на все пуговицы. Уверена, для кочерги в ее теле тоже нашлось теплое местечко. Все утро она шугала первокурсниц за неопрятный вид, а теперь настала моя очередь страдать в обществе идеальной особы.

– Мисс Мэй, позвольте представить вам Анну Дэлориан, – заунывно протянула директриса. – Она станет вашим провожатым, экскурсоводом и ассистентом в ближайшие дни. Мисс Дэлориан, Элизабет в рамках стажировки исследует

уникальную образовательную методику «Эншантели»...

Ага. Фабрики по переработке мозгов в ароматное и многофункциональное малиновое желе. Следующие пять минут в уши лилось что-то вроде монотонного «бу-бу-бу», из которого я поняла, что заносчивую девицу придется три дня водить по парижской школе. К вечеру первого мне хотелось ее задушить, к обеду второго я принялась подыскивать подходящий для этого темный закоулочок... А утром третьего застала мисс Мэй на чердаке с дрожащими от волнения плечиками и телефоном в ладошке!

– Это не то, что ты... – Элизабет молниеносно завела руку за спину и превратилась в пунцовую тучу, обрамленную включенными золотыми облачками. – Ты ошиблась!

Перепуганная до дрожащих коленок, она была в моей власти. Телефоны, ноутбуки, планшеты и прочие блага цивилизации в магических образовательных учреждениях запрещены. Я недобро покачала головой. А выглядела такой прилежной...

Сама я, конечно, считала волшебников параноиками. Ну кто за ними будет следить через мобильные устройства и видеокамеры? Спецслужбы? Армии? А потом, выяснив место скопления чудотворцев, что, сбросят бомбу на Эстер-Хаз или Академию? Все это выглядело наивным, хорошо отрепетированным бредом, но любые средства коммуникации были под запретом.

Преступница виновато уставилась на меня и, не надеясь

на успех, пробубнила:

– Это мой жених. Он сейчас в Индии. Мы пытаемся узнать друг друга получше, – смахнув слезу, призналась Лиз.

– Ни черта не поняла.

– Дело в том, что мы... не знакомы.

Выяснилось, что занудная девица попала под раздачу магических брачных контрактов для несовершеннолетних. В прошлом месяце ее заботливые опекуны заключили договор с семьей Сафоновых и выбрали в женихи их лучшего отпрыска по имени Ян. Свадьба должна была состояться через два года, которые парню предстояло провести на учебе в Индии.

...Спустя пару лет даже мне пришлось признать, что именно Ян – балагур, шутник и болтун, – сделал из строгий, прилежной обезьянки мисс Мэй удобоваримого человека. Парочка получилась странная, но гармоничная. Свадьбу назначили на начало декабря, а летом я приезжала погостить в их двухэтажный дом на побережье.

Лиз с Яном остались верны традиции, и оснастили жилище по последнему слову человеческой техники. Огромный плазменный телевизор, два ноутбука, стереосистема, проектор, беспроводной интернет... Я даже воспользовалась поисковой системой. На слово «дестин» мне выдало город во Флориде, а Эстер-Хаз оказался фамилией нескольких известных личностей. На запрос «Академия колдовского искусства» – три сотни книг в жанре фэнтези. И никакой ма-

гии! Нас просто не было в этом мире. Официально.

***

Пугающей среда была потому, что в семь вечера мне грозило совсем другое мероприятие. То самое, на четвертом этаже, в компании Мрачного Демона и его пыточного зельеварительного столика. Он сразу объяснил, что не стерпит прогулов и опозданий. Так что мне предстояло отпроситься. Мысль об этом крутила внутренности электрической мясорубкой.

Поднимаясь по лестнице, я вляпалась еще сильнее. В дверях демонического логова шел разговор на повышенных тонах, становиться свидетельницей которого мне не полагалось. Вспомнив уроки магического шпионажа от «прозрачной рожи», я слилась в страстном объятии со стеной.

– Я не в восторге от твоей идеи, Артур! Эта просьба из ряда вон, – гневно проговорил Карпов.

– Тебе просто нужно вспомнить, кто ты на самом деле, Андрей. И кем был. Нельзя все время прятаться от прошлого.

– Я тот, кто есть сейчас.

– Брось, тебе это ничего не стоит. Я же не прошу о многом... Просто удели нашему гостю немного особого внимания.

– «Особого»? – угрожающе прошипел Карпов.

– Ты понял, о чем я, – нервно пробормотал крестный, вышел в коридор и притулился сгорбившейся спиной к окну.

Из своего темного угла увидела, как лицо Артура сменило выражение с «властного ректорского» на «виноватое дружеское». И как в нем умудряются мирно сосуществовать столь противоположные личности? То он окатывал всех тотальным контролем и требовал несомненного подчинения, то включал сердобольного дядюшку и расплывался в сентиментальной улыбке.

– Лучше бы не понимал... Как тебе такое в голову пришло? – растерянно пробормотал профессор и вышел следом за крестным.

Недавний разговор с ламбикуром приобрел ясность. Артур, действительно, придумал решение, которое Карпову не нравилось. Знать бы еще, о чем речь. Милая Леди, напрочь лишенная чувства самосохранения, сделала полшажка вперед и наострила уши.

– Мы должны предложить что-то существенное, помимо заверений в дружбе и места в Совете. Ты же догадываешься, что на кону? – хрипло вопрошал крестный. – Сколько ценных секретов, сколько утраченных артефактов... А если он нашел коллекцию Арчибальда? Тайные знания о первобытной магии, невероятной мощности ритуалы... Что станет, попади они не в те руки?

– У тебя в этом деле какой-то личный интерес, Артур, – негромко заявил Карпов. – Мы слишком давно знакомы, чтобы я не смог это распознать. Не хочешь объяснить, раз уж пытаешься втянуть меня в идиотское мероприятие?

– Помимо сохранения мира и порядка во вселенной? – насмешливо крякнул седовласый ректор. – Да, есть кое-какой интерес. Рукописи старика Ловетта несут опасность не только магическому сообществу в целом, но и одному конкретному человеку – в частности.

– «Одному человеку»?

– Дорогому мне, – сухо добавил крестный.

На этих словах Артур щелкнул пальцем и исчез с радаров. Немного театрально, но да, эффектно.

***

И вот у этого разгневанного, вымотанного неприятным разговором мужчины мне сейчас предстоит отпрашиваться. Дождавшись, пока Карпов скроется в кабинете, я выдохнула... И вдохнула. И пошла...

Слабо представляя, какие клятвы буду приносить и жертвы обещать, я поплелась в аскетичную обитель академического монстра. Стукнув пару раз и протиснувшись в его кабинет наполовину, я замерла в неловком ожидании.

– Вы рано, мисс Дэлориан. Занятие через час, я сейчас занят, – грубо проворчал Карпов, не отрываясь от дряхлого манускрипта. – И в следующий раз, если соберетесь подслушивать, старайтесь не скрипеть каблуками.

Черт бы вас... вот честно! Помявшись на пороге, я схватила дрожащие внутренности в охапку и внесла вместе с телом внутрь. Тихонько усевшись на стульчик для посетителей, стала ждать, пока профессор поднимет глаза. Через де-

сять минут ему надоело меня игнорировать, и Карпов уставился... ну, практически с любопытством. Только сильно раздраженным.

– И что бы это значило?

– Сэр... Простите, что отвлекаю... Я вижу, вы не в настроении... – Ради выгоды я умела быть очень вежливой и послушной. Потом буду себя за это ненавидеть. – Хотела у вас кое-что попросить...

Раздраженное любопытство сменилось насмешливым. Карпов виртуозно поднял бровь и заявил:

– Мисс Дэлориан, вы уже достаточно хорошо меня узнали, чтобы не питать ложных надежд. Я занят. Уходите и возвращайтесь в семь.

В голове крутилось: «Последний шанс! Сделай же ты хоть что-то! Попытайся, трусиха!» Кажется, разум снова выдал бразды правления Милой Леди, потому что то, что она приняла, даже меня повергло в шок.

Толком не осознавая, что собираюсь вытворить, я растянула губы в улыбке. Не скажу, что тренировала ее годами, но некоторых успехов удавалось с ней добиться. Затем наполнила глаза вселенской тоской, – вроде как у преданного пса, ждущего отлучившегося хозяина, – кокетливо хлопнула ресницами и замерла.

Сердце прыгало в районе почек, уверенное, что грозный преподаватель жестоко высмеет мою попытку. Показательный пример Сюзи Бэггинфорт, вполне способной обольсти-

тельницы, стоял перед глазами. Вот сейчас, через секунду, он глянет с презрением, окатит равнодушным льдом и выставит за дверь. А то еще и наказание издевательское придумает! Вот дура. Не видать мне праздника у Джен... Светит мне полночи со смердящей слизью.

Ожидая демонического хохота и порицания, я не сразу заметила, что Карпов оторопело уставился на меня и тоже не моргает. Профессор выглядел странно. И он молчал. Я нервно сглотнула: эффект был неожиданный и пугающий. Прошла минута, вторая, мои скулы начало сводить от дурацкой улыбки, но я боялась шелохнуться.

– Прекратите немедленно... – с трудом стряхнув гипнотическое оцепенение, тихо пробормотал профессор. – И никогда больше так не делайте.

– Вы же говорили, что на вас это не действует... – так же тихо, и вдобавок испуганно пролепетала я.

– Раньше и не действовало.

Он продолжал на меня глазеть, окатывая то изумлением, то негодованием, но изредка все-таки моргая. И, наконец, растерянно выдохнул:

– Что вам от меня нужно?

– У Джен сегодня день рождения, в Пункте связи, в семь вечера... – дрожащим голосом заговорила я, пытаясь не раскричаться одновременно от ужаса и восторга, что мои сомнительные чары сработали. – Я хотела отпроситься с дополнительного занятия. Только один раз, сэр. Могу даже «пожа-

луйста» сказать.

– Не нужно... С меня и так... Достаточно. Идите, – пробормотал он вполголоса, отвел глаза и уставился в манускрипт. – Но не думайте, что этот фокус пройдет в следующий раз.

Прикусив губу, чтобы ненароком глупо не захихикать, я кивнула в пустоту и попятилась к выходу. Ну надо же, у хладнокровного Демона все-таки есть слабости. Даже не знаю, приятно мне от этой мысли или до жути страшно.

– Вам тоже будут рады в Пункте связи... – неуверенно бросила я у самого выхода.

– Лучший подарок, который я могу преподнести юной мисс Абрамс, – избавить от своего мрачного присутствия. Уверен, она оценит.

***

Взросление для Джен протекало незаметно. Все такая же ворчливая заноза, она сновала по Пункту связи, подначивая Элизабет с ее дурацкими свадебными каталогами. Мисс Мэй к брачной церемонии отнеслась серьезно, и рыжая бестия нашла тысячу и одну причину для едких шуток. Я подарила Дженни «Волшебную энциклопедию прекрасных принцев современности», намекая, что на пакостном Бехтерева свет клином не сошелся.

Жена Осворта оказалась приятнейшей молодой женщиной, хоть поначалу выглядела строгой и сдержанной. Но потом я поняла, что она так ведет себя только в присутствии

Карпова. Не было между ними химии, как поведала Джулия.

Из-за присутствия восторженной невесты речь то и дело касалась браков.

– Элизабет повезло, ее желания совпали с решением родни, – пробормотала Мелисса, когда мы остались вдвоем на кухне. – В аристократических кругах помолвки между первокровками заключают с шестнадцати лет. Будь ты урожденной Честер, как я, уже была бы связана контрактом с каким-нибудь прыщавым семнадцатилетним лордом.

Икнув от вызывавшей тошноту перспективы, я поинтересовалась, как женщине удалось выйти замуж за вервольфа. Едва ли на то была родительская воля!

– Я чудом избежала этой участи, – призналась с грустью Мелисса. – Старшая сестра, Аврелия, была выгодно помолвлена в семнадцать. А младшая в восемнадцать сыграла свадьбу. Такая хрупкая, нежная, а уже чья-то жена. Обе были, как и ты, выпускницами «Эншантели». Обычная практика для девиц из благородных семейств. Умницы, прелестницы, истинные леди... Мать полагала, что сорвала банк. Такие им выпали высокородные женихи! Один князь, другой граф. Мне же помогло несчастье. Я родилась эмпом и в шестнадцать лет сбежала, когда узнала, что мать планирует меня продать какому-то семейству. Что толку от пустышки? Только кровь, способная передать потомству каплю дикой магии...

Миссис Абрамс, заставшая финал нашего разговора, су-

дорожно вздохнула и машинально потеряла свое запястье. На нем мерцала золотом татуировка – овал, приплюснутый с боков. Я уже спрашивала, что та означает, но Джулия ответила лишь, что это «звено».

***

Следующим утром, после очередной несанкционированной ночевки в Пункте связи, я вернулась в Академию. Мелисса заявила, что они с Ромулом решили перебраться на чердак, и щедро уступила мне их комнату с огромной кроватью. Роскошно выспавшись, я умудрилась проснуться задолго до начала занятий.

Едва я успела скрыться за поворотом в больничное крыло, как в Академию протиснулась неожиданная парочка. Крестный сжимал локоток Белинды и что-то шептал ей на ухо. Попадаться на глаза Артуру в мои планы не входило, и я скользнула на лестницу, ведущую в подземелье.

– Ты говорил, что решил этот вопрос... – через пару минут послышалось за углом, и я спустилась на пролет ниже.

Нет, ну надо же было из всех мест выбрать для любовной разборки именно это?

– Я не смог, Бэлли, прости, – виновато хрипел мой крестный. – Я оказался слаб.

– То, что ты натворил... Рано или поздно об этом станет известно.

– Я разберусь с этим. Не волнуйся, я не поставлю тебя под удар.

– Я беспокоюсь не за себя!

– Удивительное дело... Обладая безграничной волшебной силой, мы продолжаем мечтать об обычном человеческом счастье, – голос ректора звучал взволнованно.

– Человеческое счастье?! Оно не для таких, как мы, Арти... – резко оборвала его госпожа Боулз. – Ты добровольно выбрал этот путь.

– Но я теперь не уверен в его правильности, Белинда. Я чувствую... другое. В случае чего, ты будешь со мной?

– Я всегда с тобой...

Неловкость момента разрасталась ядерным взрывом, су-етливые шаги двух пар ног направились в мою сторону. Что поделаешь с несносной дестинской Судьбой? Ни дня спокойной жизни. Опасаясь столкнуться с парочкой престарелых влюбленных, я спустилась еще. Вот уже и подвальное помещение номер два осталось позади, а я торопливо топала все ниже и ниже, погружаясь в тяжелый влажный воздух подземелья.

Здесь было темно и сыро, но пахло приятно, чем-то травянисто-лестным и немного морским. Я уперлась спиной в какую-то нишу и почувствовала, что стена поддалась. Позади была дверь – обычная, деревянная, просто замаскированная. Не слишком переживая по поводу законности проникновения, я стремительно зашла внутрь. Хуже, чем столкнуться с целующимися преподавателями, все равно быть не может.

Обомлела. Открыла рот, закрыла, икнула... И снова от-

крыла. Да это лучшее, что произошло со мной за два месяца!

Место напоминало грот. Сводчатый каменный потолок нависал метрах в пяти. Впереди же раскинулось подземное озеро. Фантастически красивое, будто подсвеченное изнутри. Бирюзово-голубая вода сияла лунным камнем. Казалось, на дне установлены прожекторы, направленные вверх, в толщу воды.

Озеро было размером со стандартный бассейн, по сути небольшим, но, если учитывать, что мы находились в подвале Академии... да просто огромным! Его кривые края подпирали валуны, на которые можно было присесть и даже прилечь. Посередине водоема возвышался каменный остров-плато. В некоторых местах к озеру спускались песчаные дорожки – «цивилизованные» заходы в воду.

По бокам волшебного водоема раскинулись настоящие джунгли. Цветы и растения были живыми, но как-то умудрялись существовать без солнечного света. Все здесь было пропитано магией. Поверхность озера серебрилась, темная листва блестела... Было непонятно, что служит источником света, разгонявшим мрак пещеры. Водоем выглядел глубоким. Если на дне и впрямь стоял прожектор, до него было не меньше пяти-шести метров.

Очередная глупость пришла на ум, но побороть искушение не получалось. Вода была теплая, бирюзовая, ароматная... А я так скучала по побережью! В конце концов, это безрассудство вполне в стиле оранжерейной Милой Леди.

Почему бы и нет? Я расстегнула молнию и стряхнула с себя юбку, отбросив ногой в сторону камней. Шифоновая блузка полетела следом. Затем скинула туфли и решительно вошла в озеро.

На миг мной овладела паранойя, сразу стали мерещиться чьи-то взгляды из-за темной листвы. Но в зарослях было пусто. Только диковинные белые цветы, напоминавшие орхидеи, корнями стелились над самой водой.

Сделав два гребка, я перевернулась на спину и, окутанная благоуханием и светом, вдруг рассмеялась. Боже, какая глупость, видел бы меня Карпов! Объяснил бы сразу, сколько опасностей таится в неизвестных водоемах. Отравленная вода, злодеи в кустах, водоросли-убийцы, хищная рыба-молот на глубине... Чихнув на все мнимые предостережения – докатилась, уже и в воображении Демон читает мне нотации! – я стала резвиться глупым дельфином, поднимая ступнями столбы брызг и переворачиваясь с живота на спину и обратно.

Чемпионом по плаванию я не была, но любопытство отключило защитные инстинкты. Что-то внизу сверкало и манило, и я отважилась на небольшой нырок. Дно казалось близким, но доплыть не получилось. Отплевавшись от пресной воды, я повторила попытку. А потом еще одну, и снова... Когда я пальцами потянулась к песчаному дну, силы кончились. Вместе с воздухом...

Запаниковать не успела. Чья-то невидимая рука дернула

меня с такой силой, что я в пару секунд оказалась на поверхности и смогла судорожно вдохнуть. Вынырнула я как раз в том месте, где возвышалось каменное плато. Подплыла к плоской глыбе и оперлась на нее локтями, пытаясь отдышаться. В глазах то и дело темнело, к сознанию подкатывала дурнота. Чувствовала я себя паршиво.

– Вы заставили меня нервничать, мисс Дэлориан, – услышала я гулкий, густой голос, доносившийся откуда-то сзади. Это было так неожиданно и пугающе, что я чуть не ухнулась обратно в воду. – Будьте осторожны. Оно гораздо глубже, чем кажется.

Позади меня, на одном из валунов, в вальяжной позе сидел Карпов. Помяни Черта! Он выглядел непривычно – вместо рубашки и брюк на Демоне были светло-голубые джинсы и черная футболка-поло. Пиджак лежал поблизости на груди камней. В этой одежде он казался гораздо моложе, лет на двадцать пять. Если бы не голос, я бы в жизни не узнала своего преподавателя.

– И... давно вы тут сидите?

Это прозвучало довольно жалко, но ничего более умного спросить мне в голову не пришло.

– Скажем так: я пришел сюда раньше вас. Это хорошее место для уединения и размышления, – даже с такого расстояния было заметно, что он усмехается. – Было... Пока в воде не начал резвиться бешеный тюлень...

– Вам говорили, что вы бессовестная сволочь?

За такую манеру общения с преподавателем можно было схлопотать суровое наказание. Но ведь он за мной подглядывал, значит, вряд ли заинтересован выносить эту историю за пределы грота?

– Да, что-то такое я в свой адрес слышал... – на редкость спокойно отреагировал Карпов. – Как вы сюда попали? Ученикам запрещено посещать подземные территории. Это строго наказуемо, дверь для студентов закрыта.

– Тем не менее, она открылась, – недовольно выкрикнула я, догадываясь, что снова влезла в неприятности. – Ничего незаконного я не вытворяла, что бы вы там себе не нафантазировали.

– Право слово, с вами мне даже фантазировать не приходится... – продолжал ехидничать Карпов.

Я не стала додумывать, что он имел в виду. В эту минуту я активно размышляла над тем, как буду в одном белье вылезать из чертовой лужи на берег.

– Господи, ну почему... Почему все мои неприятности непременно оказываются связаны с вами? Почему не с Карамзиной? Не с Освортом? – горестно сетовала я, подплывая к берегу с той стороны озера, где сидел профессор. Я бы с радостью направилась к противоположному, но увидела, что моя одежда лежит на соседнем с ним камне. Хотя я была такая мокрая, что ждать спасения от шифоновой блузки не приходилось.

– Сам задаюсь этим вопросом. Какая-то извращенная ма-

гия. Я вас тут не искал, уж поверьте, – он развеселился, его голос стал почти приятным, не резким и гневным, а больше бархатистым и густым. – У вас нет идей? Может, мы с вами прокляты на взаимные мучения? Вот, держите, – Карпов бросил на берег свой пиджак и отвернулся, давая мне возможность вылезти из воды и накинуть его на плечи. – Не думаю, что вам стоит надевать свою одежду, пока не высохнете.

Поплотнее запахнув пиджак, я выжала мокрые волосы и откинула их обратно за спину. А потом уселась на соседний валун. Мне и впрямь надо было высохнуть, а заодно и отдышаться. Погружение в озеро изрядно вымотало, плавала я не так уж хорошо.

– Знаете, тут произошло что-то странное... Когда я нырнула в последний раз, то погрузилась слишком глубоко. Думала, не успею выбраться наверх. Меня оттуда вытянула какая-то сторонняя сила. Будто невидимая рука дернула вверх... Но это были не вы.

– Нет, не я. Какого черта вы полезли так глубоко? Вы, конечно, очень мило смотрите в воде, и вам идут мокрые волосы... Но плаваете паршиво.

В черных льдинках отчетливо читалось беспокойство. А ведь я заставила его поволноваться!

– Безрассудство взяло верх над здравым смыслом, – виновато улыбнулась я. – Я и сама уже не рада, что нырнула. Глупо. Но вы бы достали меня, если что?

– Что такое? Слышу в вашем голосе нотки облегчения

от мысли, что поблизости оказалась одна бессовестная сволочь?

Взгляд профессора стал лукавым, и щеки бросило в жар.

– Не зарывайтесь! – От идеи, что я могла утонуть, подташнивало, но я бы в жизни в этом ему не призналась. – Так вы бы нырнули за мной или нет?

– Был соблазн оставить вас тонуть и сделать вид, что меня здесь не было... – Карпов встал и подошел к кромке воды. – Одной проблемой меньше. Мне их и без вас хватает.

Оторвавшись от озерной глади, профессор обернулся и пристально глянул на меня. Милая Леди скорчила обиженную мину.

– Проведи вы в воде еще хоть полминуты, полез бы за вами. Не сомневайтесь. Правда, мне пришлось бы намочить одежду, и сейчас я был бы зол и громко орал.

– Тогда хорошо, что я справилась самостоятельно. И часто вы тут ищите уединения?

– Нечасто, но бывает, – он вернулся и снова сел на соседний камень, чуть ближе, чем раньше. – Когда надо сделать особенно трудный выбор, обдумать сложную ситуацию, подготовиться к неприятному разговору или переварить тяжелые известия.

– Это связано с тем, о чем вас попросил мой крестный?

Кажется, я с первой попытки попала в яблочко. Карпов ощутимо напрягся.

– И много вы слышали, непослушная мисс?

– Только как он просил вас об услуге, уделить кому-то особое внимание. Вашему старому знакомому.

– Да, связано. Не думайте об этом. И давайте закроем тему, – прямо и честно сказал Карпов. Не ожидала, что он ответит. Профессор повернул голову в мою сторону и принялся с интересом разглядывать мокрые волосы, беспорядочно разбросанные по спине и плечам. – Как вам показалась вода? Достаточно теплая?

Не удержавшись, заулыбалась. Это был самый нелепый перевод темы, какой мне приходилось слышать.

– Странно, что она пахнет цветами. Словно в нее набрызгали духов или ароматических масел.

– Здесь все зачаровано. Так почему бы озеру не пахнуть цветами? Полагаю, Аврора могла сделать воду розового цвета, если б захотела. В конце концов, она была женщиной. Девушки часто творят глупости, – с легким укором заявил профессор.

– Это она заколдовала пещеру?

– А кто же еще? Это ее личное озеро, со времен основания Академии.

Поймала себя на мысли, что все вокруг – волшебное свечение, теплая вода, диковинный аромат, живые цветы, – не так уж и странно. Обычная магия! А вот что по-настоящему выглядело невероятным, так это наша беседа. Мы впервые разговаривали с Карповым как нормальные люди, без пикировок, и даже не пытались перегрызть друг другу горло.

– Наше с вами знакомство... и... – мужчина замялся, задумался и продолжение фразы адресовал уже своим мыслям.

– И следующий за ним месяц... – подсказала я, вырвав профессора из дебрей подсознания.

– Да, они... не задались и стали...

– Не самым приятным периодом в моей жизни? Вы правы, – беззлобно пробурчала я, поплотнее заматываясь в его пиджак. – Собирались извиниться?

– Объясниться. Но это оказалось труднее, чем я полагал. Есть вещи, которые я не хотел бы...

– Дело в «Эншантели»?

– По большей части, в ней... Хоть и не только. Я имел удовольствие наблюдать необратимые последствия, вызванные стараниями парижской школы. А шесть лет – достаточный срок, чтобы растереть в муку самостоятельную личность. Вбить в юную голову устаревшие стереотипы и поведенческие шаблоны. Избавить от думающего мозга и заполнить...

– Малиновым желе, я помню. Или у меня клубничное?

Карпов неожиданно притянул за затылок, ткнул носом в макушку и сделал глубокий вдох.

– Нет. У вас там определенно мозг. Хотя отчего-то он пахнет цветами. Не повезло... С желе жить проще и веселее.

– И давно вы обнаружили во мне зачатки разума?

– Некоторое время назад. Иначе не взялся бы за дополнительные занятия. Бесплезная благотворительность не вхо-

дит в список моих вредных привычек, – ухмыльнулся Демон. – Я должен уехать на выходные, разобраться с одним вопросом.

– А в понедельник?

– Устрою вам очередную зельеварительную пытку и порчу одежды.

***

Карпов ушел, оставив мне во временное пользование свой пиджак и дюжину мыслей одна страннее другой. Я бы еще долго сохла, разглядывая озерную гладь, мерцающую лунным камнем, и прокручивая в голове нашу беседу. Но процесс нарушила наглая теле-маго-грамма, на бреющем полете проскользившая над водой и вмазавшаяся мне в лоб. И кто это такой невежливый?

Кому: «Мисс Эншантель»

Тема: Вниз. Срочно.

От кого: ПП.

Преступные таланты у умницы-дипломатки проклевывались один за другим! И как Присцилле удалось взломать одностороннюю академическую связь? Пришлось спешно натягивать одежду прямо на влажную кожу.

– Что с ним? – по-свойски просачиваясь в заброшенный хозблок, поинтересовалась я без приветствия.

– Сама скажи, ты у нас врач, «Мисс Эншантель». Лечи, – выдохнула зеленоглазая дьяволица, подталкивая корбку ножкой ко мне.

Наш пациент дал трещину. Да не одну, а два десятка. Испещренная мелкими неглубокими царапинами, гибкая скорлупа напоминала высохшую, обветренную кожу. Неявное содержимое нервно перекатывалось за матовой, голубой в бордовых разводах, стенкой.

– Ты говорила, что раньше грела его в воде? – уточнила я, смутно нащупывая истину. – И скорлупа не трескалась?

– Грела, – призналась Присцилла и кивнула на заплесневелый угол. – Вон в том тазу.

Похоже, вопрос был не медицинским, а косметологическим. Человеческая кожа так трескается от недостатка увлажнения. И если моя догадка верна, у нас большие неприятности...

– Это не яйцо, – чужим, чуть охрипшим голосом заявила я. – Ты украла икринку.

– Головой стукнулась? Она же размером с волейбольный мяч!

– Значит, это икринка кого-то очень...

– Большого?

– И водоплавающего. У тебя найдется гигантский аквариум, когда он вылупится? Нет? – подначивала я незадачливую воровку. – Тогда будем надеяться, что это огромная лягушка. А сейчас тащи таз. Будем его купать.

Напитавшись теплой влагой, наш шар с таинственным содержимым довольно залоснился и успокоился. Постоялец икринки принялся флегматично кувыркаться во временном

убежище. Выкупанное «яйцо» мы снова замотали в термо-плед и уложили в короб.

– И как часто ему нужны водные процедуры? – заворчала я, включая занятого доктора с кучей не менее важных пациентов.

– Придется составить график дежурств, – вздохнула Присцилла, с недовольством осознавая, что наш «союз спасения» вынужденно крепчает.

Глава 17. Вечер понедельника

Нетерпеливо подергивая ногой, я сидела на кровати Джен и слушала, как солнечная Элайза рассказывает о грядущей помолвке. Риды были небогатым семейством, но с «качественной» родословной. И сестре Рашели выпал счастливый билет, как она сама выражалась, а проще говоря – младший сын какого-то английского лорда.

– Эрик учится в Лондоне, но на Рождество приедет сюда. Я уже все распланировала...

Элайза была рациональной и деятельной натурой, и в фантазиях не летала. Мне стоило у нее поучиться.

– Ани, ты чего-то ждешь? – пробурчала Джен, в сотый раз пихнув мою дергающуюся ногу. – Или куда-то торопишься?

– Да нет... Куда мне? Просто... Хочу пройтись! – внезапно подскочила я и выбежала в коридор, осознав, что начинаю нелепо краснеть.

Я, действительно, пока никуда не торопилась. Но ждала. И только сейчас поняла, чего именно. Вечера. Понедельника.

***

– Вы загорели! – то ли с удивлением, то ли с возмущением заявила я.

– Это трагическая случайность. И как?

– Неп-п-привычно, – запнулась я, чуть не сболтнув, что он безумно, неприлично хорош в оливковом свечении кожи.

– Вам тоже не мешало бы бывать на солнце.

– Меня не берет загар, – сразу вспомнились размытые красные пятна, образующиеся на коже после встречи с ультрафиолетом. – Да и с крестным, мечтающим запереть меня в подвале номер три, я, скорее, приобрету сходство с обескровленным трупом...

– Остается вариант вгонять вас в краску. Тогда есть шанс на румянец, – пробормотал себе под нос Карпов, явно пребывавшей в хорошем настроении после «важной командировки», окончившейся медовым загаром.

– Где вы все время пропадаете? – решила спросить, рискуя отправиться «протирать склянки». – То тролли, то царапины, то загар...

– В этот раз пытался разобраться с одним вопросом своими методами, в обход идиотской затеи вашего расчудесного крестного, – признался Карпов, бросая пиджак на спинку кресла. Весь вид профессора говорил, что он вернулся в Академию только что. – А вообще... Вам ведь рассказывали про МОС. Существуют вещи, которые не должны заполучить арканы. Правда, в наши руки они тоже не стремятся попадать. Темное братство и раньше вело поиски, но сейчас... Кое-что удастся перехватить, но почти всегда мы поспеваем к пустому столу и разоренным гнездам. Ситуация усугубилась после смерти одного человека.

– Это был ваш друг? Тот... Кристиан?

По-хорошему, надо было предложить перенести наше за-

нятие. Несмотря на отпускной оттенок кожи, Карпов выглядел измотанным. Но язык как-то не повернулся.

– Вашу бы внимательность да в полезное русло! – беззлобно фыркнул профессор. – Друг, да... бывший. Ему кое-что принадлежало, осталось в наследство от предка.

– И что за «вещи»?

– Ваш крестный – известный коллекционер тайн, пророчеств, описаний древних обрядов. Так что речь не только о предметах.

– А я-то подумала про золотые кубки и ритуальные кинжалы! – разочарованно вздохнула я.

– Такое тоже попадает, но случайно. Стилет, что вы видели, очень древний... Вы разобрались с Сияющим щитом?

– Пыталась. Но там движение такое мудреное! «Расчертить полумесяц влево и с нижним выпадом уколоть в верхнюю точку».

– Не деле проще, чем звучит, – усмехнулся Карпов и цепко взял меня за запястье. Но вместо того, чтобы показать движение, сосредоточенно уставился на ладонь. – Ваша рука... Она какая-то неправильная.

– Что с ней не так?

– Не дрожит, не холодеет, не потеет. И вы ее не одергиваете.

– У меня на вас выработался иммунитет, сэр, – поделилась я давней догадкой. – Показывайте скорее, пока не упала в обморок.

Спустя полчаса он выпустил запястье из горячего плена. Щит получился слабоватым, но «для первого раза сойдет», согласился со мной Демон. Его прикосновения не доставляли дискомфорта, но, оказавшись на свободе, я испытала странное облегчение.

Вспомнив снова, что «мы тут снадобьями занимаемся, а не чем-нибудь другим», Карпов выдал очередной пергамент и подтолкнул к ненавистному столику. Готовить предстояло «Мортию» – зелье мнимой смерти, из того самого Снежно-ягодника Пурпурного. Судя по количеству ингредиентов и операций с колбами и трубками, смерть грозила мне, и отнюдь не мнимая. Вполне себе от старости, прямо вот за этой хрустальной чашей.

***

Что-то заставило поднять голову.

Мужчина стоял у окна, в задумчивости развернувшись ко мне. Он был расслаблен, погружен в какие-то свои мысли и машинально потирал пальцами подбородок... Слабенький разряд тока, щекотливой волной прошедшийся по мышцам, был совершенно не к месту.

Я и раньше замечала, что у Карпова красивые глаза, но сейчас они казались невероятно глубокими и мерцали черными бриллиантами. А скулы – такими острыми, что при несоблюдении техники безопасности о них вполне можно было порезаться.

На художественно очерченные губы я раньше вообще не

обращала внимания. И на короткую гриву жестких волос, наделенных необычным для мужчин маслянистым блеском, тоже. И уж точно старалась не вспоминать о твердых мышцах, прятавшихся под тесной рубашкой. И зачем, спрашивается, я сейчас об этом подумала?

Привлекательный монстр. Какое опасное сочетание! Саблезубая тигрица тоже была хороша собой. Только это не помешало ей клацать клыками перед моим носом.

– О чем задумались, мисс Дэлориан? – прервал мои неприличные размышления Демон. – Вы так странно смотрите.

Не то слово, странно. Сама в недоумении. Страшно подумать, как выглядит мой изучающе-мечтательный взгляд со стороны.

– Неважно, сэр. Я отвлеклась... Простите, – виновато проворковала я и уткнула нос в хрустальную чашу, проклиная себя за неуместные мысли.

Зелье начало густеть, и я спешно принялась его размешивать и разбивать комочки.

– Мне любопытно. Сами поделитесь или бросить в вас вот этим?

Карпов ехидно улыбался, подкидывая пальцами голубой сгусток света. Ох, как некстати! Мне и самой любопытно... Но не настолько же?

Я отчаянно замотала головой, но мой протест его лишь раззадорил. Демон легонько сдул шар с ладони, и тот мед-

ленно поплыл по воздуху в моем направлении.

– Перестаньте! Это незаконно! – возмущенно прошептала я, пятясь назад и сшибая спиной все на пути.

Шарик плыл неспешно, но настойчиво. Втянув живот, прижалась к серванту, и сгусток света проскользил мимо, но у двери развернулся и снова полетел ко мне. Он что, самонаводящийся? Тогда песенка спета... Карпов присел на край стола и насмешливо наблюдал за моими хаотичными перемещениями по кабинету.

– Так и будете бегать? Или дадите отпор?

И магическая формула, и несложное движение, изученное полчаса назад, – все тут же выскочило из головы. Я продолжала удирать от ментального шара, будто тот собирался съесть меня живьем.

– Страшно представить, о чем вы думали. Строили планы по захвату мира? Намеревались собрать коалицию троллей? Отбивайтесь, мисс Дэлориан.

Лучше бы и впрямь про троллей думала! Это хотя бы объяснимо.

– Я не могу сосредоточиться, когда он на меня летит! – недовольно буркнула я, и отбежала к столу, на котором сидел профессор.

– Полагаете, в реальной битве враги подождут, пока вы сконцентрируетесь? – Он резко схватил меня за талию, не давая увильнуть от шара, развернувшегося у двери и полетевшего к нам. – Щит. Быстро. Или дайте посмотреть, что

там у вас прячется в симпатичной головушке.

Жалобно заскулив, я дернулась, но с места не сдвинулась. Талия была зафиксирована в демонических лапах, будто в железных тисках. Зажмурившись в предвкушении позора, я выставила перед собой жезл, пролепетала формулу и, не глядя, расчертила в воздухе «полумесяц влево».

Сквозь сомкнутые веки различила серебряное сияние, вырвавшееся из палочки и развернувшееся красивым, крепким щитом в полуметре от груди. Ментальный шар с хлопьями разлетелся вдребезги, едва коснулся мерцающей паутинки.

– Хорошая девочка, – похвалил меня Карпов, словно послушного питомца, и ослабил железную хватку. – Вот что творит мотивация. И о чем вы думали?

Ага, раз – и добровольно призналась! Стоило тогда каблуки сбивать?

– О том, что вы опасный человек, профессор. – Я нервно дернула плечами, выпуталась из его лап и направилась к своему зелью. – И что, будь у меня хоть капля разума, я бы никогда не подписалась на эти дополнительные занятия. Ох... Да что за невезение!

Я расстроено обзревала хрустальную чашу. Снадобье настолько загустело, пока я бегала от голубого шара, что по консистенции напоминало кирпич. В сердцах швырнув палочку на зельеварительный стол, сквозь зубы процедила порцию отборных ругательств. В глазах встали непрошенные

слезы.

– Вы ведь не собираетесь плакать, мисс Дэлориан?

Гневно сдвинув брови, Карпов подошел ко мне. Едва он это произнес, как на щеку предательски сорвалась огромная соленая капля. Мужчина небрежно смахнул ее тыльной стороной ладони.

– Прекратите. Не разводите тут...

Плотно сжав губы, я со свистом вдохнула и запретила себе плакать. Но тут же по щеке прокатилась вторая слеза, крупнее первой. Эту Карпов тоже стер, не особо заботясь о нежности.

– Хватит!

Кажется, он всерьез разозлился. А у меня кончилось ангельское, годами тренированное терпение.

– Да что с вами не так? – истерично выкрикнула я, отпустив на волю третью слезу и больше не сдерживаясь. – Почему вы... такой?

– Какой? – сердито поинтересовался мужчина, большим пальцем убрав свежую мокрую дорожку с моей щеки.

– Грубый, злой, высокомерный, язвительный, желчный... – начала перечислять я, загибая пальцы. – Никого к себе не подпускаете. Так хочется, чтобы вас все ненавидели?

– Вы переходите границы, мисс Дэлориан.

– Думали, только вам позволено вторгаться в чужое личное пространство? – надменно фыркнула я. – Сияющий щит не такой уж и сложный. Знаете, почему его осваивает только

один из десяти? Потому что остальные девять падают в обморок в вашем жутком обществе!

– Вы забываетесь, – ледяным тоном сказал Карпов.

– Вам так удобнее, да? Можно ничего не чувствовать. Быть равнодушным, как камень. Хорошо устроились!

– Замолчите немедленно, или я вас заткну, – процедил профессор.

– Что с вами случилось? Как вы стали таким... холодным? – сопела я, заведенная до предела.

– Закройте... Свой... Рот...

Губы его дрожали, сжатые в кулаки руки побелели.

– Может мне в вас кинуть ментальным шаром? – язвительно прошипела я. – Научите-е-мм...

Это было последнее, что смог произнести мой рот. Дальше раздалось мычание. Потому что Карпов меня, действительно, заткнул. Грубым и резким поцелуем.

Через пять секунд демонические губы оторвались от меня. Профессор спешно сделал два шага назад и завел руки за спину. Я смотрела на него не моргая, забыв все слова на свете, включая «мама» и «спасибо». Кожа на губах горела, будто ее обдали кипятком. Щеки пылали. Про дыхание я вообще забыла. Может, и к лучшему. Помереть сейчас от удушья, быстро и бесшумно, – самый предпочтительный вариант.

– Надо было как-то заставить... замолчать, – неуверенно прошептал Карпов. Черные космические дыры растерянно сияли на мертвенно-бледном, а еще полчаса назад солнеч-

но-оливковым, лице. Черт, да он был напуган не меньше меня. И тоже не против скоропостижного удушения. – Вам лучше уйти. Прямо сейчас.

Заторжено кивнув, я на ватных ногах попятилась к выходу. Вырвавшись на свободу, побежала к лестнице и чуть кубарем с нее не слетела. Крепко уцепившись за перила, я опустилась на ступеньку – ноги подкашивались и совсем не держали. Под коленями собрались полчища мурашек, пальцы взволнованно дрожали. Меня мутило от страха, но внутри все полыхало. Пять секунд. Черт, пять! Секунд! Почему меня так трясет?

***

Игнорируя глазунью, я сосредоточенно клевала поджаренный бекон. Глаза сами отрастили воображаемые шторы: я видела только белый глянец своей тарелки. Ничего лишнего.

– Карпов? – сочувственно бросила Джен. – Ты мрачная все утро.

Молча помотала головой и сконцентрировалась на беко-не. Вторник был спокойным днем, избавленным от демонических дисциплин. Три урока, обед и дежурство в одинокой прохладе больничного отделения. Я рассчитывала спрятаться на кушетке за дальней ширмой и хоть немного поспать. Ночью сомкнуть глаза так и не получилось.

Ничего *такого* не произошло! Уговаривала я себя и, за компанию, Аврору, выглядывавшую из ночи цвета индиго.

Волшебница посматривала ехидно, и к утру ее кривая улыбка все сильнее напоминала губы Мрачного Демона. Красиво очерченные. И горячие.

Дженни о чем-то мелодично потрескивала, но уши сами фильтровали «входящий поток». Я просто кивала на каждом десятом слове, не вдаваясь в смысл.

– ...в Большой Совет Академии, представляешь? – донесся до меня оборванный финал возмущенной фразы, и я картинно раскрыла глаза и кивнула.

Хорошо, что он не прочитал мои мысли. Уверена, я единственная девушка на планете, умудрившаяся в пугающем обществе Карпова думать о его ресницах и скулах. Пожалуй, он мог словить инфаркт. И плакал бы тогда мой промежуточный экзамен по снадобьям.

– ...вот будет аттракцион, если они поладят. Какая забавная парочка получится! – хихикала Джен, но я не поняла, про кого, и снова кивнула.

Ночью мне в голову пришла сотня способов заставить человека замолчать. И поцелуй был точно не первым в списке. Странный выбор, профессор.

– ...я видела ее фотографию в журнале. Невероятно хороша собой. Только печальная, будто похоронила любимого песика, – закатила глаза Джен, сплетничая про какую-то волшебницу из высшего света.

Самое гадкое... что было не гадко. За пять секунд особо не разберешь. Но не противно, как можно ожидать. Даже

приятно. Прямо очень. И эти чертовы мурашки под коленками, будь они не ладны! Мне срочно требовалась консультация профессионала.

Вырвавшись из-под информационного гнета, я проводила Джен на урок магической символики для пятикурсников, а сама поплелась на сдвоенную лекцию Осворта.

Куратор меня не донимал. Особенно после незабвенной лунной ночи, в ходе которой мои нежные пальцы нашли его мягкие, покрытые золотой шерстью волчьи уши. С тех пор наши отношения стали более интимными и трепетными, и я никогда не ждала подвоха от занятий одомашненного вервольфа. После того, как Ромул закапал слюной подол моей форменной юбки, я считала его кем-то вроде взрослого и временами лохматого друга.

Следом за Освортом я попала в общество академической дриады. Разговор зашел про троллей, и я всю лекцию просидела, борясь с румянцем. Эти существа значили очень много, хоть я и надеялась никогда не повстречаться с ними в реальности. Сколько раз Карпов грозился отдать меня им на съедение. Хотя, в свете последних событий... Думаю, он не стал бы делиться.

На обеде я рискнула оторвать глаза от тарелки лишь единоразово, и тут же погрузилась в два черных омута, сурово глядевших на меня из-под темных ресниц. Не знаю, кто из нас отвел взгляд стремительнее. Я принялась так интенсивно рассматривать плавающие в супе овощи, что едва не про-

буравила дыру в керамическом дне.

Интересно, Карпов все время на меня глядел, или так совпало? Обычно я чувствовала подобные вещи, но сегодня «демонический радар» взял выходной.

От волнения внутренности крутило, словно в центрифуге, и я еле передвигала ноги, топая в больничное отделение. Похоже, мне самой нужна медицинская помощь.

***

Госпожа Пламберри сидела на кушетке у окна и листала потрепанный «Лекарский Вестник» за прошлый год. Я плюхнулась на соседнюю койку и протянула ноги.

– Вылечи меня, Мари. Или хотя бы поставь диагноз, – горестно улыбнулась я и сомкнула веки.

– Симптомы? – спокойно уточнила лекарша, закрыв журнал и обратившись в слух.

– Мурашки под коленками. Дрожь во всем теле. И ноги... будто ватные. А теперь живот болит, как при отравлении, – серьезно перечислила я и перевернулась на бок, чтобы подглядывать за реакцией врача.

– С чего все началось? – уже беспокойнее поинтересовалась женщина, заправляя за ухо выбившийся из пучка светло-русый локон. – Ты что-то съела?

– Нет, один парень... – начала я, и чуть не прыснула со смеху, еле сдержалась. Да уж, «парень». – Он меня как будто поцеловал. Неожиданно. И ноги подкосились. Еле до комнаты дошла.

– Ну, это не смертельно, – пробубнила пожилая дама, красноречиво сдвинув брови, и снова открыла свой журнал. – Но иногда заканчивается очень плохо. Я так замуж умудрилась выйти.

– Ужасная шутка, Мари, – проворчала я. – Может есть какая-то волшебная таблетка, чтобы органы встали на свои места?

– Мои до сих пор не встали, – печально прошептала докторша, вновь закрыв «Лекарский Вестник» и направив взгляд в окно. – После смерти Генри я больше такого не испытывала. Мурашки под коленками! Я и забыла, пока ты не сказала. Да, так все и было. Он взял мою руку на втором свидании – на первом не решился, – а я как задрожу осиновым листом.

– А потом?

– Поцеловал в щеку. Тело обмякло, и я тряпичной куклой завалилась в кусты. А Генри рассмеялся, какая я неуклюжая.

– Вы были счастливы, да? – глядя в умиротворенное морщинистое лицо, догадалась я.

– Лучшие годы... Затем все как в тумане.

– Он ведь очень давно умер, – непонимающе пробормотала я. Мари уже лет тридцать, как вдова.

– Судьба хотела забрать его совсем молодым, но я не позволила. Ухаживала за Генри несколько лет. Ездили по миру, изучали волшебную медицину Китая и Индии. Он ворчал, чтобы я его отпустила и пожила своей жизнью, насладилась

юностью... – В серых глазах встали перламутровые жемчужины слез, но скатываться не спешили. – Это и была жизнь, самая настоящая, счастливая. С ним вдвоем. Ну и что, что в комплекте шли травы, снадобья и прочая лечебная шелуха? А то, что было после...

– Ты поэтому пошла лекарем в Академию?

– Ухаживать за кем-то стало такой естественной потребностью... Пожалуй, единственный оставшийся в жизни смысл, – вздохнула госпожа Пламберри, а затем, поерзав на кушетке, вдруг добросердечно хохотнула: – А что за парень? Расскажешь?

Плотно склеив губы, я помотала головой и спряталась под одеяло. Надеюсь, Мари не придет на ум подмешать мне в чай какое-нибудь «зелье предельной откровенности»?

Глава 18. Глициния Бурестрастная

«Профессор А. Карпов уведомляет вас о том, что дополнительное занятие в среду вечером не состоится по причине отсутствия преподавателя в Академии»

В десятый раз я дырявила глазами картонку с коротким сообщением, пытаясь обнаружить в ней скрытый смысл. Больше других смущало слово «причина». Интуиция подсказывала, что отсутствие преподавателя – скорее выдуманый повод для отмены занятия. Доблестный, храбрый, могущественный профессор А. Карпов решил сбежать из Академии, сверкая пятками, от моего вечернего общества. По причине, понятной нам обоим.

Жалко, теле-маго-граммы были односторонним видом связи. А то мне в голову пришло несколько остроумных ответов, высказать которые вслух я бы в жизни не решилась.

«Мисс Анна Дэлориан интересуется, не запланирован ли у профессора А. Карпова вылет в космос на время пятничного занятия. Ей не хотелось бы зря готовиться к самостоятельной работе по «Волшебным травам».

Поток лихорадочного остроумия прервался грохотом двери: почему-то в больничное отделение все вваливались с неприличным шумом. В проем просунулось зеленое лицо, обрамленное рыжими вихрами. С извиняющимся видом Пит Кавендиш согнулся пополам и со смачным бульканьем оро-

сил белоснежный пол рвотой синего цвета.

Спрятав записку в карман, я поспешила на помощь к отравившемуся бедолаге. Следующий час мои функции исчерпывались тем, чтобы менять заполненные лазурной жижей ведра на чистые и пустые. А также изредка подсовывать Кавендишу восстанавливающий чай, после которого... ну да, снова приходилось менять ведра.

– Господи, Пит, почему она синяя? – в очередной раз недоумевала я, вытирая ему щеки влажным полотенцем.

– Прости, Ани, – еле слышно бормотал парень. Рыжие пряди облепили взмокший лоб, лицо выглядело бледным, словно писчая бумага. – Хотел прогулять «Снадобья», сегодняшней тест для пятикурсников... Съел несколько ягод Паслена Пугливого... Читал про их рвотный эффект. Думал, будет чуть-чуть.

– Ну, тебе хотя бы удалось их сорвать, – с уважением сказала я и влила ему в рот немного чая, который синим фонтаном тут же отправился обратно, окрасив мой серый халат лазурными брызгами.

– Боже... Анна... Умоляю, прости, – жалобно пробулькал Пит.

Дверь снова с хлопком отворилась, и в кабинет стремительно влетел Демон. Судя по мрачной телесной оболочке, он еще присутствовал в Академии и в космос пока не собирался.

– Где этот идиот? – гневно рявкнул Карпов и прошел ми-

мо, будто не замечая моей скромной персоны. – Господин Кавендиш... В следующий раз, решив прогулять занятие, обращайтесь напрямую ко мне. Я накормлю вас такими ягодами, от которых вы неделю из уборной не выйдете. Есть еще такие, от которых кожа лоскутами слезет... И от которых ваши огненные волосы выпадут клочьями...

Испуганно икнув, Пит резво склонился над ведром. Я же, наоборот, выпрямилась и уставилась на профессора.

– Судя по роскошному оттенку, он наелся пасленов? – угадал Карпов, и я кивнула. – Ладно, парень в вашем распоряжении. Надеюсь притащить его на занятие... но с таким фонтаном себе дороже. Развлекайтесь.

– И вы, сэр. Надеюсь, вечером вас не съест тролль в ходе крайне важного, срочного мероприятия.

Если Карпов и ответил что-то, то я не услышала: кабинет снова заполнился звуком рвоты, бьющейся о металлическое дно.

Поскольку мой вечер был абсолютно свободен, я решила составить компанию Питеру. До сияющей пустоты прочистив кишечник, он задремал на кушетке сном младенца и через два часа очнулся относительно бодрым. Приведя себя в порядок в больничной душевой, и, надеюсь, многократно почистив зубы, он вернулся ко мне посвежевшим и похорошевшим.

– Еще миллион раз прости, мне так неловко, – бормотал Пит, глядя в пол. – Как тебя отблагодарить, Ани? Ты мне

жизнь спасла!

– От синей рвоты еще никто не помирал... Наверное, – расхохоталась я. – Ты точно хорошо почистил зубы?

– В три подхода... А что?

– Хочу тебя кое о чем попросить. Но так, чтобы об этом никто не узнал, ладно? Вроде эксперимента.

– Все, что угодно.

Кавендиш поднял доверчивые серые глаза, и меня задушила неловкость. То, о чем я собиралась просить... Идея была нетривиальной.

– Можешь меня поцеловать? По-нормальному, по-взрослому.

– Я ослышался? Галлюцинации от паслена? – захлопал ресницами парень.

– Нет, я правда попросила себя поцеловать. Это глупо, знаю, – виновато пожав плечами, я спрятала покрасневшие щеки в ладонях. – Просто мне надо кое-что проверить.

Почесав рыжий затылок, Пит встал с кушетки, вытащил мое лицо из похолодевших пальцев и мягко прикоснулся губами к щеке. Очень робко он приклеился ко рту, а затем уже увереннее скользнул языком за зубами. Ноги подкашиваться не собирались, но это было приятно и очень нежно. Разве что как-то... по-братски.

– Как тебе? – смущенно поинтересовался Пит, оторвавшись от моих губ.

– Здорово. Приятно. Ты ведь не расскажешь никому?

Замотав головой, парень пробормотал что-то вроде «Самой собой», и по сияющему взору я поняла, что завтра об этом будет знать вся Академия.

***

– Кавендиш? – возмущенно трясла медными волосами Джен, зажав меня в дамском туалете между раковинами. – Рыжий недотепа Пит? Самый безобидный парень на планете?

Она была нелестного мнения о своем однокурснике.

– Я просто хотела его подбодрить. Ты бы видела, в каком состоянии Питер приполз вчера в больничное отделение, – в шутку оправдывалась я.

– Теперь к тебе очередь выстроится... С таким-то новаторским подходом к реабилитации больных.

Мы вышли из уборной и, глуповато хихикая, отправились на урок "Полезной практической магии". Всю лекцию Карамзиной Дженни тихо меня подначивала, спрашивая, не хочу ли я еще кого-нибудь «подбодрить». Мне хотелось, но подруге об этом знать не следовало. Да и мне самой, если похорошему, полагалось отправить мысли бодрой шеренгой в другую сторону. Так что я делала вид, что увлечена рассказом о супружеских телепортах.

Энди Макферсон по-прежнему сидел через стол, но теперь он даже не смотрел в мою сторону. Черт, похоже и до шестикурсников дошла история о злосчастном поцелуе.

После занятия мы с Джен, наконец, разделились, и я по-

шла в тренажерный зал на Практику сражения. Сегодняшний магический спарринг проводил Осворт, и я рассчитывала отсидеться на задних рядах. Спрятавшись за белокурой шевелюрой мисс Бэггинфорт, на этот раз пришедшей в обтягивающем синем комбинезоне, я почувствовала, как кто-то легко ущипнул меня за лопатку.

– Ай! – шепотом проворчала я и обернулась, с размаху нырнув в прозрачные глаза Елисея Дорохова.

Посмотрев на него пару секунд, я смущенно развернулась обратно.

– Я целуюсь лучше Кавендиша, – прошептал в ухо дерзкий аристократ.

– Ты не можешь быть в этом уверен, – тихо засмеялась я, осознав, в какой нелепый переплет попала со своим экспериментом.

– Просто знай, что я к твоим услугам. Не разменивайся в следующий раз на ерунду, – надменно заявил Елисей, окутав меня ароматом дорогого парфюма.

Эльф недоделанный!

– Орда твоих поклонниц не будет против?

При всей своей рассеянности, я множество раз замечала его в компании меняющихся девиц, иногда двух сразу. Интересно, он сам осознавал, что они разные, или принимал за одну и ту же?

– Их мнение меня мало волнует, – лениво ответил Дорохов и выдул струю теплого воздуха в затылок, заставив тан-

цевать выбившуюся прядь.

Хлопнуть бы его чем-нибудь увесистым по золотистой макушке... Но привлекать внимание не хотелось.

***

За обедом Джен почти не слушала мой рассказ про лестное предложение аристократа с соломенными волосами. Она витала в своих мыслях, но пару раз исподлобья окатила меня неприязненным взглядом. Ничего не понимая, я попыталась ее растормошить, но подруга гневно пересела за соседний стол.

– Дженивьева! – сердито рявкнула я, привлекая ее внимание. – Что за муха тебя укусила?

– Не укусила... И не меня! – фыркнула Джен и принялась увлеченно грызть салатный листик. Но не выдержала, и с набитым ртом добавила: – Пита оказалось мало?

– Нет... Прямо достаточно. До сих пор расхлебываю. В чем дело?

– Я сама не слышала... Но кое-кто утверждает, что ты и с Антоном...

Ее глаза полыхнули зеленым огнем.

– Не было такого, – растерянно замотала я головой.

– А он болтает своим друзьям, что было, и, мол, ты сама предложила, – грубо прошипела Дженни.

– Только если я была без сознания... Эй! Я бы не стала, – преданно заглянула в изумрудные глаза, – я и с Питом не особо хотела!

– Зачем же тогда?

– Мари рассказала про своего мужа... Как у нее ноги подкашивались и мурашки бегали от каждого его прикосновения. Мне захотелось проверить, что я почувствую, – призналась я подруге, ограничившись полуправдой.

– Ани, а ты не думала, что для этого парень должен хоть немного нравиться? – недоуменно фыркнула Джен и пересела обратно за наш стол.

Конечно, думала... Но на тот момент у меня не было такого количества кандидатов.

***

– Ты и Пит...?

Макферсон выловил меня по пути к лестнице, на которой я планировала скрыться от хихикающих пятикурсниц. Оттеснив в темный коридор больничного крыла, он негодуяюще пронзил меня серо-голубыми глазами.

– Господи, Энди, и ты туда же! – я закатила глаза и скорчила несчастную мину. – Глупая шутка, длившаяся три секунды. А этот болван додумался разболтать. Хочешь, можешь осуждать...

– Осуждать – не хочу.

– А чего тогда хочешь? – недовольно проворчала я.

Парень сосредоточенно выдохнул, почесал затылок и посмотрел на меня так странно, что легкие замерли на полувдохе, а живот прилип к ребрам. Энди крепко сжал мою руку, отвернулся и молча потащил за собой к выходу из Ака-

демии.

***

Из всех зимних теплиц Оранжерея №5 была самой роскошной. Ее потолок увивали декоративные лианы, с которых свисали длинные соцветия, туго набитые фиолетовыми бутонами. Дивный аромат кружил голову и раззадоривал любовный пыл.

В отличие от прочих оранжерей, в этой находиться без присмотра преподавателя было запрещено. Местные растения использовались для приготовления весьма пикантных зелий, внушающих симпатию, страсть, желание и даже влюбленность. Ученики сюда допускались избирательно и лишь небольшими группками одного пола.

Энди мягко втолкнул меня внутрь. В который раз решила не оказывать ему сопротивления... Хищной поступью парень продвигался ко мне, оттесняя в конец стеклянной комнаты и волнуя целеустремленным взглядом. Прислонившись к прохладной стене, я замерла в ожидании.

Дотронулся легко, еле ощутимо... Подушечки пальцев скользнули по щеке вниз. Энди приподнял пальцами мой подбородок, заставив сердце подскочить от нервного предвкушения, и аккуратно приклеился к губам. Ладно, об этом парне я думала давно! Если уж и проводить "эксперименты"...

Я позволила притянуть себя поближе и запустила обе ладони в ежик мягких волос. Ласково и нежно Энди покры-

вал мои щеки и виски быстрыми поцелуями, тесно прижимая к стене твердыми мышцами. Джен и слухи не соврали – это было чертовски приятно.

Лучше, чем с Питом.

Опередленно.

И все-таки...

Я не успела поймать тонущую в сладких ощущениях мысль, потому что те вдруг стали... совсем не сладкими. Что-то пошло не так.

Губы стали грубее и развязнее, а язык – так вообще обнаглел...

Слишком агрессивно.

Неприятно.

И страшно, в конце концов!

Чем дальше, тем больше парень вгрызался в меня, зажимая запястья над головой.

– Энди, хватит... Остановись, – пробормотала, увернувшись в сторону от алчущего рта.

По мутным глазам поняла, что слух у парня временно отключен и «абонент не доступен». Его губы продолжали требовательно искать мои, а руки жетско, до синяков, прижимали к стене.

– Я больше не хочу, отпусти! – по-учительски сурово рявкнула я.

Макферсон разжал пальцы и слегка отшатнулся. Недоуменно поглядев пару секунд, он криво улыбнулся и снова

прилип к моему рту. Да что же он непонятливый-то такой!

Поцелуй приобрел какой-то дикий, животный окрас, но приятнее не стал. Наоборот, прибавил решимости вырваться из железных объятий. Ткнув ладошками в твердую грудь, я попыталась отпихнуть от себя тяжелое тело. Пальцы поскреблись по кирпичным мышцам и поняли бесполезность мероприятия. В полной мере я осознала свою глупость и жалобно заскулила.

– Прекрати, Энди... Отпусти... Пожалуйста...

Серо-голубые глаза сверкнули хищным блеском. Парень оторвался, приподнял верхнюю губу и обнажил ровные зубы. А затем страстно прорычал что-то мне в лицо.

С запоздалой мыслью о том, что влипла не по-детски, я крепко зажмурилась и приготовилась... да, пожалуй, что уже ко всему.

– Господин Макферсон, живо на выход! – громоподобно выкрикнул некто за спиной парня и с силой дернул его за плечо, отлепив, наконец, от моего тела. – Идите, подышите воздухом... И ждите теле-маго-грамму с наказанием за посещение закрытой территории.

Появление Карпова подействовало на Энди отрезвляюще: даже три литра кофе и ледяной душ справились бы хуже. Он мигом выскочил из оранжереи и унесся навстречу семи ветрам. Я же в шоке сползла по стеночке на пол. Обхватив колени руками, уткнулась носом в юбку и притворилась каменным валуном. Может, не заметит?

– Так прячутся в четыре года, мисс Дэлориан, – грозно проговорил профессор и встал надо мной двухметровой горой. – Эта оранжерея – худшее место для подобных утех. Думаете, вход закрыт по моей прихоти? Людям здесь трудно себя контролировать. Выплывают наружу звериные инстинкты. Можно ненароком потерять себя... и многое другое.

Исполненная возмущения, я вскинула на него густо покрасневшее лицо.

– И под «многим другим», мисс Дэлориан, я подразумеваю репутацию порядочной девушки. А не то, что вы подумали, – Карпов глядел на меня с нескрываемым презрением. – Хотя, я не представляю, как бы вы отбивались от этого верзилы Макферсона через десять минут... Так что ваш вариант тоже прекрасно подходит. Вы что, совсем идиотка? Не видите, что над вами? Это Глициния Бурестрастная. Способна за пару минут превратить людей в рабов своих желаний, едва найдет уязвимое место.

Мои ноздри принялись раздуваться от гнева. Вот уж не ему волноваться о моей репутации и рассказывать про животные инстинкты! Демону вообще в космосе быть положено... Я вскочила на ноги, гордо выпрямилась и отряхнула длинную юбку.

– Спасибо за беспокойство! Полагаю, вы придумаете для меня достойное наказание, сэр. Буду с нетерпением ждать теле-маго-грамму, – насупившись, проговорила я и попыталась пройти мимо него к выходу.

Не тут-то было: он ухватил за локоть и с силой вернул к стене.

– У вас совсем разум отшибло, мисс Дэлориан? То, что вы творите... – На лице профессора явственно читалось отвращение. – Я наслышан о ваших романтических прогулках. Кавендиш, Дорохов, Бехтерев, Макферсон... Превратили свой рот в помойку.

– Да как вы смеете? – Я вырвала руку и ошалело уставилась на мужчину. – И какое вам дело до моих прогулок?

– Артур будет очень опечален, – медленно прошипел он, нависая над моим лицом, – когда узнает, что его крестница устраивает бесплатные коллективные экскурсии для чужих языков по своему рту.

Едкие, гнусные слова буквально припечатали меня к полу. Руки задрожали, и с губ слетела ответная гадость:

– Боитесь, что подхватили какую-нибудь заразу? Ваш язык тоже побывал в этой «помойке»!

– И мне противно от одной мысли об этом... – брезгливо бросил Демон.

Чуть не задохнувшись от приступа гнева, я принялась хватать ртом воздух.

– Удивительно, что вы сказали об этом, сэр, – исступленно прохрипела я. – Потому что я как раз проводила эксперимент. С кем целоваться противнее – с вами или с этими слюнявыми идиотами.

– Ну и к какому выводу вы пришли в ходе научного ис-

следования? – рявкнул на меня Карпов.

Все его фирменное хладнокровие куда-то испарилось. Угольно-черные глаза намеревались испепелить меня живо, не оставив и горсти пепла.

– Оно еще не завершено, сэр. Не все шестикурсники успели посетить коллективные экскурсии! Я вас оповещу о результатах. В письменной форме, – дерзко выкрикнула я и устоялась на мерзкую физиономию.

Внутри все клокотало, праведная ярость расплзлась по венам. Очень хотелось кого-нибудь придушить.

– Ну, давайте освежим воспоминания... Для чистоты эксперимента, – рыкнул он в гневе и, схватив за плечи, вдавил меня в стену оранжереи.

– Вам же от одной мысли противно? – насмешливо бросила я ему в лицо.

– Ничего, потерплю, – злобно прошипел Демон.

И больно впился в губы.

Да что за день-то такой дурацкий!

Поцелуй вышел столь резким и грубым, что я возмущенно вскрикнула. Правда, этого не было слышно из-за прилепившегося ко мне неистового рта. Казалось, монстр готов сожрать меня целиком, отрывая плоть по кусочкам.

И все же... Ноги снова подкосились, под коленками пробежала дрожь, спина сплошь покрылась мурашками. Сердце принялось отчаянно колотиться, отбивая бодрую барабанную дробь. И губы поддались, впуская Мрачного Демона и

прогибаясь под яростным напором.

Почувствовав, что я уступила, он мгновенно успокоился и перестал меня терзать. Губы стали мягкими, властными и нежными. Рука скользнула по талии, вторая погрузилась в копну спутавшихся волос. Он ласково сжал затылок и настойчиво привлек голову ближе к себе. К аромату коварной глицинии примешался запах чистоты, солнца и полевых трав, создавая в носу невероятный букет.

Ничего не соображая, я признала поражение и безвольно ответила на сладкий поцелуй. Это было чертовски приятно, вкусно, жарко и... вряд ли происходило в действительности. Просто потому, что такое невозможно. Чудовища не имеют права так здорово целоваться!

Ладони сами потянулись к его крепкой шее и с двух сторон захватили в нежный плен. По телу с непривычки побежали мурашки. Легкомысленной бабочкой-однодневкой я дрожала в руках чертового Демона, охотно позволяя властному рту творить со мной все, что вздумается. Сомневаюсь, что разум в эти минуты присутствовал в организме.

Испуганно зажмурилась, не позволяя глазам стать свидетелями происходящего. Пришла темнота, принесла букет новых ощущений.

Жадные губы, топленным воском скользнувшие по шее...

Требовательные пальцы, сжавшие в кулаке ткань блузки и иступленно рванувшие ее на себя...

Звон оторвавшейся пуговицы, волчком закрутившейся на

каменном полу...

Прерывистое теплое дыхание, бархатом щекочущее ухо...

А потом все кончилось.

Словно отрезвленный пощечиной, Карпов резко оторвался и в изумлении уставился на меня. Перевел взгляд на потолок. Негромко выругался. Нервно закусив губу, развернулся и стремительно пересек оранжерею, у самого выхода бросив так тихо, что я едва расслышала:

– Ну и с кем противнее?

Проведя пальцем по распухшим от страстного поцелуя губам, я прислонилась к стене. Вот черт! Сердце колотилось загнанным породистым скакуном, ватные ноги с трудом поддерживали в вертикальном положении. Выходит, он способности свои демонстрировал? Или на нас обоих подействовал эффект Любовной Оранжереи, как ее в шутку называли студенты?

Как бы то ни было, я слабо представляла себе дальнейшую учебу в этом расчудесном заведении. И совершенно четко осознала, что грядущее дополнительное занятие мне придется прогулять. Как и все последующие.

Выйдя из оранжереи на свежий воздух, я не могла надышаться. Господи, как же стыдно! Зачем я наговорила Карпову столько гадостей? Мысли никак не желали собираться в разумный пазл, космическим мусором блуждая по вселенной сознания. Сейчас ярость отошла на второй план, и осталась лишь зияющая черная дыра в голове.

Как же здорово он целуется!

Неправильная мысль. Вообще не про то. Закрывать дверь в это волнительное воспоминание и заколотить досками.

Не могла вспомнить причину, по которой вспыхнула и раскричалась. Чертовы цветы. Глициния, чтоб ее.

Губы еще покалывало, они намеревались расплыться в глупой улыбке. Очень здорово. Волшебно. И так вкусно. Энди рядом не валялся. Не говоря уже про недотепу Пита. В моей скучной жизни вообще ничего подобного ни разу не происходило.

Я снова прикоснулась к губам пальцем. Они показались чужими. И... им хотелось еще. Доски тут не помогут – хоть заколачивай, хоть не заколачивай.

***

Судьба-злодейка, я бы ей высказала пару ласковых прямо в ехидную мордашку. Только мы нашли с Карповым удобоваримый вариант сосуществования, устраивавший обоим! Он чуть реже грозился скормить меня троллям, а я старалась поменьше его бесить и ответственно читала учебники для первокурсников. Так мы могли худо-бедно дотянуть до промежуточных экзаменов, не растерзав друг друга в клочья. А теперь как?

Я снова с честью отвоевала авторство собственных проблем. И где моя хваленая рассудительность? Такого сумасбродства сама от себя не ожидала.

Как вообще Карпов узнал, что мы в той оранжерее? Сле-

дил? Беспokoился? Гулял мимо, наслаждаясь видами? Не появиись он там...

Невероятно стыдно! В словах профессора про коллективные экскурсии – грубых и гадких, – застряла истина. За несколько дней я умудрилась подставить губы трем парням (кое-кому даже дважды, не будем показывать пальцем). И еще это «лестное предложение» от Дорохова... И приступ больной фантазии у Бехтерева, так раздосадовавший Джен.

Похоже, моя репутация резко уйдет в минус после сегодняшнего приключения с Макферсоном. Остается надеяться, что, в отличие от Пита, он не станет слишком распространяться. Наверное, стоит найти его и пригрозить... только чем?

Энди отыскался в библиотеке. С пришибленным видом он терзал глазами страницу старинной книги. Несмотря на белую рубашку и прилежную внешность, этот крепкий парень вписывался в библиотечное пространство, как живой динозавр – в кухню моих родителей-интеллигентов. Ощущался какой-то подвох.

– Энди... – тихонько позвала я, став пунцовой изнутри и, уж наверняка, снаружи.

– Господи, Ани, прости! – вытаращив испуганные серо-голубые глаза, зашептал Макферсон. – Я как вышел оттуда, сразу вспомнил, что ты просила остановиться... А внутри... Вообще ничего не соображал. Туман в голове, зверство в сердце. И руки, и губы... Они сами!

– Да, я знаю, Карпов объяснил, – как можно спокойнее пробормотала я. – Там какое-то растение под потолком... «бурестрастное».

Увидев красное пятно, расплзающееся по моей шее, и кровоподтек на запястье, парень побледнел и до судороги сдвинул брови. Он явно придерживался тех джентльменских правил, чтобы никогда не обижать дам, даже в пылу страсти. Джен бы такой подошел. Правильный, вежливый... Даром что «верзила», как тонко подметил Демон.

Вот почему Дженни? А мне что, самой уже не надо?

– Я сделал тебе больно? – пристыженно уточнил Энди, и я исполнилась благодарности за эту неловкую заботу о себе.

– Все в порядке, заживет. Я не в обиде, только помалкивай...

Не говорить же, что авторство пятна на шее принадлежит вовсе не ему. Тем более, что запястье зажимал именно Макферсон.

– Слава богу, я хотя бы не... Могло кончиться совсем... Я бы себя не простил...

– Энди! Давай просто забудем, ладно? – строго прервала приступ нервного самобичевания. – А что ты забыл в этом до чертиков пристойном месте?

Со скорбным видом он протянул мне теле-маго-грамму. Только сейчас заметила, что руки парня подрагивают, как после серьезного нервного потрясения.

«Кому: Эндрю Александр Макферсон, второе отделение, куратор Р. Осворт

Тема: Трудовое наказание за нарушение границ запрещенной территории и неуместные действия в Оранжерее №5.

Наказание: Сочинение на тему «Семейство Бурестрастных растений. Их негативное влияние на разум и поведение». 20 листов содержательного текста к понедельнику, сдать лично проф. А. Карпову.

Пояснение: Рискнете повторить «подвиг», господин Макферсон, буду настаивать на вашем исключении. С подробным описанием причин в присутствии Малого совета и лично ректора Академии.

P.S. Хороших выходных».

Любопытно, что Карпов подразумевал под подвигом. Посещение оранжереи или поцелуй со мной? 20 листов... Чрезмерно суровое наказание, Энди придется сидеть за книжками ночи напролет. И то, почти наверняка, не успеет.

– А тебе он что-нибудь прислал? – с робкой надеждой на компанию по несчастью спросил парень.

Идеальный образ Энди Макферсона начал стремительно тускнеть. И повадки воинственного гепарда, и ежик черных волос, в который так приятно запустить ладошку, и глаза цвета северного моря на горизонте... Все это не казалось теперь таким уж привлекательным. Картинка-мечта померкла. И виной всему, как обычно, мрачный, злобный монстр... с

властными, горячими губами. Вот уж любитель попортить мне жизнь, даже заочно.

– Пока нет... Придумывает, наверное. Или заливает кабинет снадобий зеленой вонючей слизью с пола до потолка, – попыталась улыбнуться я. Иногда мне и впрямь казалось, что авторство ползающей дряни принадлежит вовсе не первокурсникам.

Но мне теле-маго-граммы от Карпова не пришло – ни через час, ни через два. На ужине Демон не появился. Как и на завтраке. Пятничное занятие отменилось, а к вечеру до меня долетели слухи, что профессор уехал в срочную командировку на все выходные.

Конец первой части. Продолжение можно прочитать в книге «Дикая магия. Проклятье «черного тюльпана» – 2»